

**ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ
в XIX в.**

МАИКОЛ — 1987

АДЫГЕЙСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ,
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ
в XIX в.

Ответственный редактор кандидат исторических наук
В. Н. Ратушняк

А. Ю. ЧИРГ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-АДЫГЕЙСКИХ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Черноморское побережье Кавказа от Анапы до района Сочи, а также большая часть территории Закубанья были населены в первой четверти прошлого столетия адыгами-черкесами¹, которые находились в то время на раннефеодальной стадии развития. Экономическая жизнь горцев характеризовалась господством натурального хозяйства, слабо была развита внутренняя торговля. Видный советский исследователь общественного строя адыгов В. К. Гарданов указывает нам на отсутствие у них в XVIII — первой половине XIX в. собственной денежной системы².

Вместе с тем адыги поддерживали довольно оживленные торговые связи с внешним миром. Основными торговыми партнерами Черкесии были Россия и Османская империя.

Большое значение для экономического и социального развития адыгейского народа имели торговые связи с Россией, получившие распространение еще со временем поселения (конец XVIII в.) на Правобережной Кубани Черноморского казачьего войска.

Изучение различных аспектов истории дружественных связей между народами нашей страны представляет несомненный научный интерес. В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть вопрос о русско-адыгских торговых связях на

¹ Термины «адыги» и «черкесы», «Адыгея» и «Черкесия» рассматриваются нами как идентичные.

² Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). — М., 1967. — С. 112.

Черноморском побережье Кавказа в первой четверти XIX в., до сих пор не нашедший должного освещения в исторической литературе.

Северо-Западный Кавказ явился в первой четверти XIX в. ареной острого соперничества между Османской и Российской империями. Хотя до 1829 г. Адыгея名义上 входила в состав Турецкой державы и в руках Порты продолжали оставаться несколько крепостей на Кавказском побережье, адыгские племена и народности фактически не подчинялись султану и были независимыми.

Порта стремилась поработить адыгов и использовать их в борьбе с Россией. Для утверждения своего владычества в Черкесии турецкие колонизаторы применяли неприкрытый захват и военное насилие, разжигали внутреннюю межплеменную борьбу среди горцев, распространяли ислам.

Царское правительство России, проводя с конца XVIII в. активную политику на Северо-Западном Кавказе, стремилось ослабить позиции Турции в Адыгее и распространить свое политическое влияние среди горцев.

Немаловажное место в проведении политики царизма занимало торговое проникновение. Россия в первой четверти XIX в. вступает в острую конкурентную коммерческую борьбу с Османской империей на фактически независимой территории Адыгеи. Это серьезно ослабляло позиции турецких купцов. Торговое соперничество было важной составной частью борьбы обеих держав за Северо-Западный Кавказ.

Производившаяся с конца XVIII в. через реку Кубань русско-адыгейская торговля была взаимовыгодной. Русские товары успешно конкурировали с турецкими, шедшими с Черноморского побережья. А в начале XIX в. российские купцы проникают и на побережье, ведя торговлю «под самым носом» у анапского паша.

Первые попытки русских завязать торговые сношения с прибрежными черкесами относятся ко времени русско-турецкой войны 1806—1812 гг.

В июне 1809 г. была взята турецкая крепость Анапа десантом, высаженным с судов эскадры капитан-лейтенанта Перхуро-ва³. В ней расположился русский гарнизон. Уже через несколько дней после занятия Анапы, командующий Черноморским флотом И. И. Траверсе писал министру морских сил П. В. Чичагову о необходимости разрешить торговлю в этой крепости, в

³ Веселовский Н. Военно-исторический очерк города Анапы // Записки разряда военной археологии и археографии имп. Русского военно-исторического общества. — Пг., 1914. — Т. 3. — С. 68—69.

особенности солью, «...в которой закубанские народы имеют великую нужду, и сверх того, доставить туда со стороны казны соли не для каких-либо выгод, а единствено для привлечения их к нам»⁴.

Развитию торговли с адыгами уделял большое внимание комендант Анапы генерал-майор Бухгольц. Сближению с горцами содействовала его жена, черкешенка из племени абадзехов⁵.

При содействии генерал-майора Бухгольца начал в 1811 г. свою деятельность по установлению торговых отношений с горцами северо-восточного побережья Черного моря российский коммерсант генуэзского происхождения Рафазли Августинович Скасси. Он представил в этом году Херсонскому военному губернатору Ришелье свой план развития торговли с прибрежными черкесами⁶ и, снабженный рекомендательными письмами последнего, прибыл в Анапу. Как явствует из собственноручной записки Р. Скасси, 20 октября 1811 г. он, в сопровождении местного жителя Измаила Базаша и двух его людей, вышел из Анапы и прибыл к натухайцам⁷. Горцы приняли его весьма дружелюбно. Первые связи были установлены.

После завершения русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Анапа и Суджук-кале, согласно условиям Бухарестского трактата 1812 г., были возвращены Османской империи. Северо-восточный берег Черного моря оставался под номинальной властью Порты.

Русское правительство вступает в торговое соперничество с Портой на Северо-Западном Кавказе. Р. Скасси в 1813 г. занимался, по поручению Ришелье, вопросами торговли с горцами. Он присутствовал несколько раз на народных собраниях прибрежных адыгов и на одном из них заключил с ними соглашение о торговле⁸. В устье р. Пшады кунаками Скасси было заготов-

⁴ Внешняя политика России XIX — начала XX в.: Документы Российского Министерства иностранных дел. Серия I. — М., 1967. — Т. 5. — С. 95 (в дальнейшем: ВПР).

⁵ Л. Я. О торговле с горскими племенами Кавказа на северо-восточном берегу Черного моря. // Закавказский вестник. — Тифлис, 1848. — № 14 — 1 апреля; Веселовский Н. Указ. соч. — С. 71; Хрестоматия по истории Кубани: Документы и материалы. — Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1975. — Ч. 1. — С. 50.

⁶ ВПР. Серия П. — М., 1979. — Т. III (XI). — С. 107.

⁷ Скасси Р. Извлечение из Записки о делах Черкесии, представленной господином Скасси в 1816 году. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в извещениях европейских авторов XIII—XIX вв. (в дальнейшем: АБКИЕА). — Нальчик, 1974. — С. 281, 282.

⁸ АБКИЕА. — С. 282-283.

лено значительное количество леса для русского флота⁹. Для вывоза этого леса в Россию, было отправлено в июне 1814 г. к устью р. Пшады судно «Дунай» с грузом соли, подлежащим обмену. Черкесский лес был доставлен в Севастополь и осмотрен корабельным мастером Мелиховым¹⁰.

Соглашения о торговле, заключаемые русскими представителями с горцами, подрывали позиции турецких купцов. К. Маркс писал: «...даже в те времена, когда в Анапе еще находился турецкий паша, Россия заключила несколько соглашений с черкесскими вождями о прибрежной торговле...»¹¹.

В 1816 г. Р. Скасси подал в Петербурге на имя Александра I записку о развитии торговых сношений с черкесами¹². Ему было отпущено 100 тыс. пудов соли из крымских соляных складов для вывоза в Адыгею¹³.

С 1816 г. Скасси, как надворный советник Коллегии иностранных дел, был послан Херсонским военным губернатором Ланжероном в землю Черноморского казачьего войска с дипломатическими поручениями, касающимися черкесов. При этом войсковому атаману Г. К. Матвееву предписывалось оказывать ему всяческое содействие¹⁴. Скасси предложил Матвееву наладить нормальные отношения с горцами, развивая с ними торговые связи¹⁵. Он решительно критиковал практиковавшуюся казачьей администрацией отдачу меновых дворов в откупное содержание¹⁶.

Пользуясь покровительством местного влиятельного князя Магомета-Индара-Оглы, Скасси устроил в устье р. Пшады, ча побережье, находившемся под nominalным владычеством Порты, настоящую торговую факторию. В 1818 г. к Пшаде прибыла посланная им шхуна «Черкешенка», груженная солью, были построены магазины для торговли с горцами¹⁷.

⁹ Центральный государственный архив Военно-Морского флота СССР, ф. 243, оп. 1, д. 920, л. 4. Список с письма комиссionера генуэзского дворянства Скасси к херсонскому военному губернатору дюку де Ришелье от 20-го апреля 1813 года (в дальнейшем: ЦГАВМФ).

¹⁰ ЦГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 920, лл. 36, 54, 68, 71.

¹¹ Маркс К. Лорд Пальмерстон // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2 изд. — Т. 9. — С. 418.

¹² ЦГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 920, л. 82. Список с отношения статс-секретаря Нессельроде к морскому министру от 9-го июля 1816 г.

¹³ Центральный государственный исторический архив СССР (в дальнейшем: ЦГИА СССР), ф. 560, оп. 22, д. 157, лл. 36—36 об., 37.

¹⁴ Русско-адыгейские торговые связи 1793—1860 гг.: Сборник документов. — Майкоп, 1957. — С. 40—41.

¹⁵ Короленко П. П. Черноморцы. — СПб, 1874. — С. 164.

¹⁶ Покровский М. В. Русско-адыгейские торговые связи. — Майкоп, 1957. — С. 23.

¹⁷ Л. Я. Указ раб. — № 14.

К 1819 г. торговые операции Скасси расширились, он укрепил связи с прибрежными черкесами, которые вырубили для отпуска в Россию выше двух тысяч корней строевого леса¹⁸.

Вопрос о дальнейшем развитии русской торговли с горцами на Черноморском побережье Кавказа обсуждался летом 1819 г. на заседаниях Комитета министров. В записке министра финансов предлагалось разрешить беспошлинный отпуск соли в Черкесию и Абхазию¹⁹. Соглашаясь с запиской графа Ланжерона, министр финансов считал, что производство торговли с прибрежными горцами следует упорядочить и подчинить одному начальнику. Это дело можно вверить Р. Скасси, под руководством Херсонского военного губернатора²⁰.

В 1821 г. вышли в свет утвержденные Александром I «Правила для торговых сношений с черкесами и абазинцами». Указав на пользу «учреждения торговых сношений с народами Закубанскими и особенно с черкесами и абазинцами, обитающими на берегах Черного моря», правила устанавливали два пункта для торговли с ними — в Керчи и Бугазе²¹. При этом следовало «в Керченском порте принимать произведения Черкесии и Абхазии морем привозимые, а в Бугазе те же самые произведения, сухопутно туда доставляемые для мены на товары и произведения Российской»²².

Горские товары разрешалось принимать в этих пунктах беспошлинно, и также беспошлинно отпускать в Черкесию и Абхазию русские товары в соответствии с тарифом, исключая золотые, серебряные и медные монеты, российские банковые ассигнации, огнестрельное и холодное оружие, порох и свинец²³. Торговлю можно было вести беспошлинно в течение десяти лет со времени открытия Керченского порта и Бугазского монетного двора.

Руководство и контроль над осуществлением торговли с прибрежными горцами возлагались на учреждаемую специальную административно - коммерческую организацию, возглавляемую «Попечителем торговли с черкесами и абазинцами». Местопребыванием попечителя была назначена Керчь. Согласно

¹⁸ Акты, собранные Кавказской археологической комиссией (в дальнейшем: АКАК). — Тифlis, 1875. — Т. 6. — Ч. 2. — С. 451.

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 157, л. 38.

²⁰ ВПР. Серия II. — Т. III (XI). — С. 108.

²¹ Полное собрание законов Российской империи (в дальнейшем: ПСЗ). — СПб., 1830. — Собр. I. — Т. 37. — С. 878.

²² ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 259, л. 103 об.

²³ ПСЗ. — Собр. I. — Т. 37. — С. 878—879.

штату Попечительства, ему подчинялись три комиссара, которые посылались в Пшаду, Геленджик и Бугаз²⁴.

Попечителем был назначен Р. Скасси. Комиссарами были Карл Иванович Тауш и Леонтий Яковлевич Люлье.

Комиссары, направленные Попечительством в горы Черкесии, поддерживали связи с кунаками, наблюдали за ходом торговли, являлись посредниками между русскими купцами и горцами²⁵.

Торговля, согласно правилам, должна была подвергаться строгой регламентации и контролю. Хозяева судов, привозивших товары из Черкесии и Абхазии, должны были получать от помощников попечителя бумаги, подтверждающие адыгейское и абхазское происхождение этих товаров, а также ярлыки с указанием их количества, меры и веса²⁶. Вывозимые из Керчи в Черкесию и Абхазию товары также регистрировались в подпisyываемых попечителем ярлыках с указанием их веса, меры и количества. При этом хозяин товаров обязан был в течение шести месяцев предъявить в таможню свидетельство от помощников попечителя в том, что товары эти действительно привезены были в Черкесию и Абхазию в указанное место²⁷. В случае отсутствия подобного свидетельства право беспошлиной торговли терялось и взыскивался положенный акциз²⁸.

В специальной реестре указаны были адыгейские и абхазские товары, допускающиеся к беспошлинному «меновому торговью». Среди них названы сало всякое, воск, мед, масло, кожи, лошади, лес, бурки, фрукты, овощи, хлеб, шерсть, табак и другие продукты горского хозяйства²⁹.

На проведение торговых операций и заведение кораблестроения в Керчи Р. Скасси было отпущено 200 тысяч руб.

Развитие торговли с горцами северо-восточного побережья Черного моря преследовало политические интересы. В одном из российских официальных правительственныйых документов прямо указывалось относительно заведений для меновой торговли с кавказскими горцами, что «...главная цель сих учреждений была политическая...»³⁰. Р. Скасси принимал энергичные меры для ослабления влияния анапского паша среди адыгов³¹. Паша

²⁴ АКАК. — Т. 6. — Ч. 2. — С. 485. Штат для попечителя торговли с черкесами и абазинцами и чиновников в его ведомстве состоящих.

²⁵ Л. Я. Указ. раб. — № 14; АКАК. — Тифлис, 1881. — Т. 8. — с. 638.

²⁶ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 259, лл. 107 об. — 108.

²⁷ ПСЗ. — Собрание 1. — Т. 37. — С. 880.

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 157, лл. 41 об. — 42.

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 259, л. 111—111 об.

³⁰ АКАК. — Т. 7. — С. 891. Записка «О закубанских народах».

³¹ АКАК. — Т. 6. — Ч. II. — С. 451.

даже жаловался, что русская торговля солью с горцами крайне затрудняет его действия по «возмущению» их против России³².

Попечительство торговли с черкесами и абазинцами развернуло свою деятельность в 1822 г. Учрежденные в Керчи и на Бугазе торговые пункты явились передовыми форпостами торгового соперничества России с Османской империей на Черноморском побережье Западного Кавказа³³. В 1822 г. отправились к берегам Черкесии и Абхазии русские суда, груженные солью и мануфактурными товарами. На судне «Святой Николай» было доставлено в Пшаду семь тысяч пудов соли, взамен которой капитан судна Капуни вывез оттуда кукурузу, рожь, ореховые и дубовые доски, воск, мед, строевой лес³⁴. Судно «бахчисарайского мещанина» Моше Калфе, носившее красочное название «Надежда», привезло в Тду 10 тысяч пудов соли³⁵.

В бухтах и устьях рек восточного берега Черного моря, где приставали русские купеческие суда, были построены соляные склады и магазины, при которых находились назначенные купцами приказчики. В деле торговли подвизались кунаки из местных жителей. Купцы, пристав к берегу где-нибудь возле устья р. Пшады, называли имя кунака своего Магомета Индар-оглу и находили приют и защиту³⁶. Меновая торговля энергичных русских купцов с суровыми и воинственными горцами на кавказском берегу представляла собой весьма живописную картину. «Если шкипер или хозяин товаров объявлял желание учредить мену в этом месте, — писал Л. Я. Люлье, — то жители назначали из среды себя несколько человек, для поверки качества и примерно, количества привезенного груза, и после того тот час определялась ими по произволу, впрочем умеренно, плата натураю, за право якорной стоянки и мены. Пошлину эту жители делили между собою. После этого старшины устанавливали таксу, как на соль, так и на произведения земли своей, по которой должна была производиться мена, и которую никто не был в праве изменять по собственному произволу³⁷. На мануфактурные изделия, чугун и железо такса не устанавливалась, и купец сам определял их цену³⁸.

Русско-адыгейские торговые связи на Черноморском побе-

³² АКАК. — Тифlis, 1873. — Т. V. — Док. № 970. — С. 841.

³³ Покровский М. В. Указ соч. — С. 80—81.

³⁴ Архив Адыгейского НИИ (далее: АНИИ), ф. 2, папка 10, д. № 1, с. 241.

³⁵ Там же.

³⁶ Л. Я. Указ раб. — № 14.

³⁷ Л. Я. Указ. раб. — № 14.

³⁸ Там же.

режье Кавказа еще более расширились в последующие годы. С 18 мая по 22 ноября 1823 г. берега Черкесии и Абхазии посетили 10 купеческих судов из России. Помимо соли, они доставили железо, серебро, мельничные жернова и другие товары³⁹. Суда приходили главным образом в Цемес, Геленджик и Пшаду⁴⁰. В немалом количестве сбывались товары горцам. Так, лишь князь Мурадин приобрел 998 пудов соли и 5 пудов железа⁴¹.

В 1823—1827 гг. попечительством было отправлено к прибрежным жителям 159,3 тыс. пудов соли. Вывезено было в то же время из Черкесии и Абхазии морем товаров на сумму 93 842 рубля, а ввезено — на 51 705 рублей⁴². Кроме соли ввозили из Керчи в Адыгею значительное количество чугунных котлов, кос, топоров, иголок, зеркал, сафьяна, бумажных материалов и сукна⁴³.

Российские суда покидали живописные берега Западного Кавказа, груженные хлебом, воском, медом и пушными товарами⁴⁴, и направляли свой путь по лазурным волнам Черного моря в г. Керчь. По словам одного из помощников «попечителя торговли с черкесами и абазинцами», Кодинца, в 1824—1827 гг. к северо-восточному побережью Черного моря пристало до 30 российских судов⁴⁵.

В 20-х гг. XIX в. продолжал принимать активное участие в торговле с Россией знатный и состоятельный адыг Магомет Иидар-оглу⁴⁶. Среди тех горцев, которые вели торговлю с российскими купцами, можно назвать имена Кири-оглу, Циамюра, Наврус-оглу, Давлет-Мурзы, Гауда-оглу, Мамсыра, Таап-Гирей-оглу Татюкая, Ханаг-оглу-Солимена⁴⁷.

С началом русско-турецкой войны 1828—1829 гг. прекратилась посылка российских купеческих судов к берегам Черкесии. Меновая торговля с горцами была прервана и свернулась

³⁹ ВПР. Серия II. — М., 1982. — Т. V (ХIII). — С. 729, примечание 172-е.

⁴⁰ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 1, д. 134, ч. III, л. 15.

⁴¹ Архив АНИИ, ф. 2, папка 10, д. 1, с. 243.

⁴² Писарев В. И. Методы завоевания адыгейского народа царизмом в первой половине XIX в. // Исторические записки. — М., 1940. — Т. 9. — С. 170.

⁴³ Шамрай В. С. Краткий очерк меновых (торговых) сношений по Черноморской кордонной и береговой линии с закубанскими горскими народами с 1792 по 1864 год. // Кубанский сборник. — Екатеринодар, 1901. — Т. 8. — С. 460.

⁴⁴ АКАК. — Т. 7. — С. 891.

⁴⁵ Архив АНИИ, ф. 2, папка 10, д. № 1, с. 243.

⁴⁶ ВПР. Серия II. — Т. V (ХIII). — С. 642—643. Письмо попечителя керченской и бугазской торговли Р. А. Скасси князю Мехмету Иидар-оглу Шупакови. 28 ноября 1824 г.

⁴⁷ Очерки истории Адыгеи. — Майкоп, 1957. — Т. I. — С. 200.

операции «попечителя торговли с черкесами и абазинцами». Осенью 1829 г. был уволен с русской государственной службы Р. А. Скасси⁴⁸.

В исторической литературе нет единства взглядов в оценке как деятельности попечительства, так и результатов развития русско-адыгейских торговых связей на Черноморском побережье Кавказа в первой четверти XIX в. Причем нет ни одной специальной работы, за исключением статьи Л. Я. Люлье, посвященной изучению деятельности попечительства Р. А. Скасси и русско-адыгейской торговли до Адрианопольского мира 1829 г. Вопрос этот лишь попутно затрагивался в кавказоведческих исследованиях.

В ряде работ высказана мысль о том, что не было условий для развития торговли с горцами и что деятельность попечительства следует характеризовать отрицательно⁴⁹. В. А. Потто, например, утверждал, что возглавлявшаяся Р. Скасси организация была лишена значения и что это «...обстоятельство не мешало де-Скасси не обращать никакого внимания на то, что жизнь, действительность, на каждом шагу опровергала его соображения и уничтожала плоды его канцелярской работы»⁵⁰.

Существует в историографии противоположное мнение, что развитие торговли с прибрежными адыгами в первой четверти XIX в. достигло определенных успехов и имело положительные последствия⁵¹. М. В. Покровский весьма ясно высказался по этому поводу: «Создание в Керчи и на Бугазе русских торговых пунктов, имевших задачей вывоз товаров на Черноморское побережье Кавказа, дало положительные результаты. Ко времени начала русско-турецкой войны 1828—1829 гг. вывоз этот достиг весьма существенных размеров»⁵².

На основании изучения документальных материалов по этому вопросу мы можем констатировать, что русская торговля с причерноморскими адыгами в первой четверти XIX в. получила определенное развитие. Об этом убедительно говорят вышеприведенные конкретные факты о деятельности российских купцов

⁴⁸ АКАД. — Т. VII. — С. 882; Архив Раевских. — СПб, 1910. — Т. III. — С. 335. — Примечание.

⁴⁹ Короленко П. П. Указ раб. — С. 165, 184; Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. — СПб., 1886. — Т. II. — Вып. 4. — С. 600, 601, 663; Писарев В. И. Указ. раб. — С. 170—171; Фадеев А. В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. — М., 1958. — С. 32—33.

⁵⁰ Потто В. Указ. раб. — С. 663.

⁵¹ Л. Я. Указ. раб. № 14; Шамрай В. С. Указ. раб. — С. 461; Покровский М. В. Указ. раб. — С. 82.

⁵² Покровский М. В. Указ. раб. — С. 82.

на побережье,名义上在奥斯曼帝国的影响力范围内。

Вместе с тем укажем, что результаты этой торговли не соответствовали сделанным на нее затратам. Некоторые исследователи правильно указывают, что развитию торговли нанесли ущерб спекуляции российских купцов, неудовлетворительная организация торгового дела на меновых дворах.

Торговые операции российских купцов на Западном Кавказе затруднялись поисками османского паша в Анапе. Порта ревниво отнеслась к экономическому проникновению России на Черноморское побережье и в Закубанье. Турецкие эмиссары подстрекали вождей некоторых черкесских племен к нападениям на устроенные попечительством торговые фактории. Анапский паша, как писал глава российского министерства иностранных дел К. В. Нессельроде, «...всячески старается сбить с толку склонных перейти на нашу сторону или же жестоко преследует наших приверженцев, прибегая в этих целях то к силе, то к хитрости»⁵³. М. С. Воронцов указывал анапскому паше на совершившиеся летом 1824 г. нападения на русские торговые пункты в Пшаде и Тду и на разграбление и потопление у Пшады российского купеческого судна⁵⁴.

Османо-руssкие противоречия, конечно, сильно мешали развитию русско-адыгейских торговых связей. Этому развитию не способствовало и негативное отношение отдельных представителей царской администрации к торговому диалогу между горцами и russkimi. Так, А. П. Ермолов в отношении к Нессельроде от 27 апреля 1822 г. высказался против проекта Скасси о развитии мирных отношений и торговли с горцами⁵⁵. Близкие к Ермолову круги стояли за военное решение черкесского вопроса. Присоединение адыгов к России, по их мысли, должно было совершиться путем завоевания.

Между тем К. В. Нессельроде, М. С. Воронцов и некоторые другие деятели стояли за мирное присоединение Черкесии к России путем развития с горцами торговых и других связей.

Царизм одной рукой осуществлял мероприятия для развития торговли с горцами, другой же — препятствовал ей, производя военные операции в Закубанье. С. К. Бушуев очень верно подметил в этой связи: «Вот почему при больших затратах на ведение русско-адыгейской торговли результат был незначительный. То, что делали гражданские власти, сводилось на нет во-

⁵³ ВПР, Серия II. — Т. V (ХIII). — С. 617.

⁵⁴ ВПР, Серия II. — Т. V (ХIII). — С. 771, прим. 341.

⁵⁵ АКАК. — Т. VI. — Ч. II. — Док. № 859.

енными властями. Этим пользовались англо-турецкие агрессоры⁵⁶.

Все это не могло не привести к сокращению объема русско-адыгейской торговли к 1828 г. — ко времени начала новой войны между Османской империей и Россией. Однако нельзя из этого факта делать глубоко ошибочный вывод, что якобы «горцы решительно предпочитали торговые связи с турецкими купцами»⁵⁷.

В действительности, народные массы адыгов предпочитали вести торговлю с Россией, а не с Османской империей. Торговля с Россией больше соответствовала их нуждам и потребностям. Представители адыгов заявляли об этом ясно и недвусмысленно. В сентябре 1827 г. прибыли на Чернолесский меновный двор депутаты от шапсугов Халач и Лепсегач. Они указали в прошении, что шапсугам выгоднее вести торговлю с Россией «нежели с Турецкою державою, по той самой причине, что одни только достаточные у них жители могут пользоваться меною от Анапа, доставляя им одно коровье масло, мед и воск, бедные же не имея у себя таковых довольствий должны для необходимых своих нужд в вымене от Анапа лишиться последнего своего имущества, при самых необходимых случаях принуждены будут пустить в продажу детей, что для них крайне невыгодно. — От России же они признают удобнейшим и легчайшим способом получать все нужное для себя через вымен леса, лесных овощей, хлеба, рогатого скота и прочего по ближайшей с ними российской черты границы соседственного обзаведения хлебопашественного занятия и скотоводства без всякой для них тягости сходно могут производить мену и всякий бедный останется довольным...»⁵⁸.

Ликвидированная после Адрианопольского мира 1829 г. административно - коммерческая организация, возглавлявшаяся «попечителем торговли с черкесами и абазинцами», сыграла положительную роль в развитии торговли с горцами и установлении с ними дружественных связей. Это признал позже командир Отдельного Кавказского корпуса барон Г. В. Розен, писавший министру финансов Е. Ф. Канкрину, что «Попечительство Кавказской торговли», «несмотря на все злоупотребления, вкравшиеся в управление оным, некоторым образом поддерживало связь России с горскими народами»⁵⁹.

⁵⁶ Очерки истории Адыгеи. — Т. I. — С. 300.

⁵⁷ Писарев В. И. Указ. раб. — С. 171.

⁵⁸ Русско-Адыгейские торговые связи 1793—1860 гг.: Сборник документов. — С. 57. — Док. № 47.

⁵⁹ АКАК. — Тифлис, 1881. — Т. VIII. — С. 641.

Подведем некоторые итоги. В первой четверти XIX в. Северо-Западный Кавказ стал объектом спора между Россией и Османской империей. Русское правительство придавало немаловажное значение борьбе против османской торговли на Черноморском побережье и в Закубанье. Во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. были серьезно поколеблены политические и экономические позиции Порты на Заладнем Кавказе. Но крепости Анапа и Суджук-кале все же были возвращены османам.

Черкесия в 1812—1828 гг. оставалась под номинальным владычеством Османской империи. Султан проводил на Северо-Западном Кавказе агрессивную политику. Османы стремились поработить адыгов, вытеснить Россию с Кавказа. Соперничество между обеими империями переключилось из сферы военной в сферу экономическую. Турецкая торговля с горцами удовлетворяла, главным образом, потребности феодалов. Вывоз рабов занимал главное место в этой торговле, что свидетельствовало о ее отрицательном характере.

Царское правительство вступает в экономическую борьбу с султанской Турцией на Черноморском побережье Кавказа. Торговлей с горцами руководит «попечитель торговли с черкесами и абазинцами» со специальным штатом подчиненных ему чиновников.

Развитию русской торговли с горцами препятствовала колониальная политика царизма. Саму торговлю стремились использовать в политических целях, подвергали строгой регламентации.

Несмотря на это, русско-адыгские торговые связи расширялись. Торговлю с Россией горцы предпочитали экономическим связям с Османской империей. Дружеские связи, торговля и общение между простыми русскими и адыгскими людьми происходили и на меновых дворах, и вне них.

Торговля между русскими и адыгами имела прогрессивное значение в политической жизни горских народов Северо-Западного Кавказа. Она явилась одним из факторов, не позволивших Порте окончательно подчинить черкесов и превратить Закубанье в свою провинцию.

Н. И. БОНДАРЬ

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В XIX ВЕКЕ (этносоциальный аспект)

В истории русского государства сложно выделить хотя бы одно «спокойное» столетие. Тем не менее XIX век по насыщенности и важности событий занимает особое положение. XIX век — это восемь неурожайных лет и обострившийся до предела кризис крепостнической системы, ежегодные незатухающие волнения крестьян, массовые побеги «за волей», «в казаки». Это Отечественная война 1812 года, восстание декабристов и революционное движение разночинцев, попытки правительства «сверху», с помощью полумер стабилизировать внутреннее положение и последующая отмена в 1861 году крепостного права.

Окончательное утверждение капиталистических начал в экономике и распространение капитализма вширь, на окраины страны, в том числе на Кавказ¹, привело к обострению отношений России с переднеазиатскими и европейскими государствами. Это вылилось в ряд войн (русско-иранская, русско - турецкие, Крымская, Кавказская).

Экономическое, военное освоение новых территорий приводит к образованию новых этнических или даже этносоциальных общностей, обладающих своеобразием в области социальной, экономической, культурной жизни и психологии. Именно в XIX веке под прямым или косвенным влиянием вышеуказанных событий окончательно сформировалось последнее крупное в истории России казачество — кубанское, сыгравшее существенную роль во внутренней и внешней политике государства. Выявле-

¹ Ленин В. И. Развитие капитализма в России. // Полн. собр. соч. — Т. 3. — С. 592—596.

нию этнической и социальной сущности этого феномена, основным этапам социального и этнического развития кубанского казачества в XIX веке и посвящена данная статья².

§ 1. Этнический аспект вопроса.

В конце XVIII — начале XIX вв. на Кубани формируются две дисперсные этнографические группы восточнославянского населения — Черноморское и Кавказское линейное казачье войска. Причины их появления на Северном Кавказе связаны с расширением территориальных владений Российской империи и необходимостью военного и экономического закрепления новых земель.

Процесс формирования каждой из этих этнографических групп, несмотря на общие географические, политические и прочие условия, имел свои особенности и носил достаточно сложный характер.

1. Формирование украинской этнографической группы (Черноморского казачьего войска).

В 1792—1794 гг. на Кубань по жалованной грамоте Екатерины II переселяется часть бывших запорожцев — Черноморское казачье войско³. Численность войска оказалась недостаточной для охраны пограничных рубежей и экономического освоения территории. Неблагоприятным было и соотношение полов. В 1801 году в Черномории числилось 23474 души мужского пола и всего лишь 9135 душ женского пола⁴. Проблема народонаселения в основном была решена с помощью организованных переселений, проведенных в 1809—1812, 1820—1825, 1848—1849 гг.⁵.

Следует учитывать также и пополнение войска за счет беглых. Точную цифру их на сегодня установить сложно, но о том, что поток беглых достигал значительного размаха, свидетельствует факт учреждения розыскных команд и предписания войсковой администрации о высылке беглых крестьян.

В целом, к середине XIX в. благодаря переселенческой политике, потоку беглых, а также мерам административного харак-

² Этнические и социальные вопросы в истории кубанского казачества очень тесно взаимосвязаны и находились в постоянном взаимодействии.

³ Шамрай В. С. Хронология важнейшим событиям и законоположениям, имеющим отношение к истории Кубанской области и Кубанского казачьего войска. — Екатеринодар, 1911. — С. 32.

⁴ Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. — Екатеринодар, 1913. — Т. 2. — С. 39.

⁵ Фелицын Е. Д. Материалы для истории Кубанского казачьего войска. // Кубанские областные ведомости (далее КОВ). — 1896. — 3, 5, 7 сент.

тера, например, запретам выдавать замуж девушек «за границу», т. е. за пределы Черномории⁶, демографический вопрос был решен. С 1851 по 1860 годы соотношение полов выравнивается окончательно (в 1860 году мужчин 50,9%, женщин 49,1%) и наблюдается достаточно интенсивный естественный прирост населения⁷.

Первые два потока переселенцев были представлены малороссийскими казаками из Полтавской и Черниговской губерний. На третьем этапе в миграцию были втянуты жители Харьковской губернии⁸. Помимо этого, в войско в разное время были зачислены «турецкие» запорожцы — казаки упраздненного Усть-Дунайского Буджакского войска, солдаты регулярной армии, а также дворовые люди чиновников и дворян Черномории⁹. Бессспорно, что в состав войска в этот период зачисляются представители других национальностей, прежде всего, русские южных губерний и Дона¹⁰. Основная масса переселенцев, особенно первых двух потоков оседала в старых станицах (до 1842 года назывались куренными селениями). Выходцами из Черниговской и Полтавской губерний были пополнены станицы Ивановская, Стародеревянковская, Крыловская, Калнибогатская, Незамасьевская и др¹¹. Незначительный процент переселицев основывал новые станицы, в них, как правило, переходила и какая-то часть «старожилого» населения¹².

В целом следует согласиться с выводом Ф. А. Щербины о том, что Черноморское казачье войско представляло собой достаточно однородную компактную этнографическую группу¹³. Однако при этом следует сделать существенную оговорку. Несмотря на то, что переселенцы по национальной принадлежности являлись украинцами и, как образно выражался И. Д. Попко, были «кровными родичами черноморцев»¹⁴, они являлись носителями локальных вариантов общеукраинской традиционной

⁶ С этой целью снаряжались специальные сторожевые команды на границы Черномория с Донским войском и Кавказской областью.

⁷ Щербина Ф. А. Указ. раб. — Т. 2. — С. 73.

⁸ Там же. — С. 39, 70.

⁹ Фелицын Е. Д. Указ. раб.

¹⁰ Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. — Л., 1978. — С. 54; Щербина Ф. А. Указ. раб. — Т. 2. — С. 41.

¹¹ ГАКК, ф. 396, оп. 1, д. 8206, л. 60—61; ф. 574, оп. 1, д. 422, л. 30, 30 об., 127—129, 225—227; д. 257, л. 489—491 об.

¹² Щербина Ф. А. Указ. раб. — Т. 2. — С. 62.

¹³ Щербина Ф. А. Краткий исторический очерк Кубанского казачьего войска. // Кубанское казачье войско. 1696—1888. — Воронеж, 1888. — С. 155.

¹⁴ Попко И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. — СПб., 1858. — С. 46.

культуры. Наибольшей спецификой обладала культура жителей Слободской Украины (Харьковская губерния), находившихся в постоянных контактах с русскими, а также собственно запорожцев, занимавших обособленное положение в среде украинского этноса.

В условиях Кубани произошло также объединение двух различных хозяйствственно-культурных типов, присущих различным группам украинцев: скотоводческого с ограниченным земледелием (характерного для запорожского казачества) и пашенного земледелия (свойственного переселенцам из Харьковской, Полтавской, Черниговской губерний).

Таким образом, в первой половине XIX века для Черномории характерны внутри-консолидационные процессы, т. е. стирание локальных различий в области традиционной культуры и выработка более или менее однородной системы ценностей. Этому способствовали политическая и экономическая обстановка в регионе и ряд других факторов, таких, как укрупнение малочисленных куренных селений¹⁵, политика соединения части хуторов в станицы¹⁶, образование новых станиц. Показательна история возникновения станицы Челбасской, которая заселялась в 1885—1887 гг. жителями малоземельных станиц Полтавской, Петровской, Славянской, Староджерелиевской, Новонижестеблиевской, а также иногородними¹⁷. Подобным образом заселялись станицы Ясенская и Копанская (1873 год): первая за счет жителей станиц Темрюкского отдела, вторая — станиц Екатеринодарского отдела (Пластуновской, Пашковской, Динской, Васюринской)¹⁸.

Параллельно с формированием и унификацией традиционной культуры черноморского казачества протекал процесс ее взаимодействия с традиционной культурой русской этнографической группы. Это наблюдалось как в пограничных зонах, так и непосредственно в самой Черномории в связи с зачислением в казаки солдат, иногородних и беглых¹⁹.

2. Формирование русской этнографической группы (Кавказского линейного казачьего войска).

В отличие от Черноморского казачьего войска формирование линейного казачества происходило непосредственно на Куба-

¹⁵ Щербина Ф. А. История... — Т. 2. — С. 67.

¹⁶ Там же. — С. 626, 635.

¹⁷ ГАКК, ф. 574, оп. 1, д. 1939, л. 1, 2 об., 7 об., 40, 56—58, 91 об.

¹⁸ ГАКК, ф. 396, оп. 1, д. 974, л. 30, 37, 41, 42—50, 63, 182—183, 199—202, 175—179, 241, 251—252 и др.

¹⁹ ГАКК, ф. 252, оп. 2, д. 2590, л. 9 об., 19 об., 28.

ни. Заселение Старой Линии, занимавшей восточную часть пра-
вобережья реки Кубани от Усть-Лабинского редута, началось в
1794 году. Донскими казаками были основаны станицы Воров-
сколесская, Темнолесская, Прочноокопская, Григориополисская и
Усть-Лабинская, составившие Кубанский полк²⁰. В 1803—
1804 гг. екатеринославскими казаками — выходцами из Слобод-
ской Украины были основаны станицы Темижбекская, Тифлис-
ская, Ладожская, Казанская, образовавшие Кавказский полк²¹.

Следующий этап заселения Старой Линии связан с пересе-
лением на Кубань Хоперского полка. Его история с точки зре-
ния этнографии достаточно сложна. Исследователи, признавая
его малороссийскую (запорожскую) основу²², отмечают чрез-
вычайно сильное влияние русской культуры, особенно в разго-
ворной речи, объясняя это более чем столетним контактом с
донцами и регулярными войсками²³.

В 1832 году все полки Старой Линии были объединены в
Кавказское линейное казачье войско. Поскольку его население
оказалось недостаточным для обеспечения пограничной службы,
в войско зачислялись одноворцы, казенные крестьяне, перевес-
дились в казачье сословие целые селения²⁴. Наряду с постоян-
ным притоком русского населения, заметную роль в пополнении
линейного войска сыграл малороссийский компонент²⁵. Поэтому
есть доля истины в утверждении автора заметки, помещенной
в «Кубанских областных ведомостях» в 1875 году, что «линей-
цы — это смесь малороссов и великороссов»²⁶.

В 1841 году начинается возведение и заселение Новой (Ла-
бинской) Линии — территории между реками Кубанью и Лабой.
Основную массу переселенцев составили жители староли-
нейных станиц Кавказского линейного казачьего войска²⁷. Ввиду
большой смертности населения, из-за нехватки продовольст-
вия и постоянных военных стычек на Новую Линию переводят-

²⁰ ГАКК, ф. 670, оп. 1, д. 17, л. 156—160.

²¹ Фелицын Е. Д. Краткие сведения о Кавказском конном полке Кубанского казачьего войска в доимоловское время. // КОВ. — 1892. — № 18, 19.

²² Фелицын Е. Д. К вопросу о происхождении хоперских казаков и формировании из них полка. // КОВ. — 1895. — № 39.

²³ Кравцов И. С. Старейшие в Кубанском казачьем войске хоперские казаки. // КОВ. — 1891. — № 1, 2.

²⁴ Шербина Ф. А. История... — Т. 2. — С. 414; ГАКК, ф. 670, оп. 1, д. 17, л. 156—160.

²⁵ ГАКК, ф. 670, оп. 1, д. 34, л. 39; д. 35, л. 429; ф. 396, оп. 1, д. 8689, л. 1—36.

²⁶ КОВ. — 1875. — № 22, 26.

²⁷ Кириллов П. Краткий очерк колонизации Кубанской области. 1792—1892. // КОВ. — 1892. — № 26.

ся, с зачислением в казаки, жители Полтавской и Черниговской губерний, нижние чины регулярных войск, а также черноморские казаки²⁸. Таким образом, в заселении этой территории принимали участие представители различных этносов, причем новые поселения заселялись жителями различных станиц. Это вело к взаимодействию различных этнических культурных традиций и смешению локальных вариантов русской культуры, их унификации. Следовательно, в Кавказском линейном казачьем войске протекали более сложные этнокультурные процессы. С одной стороны, как и в Черномории, здесь происходит взаимодействие и унификация локальных вариантов южно-русской культурной традиции. С другой, что до 1860-х годов в меньшей степени характерно для Черномории, достаточно интенсивно проходят русско-украинские ассимилятивные процессы при доминировании русских культурных традиций. В этнокультурном отношении линейное войско представляло собой явление более пестрое, нежели Черноморское. Это объясняется замедленностью этнокультурных процессов, что определялось полковой замкнутостью и характером военной обстановки. Поэтому неудивительно, что даже в конце 80-х годов XIX в. в ряде линейных станиц шла «борьба двух этнографических начал — великорусского и малорусского, и само население, под влиянием этой борьбы, получило смешанную, двойную окраску: образовалось нечто среднее между великороссами и малороссами: язык, бытовая обстановка, некоторые обычаи и пр. носят такой именно двойственный характер»²⁹. В этом высказывании бесспорно содержится рациональное зерно, но с формулировкой «образовалось нечто среднее» согласиться нельзя, т. к. преобладание русской культурной традиции, несмотря на привнесенный малороссийский компонент, присутствие которого прослеживается и сегодня по нашим полевым материалам, было и остается вполне очевидным фактом³⁰.

3. Этнокультурные процессы в предгорьях Западного Кавказа.

Заселение этой территории осуществлялось после объединения в 1860 году Черноморского казачьего войска с шестью бри-

²⁸ ГАКК, ф. 318, оп. 1, д. 218, л. 28—29; ф. 670, оп. 1, д. 35, л. 409—410; ф. 257, оп. 1, д. 23, л. 77—80, 100 об.; ф. 574, оп. 1, д. 3715, л. 4—7, 10, 16—20.

²⁹ Щербина Ф. А. Краткий исторический очерк... — С. 176.

³⁰ Фелицын Е. Д. Материалы для истории... // КОВ. — 1897. — 25 март.

См. так же Передельский Е. Станица Темижбекская и песни, поющиеся в ней. // Сб. м-лов описания местностей и племен Кавказа. — Тифлис, 1883. — В. III.

гадами Кавказского линейного войска и создания Кубанского казачьего войска. Это обстоятельство существенно отразилось на характере этнокультурных процессов в Закубанье.

После ряда кабинетных проектов и неудавшейся колонизации Черноморской береговой линии малороссийскими казаками, а также провала попыток переселения в Закубанье целых станиц³¹, в 1862 году было издано Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками («охотниками», т. е. желающими и по жребию) и другими переселенцами из России. В том же году были поселены первые 28 станиц³². Последовательность освоения этой территории тщательно, по годам, прослежена П. П. Короленко в составленной им «Ведомости русской колонизации Закубанского края»³³, поэтому не будем детально останавливаться на этом вопросе, рассмотрим лишь этнографический состав переселенцев и характер их расселения.

Анализ документов показывает, что Закубанье явилось зоной наибольшего этнического смешения. Так, в станице Подгорной поселено семейств линейных казаков — 121, малороссийских — 4, анапских поселен — 143, нижних чинов регулярных войск — 32³⁴. Станица Попутная заселялась жителями Черниговской, Полтавской, Курской губерний и казаками со Старой Линии³⁵. Едва ли не в полном составе переселились в станицу Гостагаевскую черноморцы из Вышестеблиевской³⁶. Наблюдался приток населения из Донского и Оренбургского казачьих войск³⁷. Л. Мельников, посетивший в 1900 году Майкопский отдел, писал: «Состав казачьего населения всех этих станиц радикальным образом отличается от казачьего же населения станиц черноморских и линейных. Там население представляет одну сплошную этнографическую массу мало- или великороссского происхождения... Совсем не то вы наблюдаете здесь. Въезжая в такую станицу, почти безошибочно можно узять, в каком доме живут малороссы, а в каком великороссы»³⁸.

³¹ Короленко П. П. Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация на Западном Кавказе. // Материалы для истории Кубанской области, Екатеринодар, 1910. — С. 273—288; 292, 326—328, 341; ГАКК, ф. 252, оп. 2, д. 1, л. 199—207, 315—318.

³² КОВ. — 1892. — № 26.

³³ Короленко П. П. Указ. раб. — С. 570—575.

³⁴ Там же. — С. 570.

³⁵ КОВ. — 1899. — 26 июля.

³⁶ ГАКК, ф. 670, оп. 1, д. 30, л. 21.

³⁷ ГАКК, ф. 252, оп. 2, д. 393, л. 151, 151 об.; д. 1518, л. 20—21.

³⁸ Мельников Л. В предгорьях Майкопского отдела. // КОВ. — 1909. — 23 янв.

Следует подчеркнуть, что смешение русского и украинского населения носило сознательный и целенаправленный характер, что яствует, например, из предписания главнокомандующего Кавказской армией кн. Барятинского командующему правым флангом линии графу Евдокимову. Барятинский писал: «Две части, из которых составилось нынешнее Кубанское казачье войско, до сих пор весьма различны между собою... Замкнутость казачьего сословия имеет еще и другую более важную сторону: она как бы развивает дух отдельности в государстве. В бывшем Черноморском войске, состоящем из малороссов и хранящем предания Запорожской Сечи, эта отдельность принимает вид национальности... Необходимо, чтобы слияние это было не только административное (Б. Н. — имеется в виду образование Кубанского казачьего войска), а проникло в самый быт казаков»³⁹.

По этой причине были отклонены просбы бывших запорожцев — азовских казаков поселить их за Кубанью компактно. Отчасти поэтому выдерживалось определенное соотношение кубанских казаков и пришлого (в том числе казачьего) населения в новых станицах. В процентном отношении кубанские казаки составляли 58,9%, казаки из других войск — 25,3%, государственные крестьяне и другие сословия — 15,8%⁴⁰.

Таким образом, ассимилятивные и консолидационные процессы, между русской и украинской этнографическими группами, протекающие при заселении различных районов Кубани в XIX столетии, вели к постепенному образованию новой этнокультурной общности кубанского казачества. На каждом из этапов ее формирования преобладали различные типы этнокультурных процессов. На первом этапе, примерно с 1792—1794 гг. по 40-е годы XIX в. включительно, идет складывание украинской и русской казачьих этнографических групп. Характерными являются внутриэтнические консолидационные процессы. В ходе селекции и адаптации⁴¹ происходит приспособление традиционной культуры переселенцев к новым условиям, хотя господствующим остается исходное традиционное культурное мышление.

На втором этапе, примерно с 40-х по 60-е годы XIX в., в связи с постепенной стабилизацией экономической жизни края, че-респолосным и смешанным поселением русских и украинцев на новых территориях, преобладающими становятся ассимилятивные процессы⁴². Межэтническая культурная диффузия затрону-

³⁹ Короленко П. П. Указ. раб... — С. 337—338.

⁴⁰ По данным Щербины Ф. А. Краткий исторический очерк... — С. 214.

⁴¹ По терминологии С. А. Арутюнова. // Советская этнография — 1982. — № 1. — С. 8—22.

⁴² Современные этнические процессы в СССР. — М., 1977. — С. 317, 329.

ла в первую очередь язык, песенный и танцевальный фольклор и в меньшей степени обрядовую сторону культуры. Фактический материал показывает, что взаимодействие протекало в различных формах: прямое заимствование, перевод текстов, объединение русских и украинских песен, схожих по сюжету, в одно произведение и т. д.⁴³

С 60-х годов XIX в. начинается третий, качественно новый этап в этнической истории кубанского казачества. Окончание военных действий на Кавказе, образование Кубанского казачьего войска и освоение предгорий Западной части Кавказского хребта способствовали усилению ассимилятивных и консолидационных процессов на межэтническом уровне. Интенсивной переработке подвергался исходный культурный фонд этнографических групп. Автор одной из корреспонденций писал в 1882 году: «В бывшей Черномории не услышите песен про славных гетманов Богдана, Дорошенко... Бытовые песни — чумаки, рыбаки и проч. исчезают, заменяясь вульгарными, висильни песни изменяют свой мотив и содержание...»⁴⁴

Утверждается самосознание и самоназвание, которое находит отражение в фольклоре («Мы кубанские казаки, на границе мы стояли», «Ой да вспомним братцы мы кубанцы» и т. д.⁴⁵), в официальных документах и периодической печати⁴⁶. Показателен тот факт, что самосознание длительное время сохранялось и в годы Советской власти⁴⁷.

Следует отметить, что в формировании культуры новой этнической общности определяющими были южнорусские традиции, и полной унификации, прежде всего духовной культуры, так и не произошло, да и не могло произойти за столь короткий промежуток времени.

Определенное влияние на формирование культуры кубанского казачества, особенно в той ее части, что была связана с военным бытом, оказало автохтонное население этих мест —

⁴³ Подробнее см.: Бондарь Н. И. Роль этнических процессов в формировании фольклора Кубани. // Тезисы научной конференции «Современное состояние казачьей песенной традиции и проблемы ее изучения» 22–25 апреля 1983 г. — М., 1983. — С. 20–22.

⁴⁴ КОВ. 1882. — № 11.

⁴⁵ Полевые материалы автора.

⁴⁶ «Кубанские областные ведомости» в 1891 году писали: «Между бывшими черноморцами и бывшими линейцами можно встретить довольно наивных и несообразительных лиц, которые убеждены..., что в 1892 году будет «черноморский праздник»... Линейцы и черноморцы, эти два родные брата, в настоящее время составляют одну нераздельную семью, одно имя, буквально все у них общее... и ожидают нас — кубанцев и наших детей только праздники «кубанские». // КОВ. — 1891. — № 22.

⁴⁷ Кубанские станицы. — М., 1967. — С. 30, 32.

адыги. Имея в виду важную практическую и научную значимость этого вопроса, мы считаем, что он требует особенно тщательного подхода. Те заимствования, на которые указывают некоторые авторы⁴⁸, или не подтверждаются массовым этнографическим материалом, или являются общеславянским и даже славянско-балканским компонентом (использование в свадебном обряде шкуры-шубы, запреты, относящиеся к женщине, использование опыта адыгской народной медицины и пр.) Распространение результатов, полученных в ходе изучения терско-горских отношений, на славянско-адыгские отношения в условиях Кубани неправомерно и приводит к искажению реального положения. Считая этот вопрос на текущий момент слабо изученным, мы ограничимся этими общими замечаниями.

§ 2. Социальный аспект вопроса

Создание в XIX веке в крепостнической России крупного казачьего войска, с учетом социальных причин и бунтарской сути казачества, — явление аномальное. Однако царское правительство, располагая богатым историческим опытом подчинения казачества и опираясь на имущественную и социальную неоднородность казачьих масс, вынуждено было прибегнуть к этому как к крайней и временной мере. Об этом свидетельствует, в частности, ряд откровенных высказываний высокопоставленных современников. Главнокомандующий отдельным Кавказским корпусом кн. Барятинский в одном из своих предписаний писал: «Учреждение казачества на границе империи есть конечно государственная необходимость, но она должна быть терпима не как нормальное положение, а только в мере потребности и на то время, которое эта исключительная потребность будет существовать»⁴⁹.

В 1840 году был создан Комитет по устройству управления Кавказского линейного казачьего войска. По проекту этого комитета предполагалось все население Кавказской области перевести в казачье сословие. К проекту были составлены «Замечания» (вероятнее всего, командующим войсками на Кавказской линии Граббе). Мы позволим себе привести пространную

⁴⁸ Заседателева Л. Б. Специфика культурно-бытового уклада северо-кавказского казачества конца XIX — начала XX в. // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. — Краснодар, 1984. — С. 140; ее же: Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI—XX вв. // Кавказский этнографический сборник. — М., 1984. — В. VI. — С. 58—60; Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. — Л., 1978. — С. 89 и др.

⁴⁹ Короленко П. П. Указ. раб. — С. 338.

цитату из этого документа, раскрывающую подтекст разного рода «правил» и «положений», проводимых правительством по отношению к казачеству.

«Всем известны, — говорится в «Замечаниях», — невыгоды всякого вооруженного народонаселения. Везде, где подобные учреждения ни существуют, — они были вынуждены крайней необходимостью и терпелись как зло — но зло неизбежное, отвращающее, может быть, гораздо большее зло. Однако же всякое правительство старается по мере возможности уменьшить этот разряд населения, и там, где исчезает цель, с которой оно было некогда учреждено, должно всеми силами стараться подводить ее под общие установления государственные»⁵⁰.

С учетом международной обстановки и внутреннего положения в государстве, специфики социальной организации и психологии черноморского и линейного казачества и строило свою политику царское правительство, стремившееся в конечном итоге к ликвидации «духа отдельности в государстве». Основной упор при этом делался на ликвидацию военно-территориальной казачьей общины (войска), трансформацию его политической системы и изменение общинных принципов землевладения и землепользования с вытекающими отсюда последствиями (социальное и имущественное расслоение).

I. Военно-территориальная казачья община на Кубани в XIX веке и ее политическая организация.

Казачьи общины Дона и Кубани к XIX веку претерпели существенные изменения, во многом утратив к этому времени свой изначальный демократизм⁵¹. Уже к концу XVIII века политическая организация Донского казачьего войска была полностью подчинена государством⁵². Черноморское казачество в большей степени сохранило свою самостоятельность в военной организации и самобытность системы управления. Ф. А. Щербина спрашивало отмечал, что черноморское казачество предстало на Кубани «совершенно сложившейся военной общиной»⁵³. Это положение следует дополнить выводом В. А. Голобуцкого о резком имущественном и социальном расслоении запорожских и

⁵⁰ ГАКК, ф. 318, оп. 1, д. 37, л. 185—186, 170—170 об.

⁵¹ Бондарь Н. И. К вопросу об эволюции казачьей общины на Кубани (постановка проблемы). // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. — Краснодар, 1984. С. 155—161.

⁵² Лукин Б. В. очерки истории Подонья-Приазовья. — Ростов н/Д., 1951. — КН. 2. — С. 12, 25—28.

⁵³ Щербина Ф. А. История... — Т. 2. — С. 822.

черноморских казаков⁵⁴. Государство несомненно учитывало эти обстоятельства, как и этническую принадлежность казачества. Правительство пошло на видимость сохранения самостоятельности войска в условиях Кубани в конце XVIII века, что выражалось в оставлении организационной структуры и выборности должностных лиц, предоставлении в вечное владение войсковой территории и т. д.⁵⁵ Последующее подтверждение «вольностей» грамотами Павла I и Александра I следует рассматривать не более как дипломатию.

Поскольку именно военная организация являлась центральным звеном военно-территориальной казачьей общины, правительство проводит несколько реорганизаций, направленных на ее подчинение. Эти преобразования захватили почти всю первую половину XIX века и сводились к следующему⁵⁶. В 1801—1806 гг. вместо «самочинного» традиционного войскового правительства заводится войсковая канцелярия с представителем от центральной власти (так называемый «особый член») и обязательным утверждением войскового атамана царем. На войсковой территории вводятся земские сыскные начальства, что означает навязывание общине фискально-полицейских функций. В 1827 году происходит окончательное изъятие войска из-под контроля общины: оно подчиняется командующему отдельным Кавказским корпусом. Соединение должностей наказного атамана и начальника Черноморской кордонной линии, командующего войсками Кавказской линии и т. п. означает дальнейшую централизацию и бюрократизацию управленческого аппарата. Это было закреплено положением о Черноморском казачьем войске, изданном в 1842 году. Согласно положению, все ключевые должности назначаемы и смещаемы вышестоящей инстанцией: наказной атаман — сенатом, офицеры штаба — командующим Кавказской линией, состав военного суда и окружные начальники — наказным атаманом. В каждом из трех округов Черномории и в военном суде значится должность аудитора — представителя центральной власти⁵⁷.

Таким образом, в первой половине XIX века происходит бюрократизация системы управления военно-территориальной казачьей общины, выборность снизу заменяется назначением свер-

⁵⁴ Голобуцкий В. А. Черноморское казачество. — Киев, 1956. — С. 85.

⁵⁵ Хрестоматия по истории Кубани (Под ред. В. П. Малышева. Ч. 1 — Краснодар, 1975. — С. 25—27.

⁵⁶ Этот вопрос детально и глубоко, но без должных выводов, исследован Ф. А. Щербино в «Истории Кубанского казачьего войска».

⁵⁷ ПСЗ, собр. 2. — СПб., 1843. — Т. 17 (1842 г.). Ст. 15809.

ху, военное управление из высшей исполнительной инстанции войска превращается в фискально-полицейское звено в общего-сударственной системе управления. В результате теряется контроль общин над военной организацией и военно-территориальная община (войско) фактически распадается на ряд станичных (сельских территориальных) общин. Этому способствует и ориентация казачества на хозяйственную деятельность как основной источник существования, превращавшая военную службу в обременительную повинность.

Проблемы подчинения военной организации линейного казачества перед царским правительством в XIX веке уже не существовало. Здесь сразу сложилась полковая система управления. Госенная, хозяйственная и даже семейная жизнь регламентировалась приказом⁵⁸. Полковые управление подчинялись начальнику Кавказской линии, а по гражданским делам — губернатору Кавказской области. Образование Кавказского линейного войска не явилось воссозданием военно-территориальной казачьей общины. Несмотря на то, что войско выступало коллективным владельцем земли, ни по организационной структуре, по сути армейской, ни по системе управления оно таковым не было. На наш взгляд, его следует рассматривать как военно-административную единицу. Об этом свидетельствует и сохранение прежней системы управления, и выход войска на департамент военных поселений как одну из высших инстанций⁵⁹.

Упорядочение структуры линейного войска происходит в 1845 году в связи с изданием положения, согласно которому в войске, помимо должностей наказного атамана и начальника штаба, учреждались войсковое дежурство, войсковоеправление, бригадные правления, полковые и станичные управления, а также различные судебные инстанции⁶⁰.

Выборные принципы в линейном войске были исключены с самого начала. Должностные лица, в том числе и станичные атаманы, назначались из числа офицеров. К выборам прибегали лишь в исключительных случаях, например, при нехватке офицеров⁶¹.

Положения 1842 и 1845 годов во многом идентифицировали структуру войск, однако процесс сближения развивался от разных отправных точек: в линейном войске — от жесткой армей-

⁵⁸ Блиев М. М. Административное и военное устройство на Ставрополье и Кавказской линии в XVIII — первой половине XIX вв. // Дон и Степное Предкавказье. XVIII — первая половина XIX в. — Ростов н/Д., 1977. — С. 98.

⁵⁹ Блиев М. М. Указ. лаб. — С. 98.

⁶⁰ ПСЗ, собр. 2. — СПб, 1846. — Т. 20 (1845 г.). — Ст. 18739.

⁶¹ Щербина Ф. А. Краткий исторический очерк.. — С. 160.

ской полковой системы по линии «демократизации» к войсковой организации и станичной общине, в Черномории — от более демократичной в своей изначальности военно-территориальной общины по линии централизации и бюрократизации к войсковому управлению и станичной общине. В обоих случаях община не имела возможности контролировать войско и администрацию, военная служба становилась основной повинностью, главными центрами общественной и экономической жизни являлись станичные (территориальные) общины. Таким образом была подготовлена платформа для образования Кубанского казачьего войска и создавались благоприятные условия для дальнейшего сближения черноморского и линейного казачества.

2. Станичная (территориальная) община на Кубани в XIX в. Переселение донских и черноморских казаков на Кубань с условием несения военной службы и полного самообеспечения привело, как уже отмечалось выше, к достаточно быстрому изменению сущности и структуры военно-территориальной казачьей общины. Она окончательно распадается на ряд самостоятельных территориальных (станичных) общин⁶². Помимо выполнения общевойсковых повинностей, заключавшихся в обучении и экипировке казаков, выставлении определенного числа воинов, содержании почтовой связи, починке дорог и т. п., община призвана была обеспечивать свой прожиточный минимум.

Экономической основой производственной деятельности общины являлась коллективная собственность на землю и угодья, а основной производственной ячейкой — семья. Пользование землей длительное время осуществлялось по древнему принципу вольной займы, т. е. станичный надел — юрт не был поделен на участки (паи). Это позволяло экономически мощным семьям владеть фактически неограниченным количеством земли и вело к быстрому имущественному расслоению общины⁶³. Уже с начала XIX века началась борьба между общиными и частнособственническим принципами в землепользовании. Наиболее ярко это проявилось в ситуации с хуторами, выделение которых ослабляло общину в экономическом и военном отношениях. Только с 1801 по 1831 годы войсковая администрация применила десятки различных санкций к хуторам, вплоть до принятия парадоксального решения о запрете обзаводиться хуторами маломощным казакам и офицерским семьям⁶⁴. Однако хутора про-

⁶² Для донских казаков это явление характерно еще до переселения на Кубань.

⁶³ ГАКК, ф. 250, ол. 3, л. 15а, л. 37.

⁶⁴ Щербина Ф. А. История... — Т. 2. — С. 633, 635. Так же: КОВ. — 1874. — № 14.

должали возникать на протяжении всего XIX столетия. Составленный в 1882 году Е. Д. Фелицыным подробнейший список населенных мест Кубанской области изобилует перечислением поселений именно хуторского типа⁶⁵.

Первоначально правительство не вмешивалось во внутренние поземельные отношения войска. Однако, по мере продвижения казачьих поселений в Закубанье и образования достаточно глубокого экономического тыла, особенно после окончания военных действий на Кавказе, все четче вырисовывался курс на ограничение общинного казачьего землевладения. Это откровенно проявилось уже в попытке переселения за Кубань, в гористую местность, в 1861 году целых степных станиц с последующей продажей освободившихся земель частным лицам⁶⁶, а также при межевании юртовых земель и разделе их на пая по установленным в законодательстве нормам⁶⁷.

Деление земли на пая, с одной стороны, безусловно имело экономическую выгоду и вело к упорядочению землепользования. Но столь же очевидна другая сторона вопроса. Сгруппировав казачьи участки, и выделив войсковой запас, правительство освобождало землю под офицерские и чиновничьи наделы. Тем самым земля изымалась из общинного фонда. Так, в 1871 годуправление станицы Новонижестеблиевской сообщало, что более 30 казачьих хуторов отошло в офицерские участки и подлежит сносу⁶⁸. Не случайно станичные сборы пытались протестовать против выдела офицерских участков, заявляя, что «про это дело они не слыхали, что им самим земля нужна, что они головы положили за эту землю, пускай им (Б. Н. — офицерам) землю дают где хотят, а они не дадут». Выдвигались требования «прииметь» к юртовым границам участки, принадлежащие хуторам генералов, штаб- и обер-офицеров⁶⁹. Таким образом, в результате межевания земель к 70-м годам XIX века потомственное пользование землей офицерами и чиновниками дополнилось передачей земельного фонда в частную собственность, с правом свободного отчуждения⁷⁰. Поэтому во многом можно согласиться с выводами Ф. А. Щербины о постепенной замене войсковой собственности на землю общинной (имеется в виду станичная

⁶⁵ Сборник сведений о Кавказе. — Тифлис, 1885. — Т. VIII.

⁶⁶ Короленко П. П. Указ. раб. — С. 326—343.

⁶⁷ ГАКК, ф. 668, оп. 1, д. 600, л. 6; ф. 670, оп. 1, д. 31, л. 53-54, 70-71; КОВ. — 1882. — № 1-3.

⁶⁸ ГАКК, ф. 574, оп. 1, д. 1385, л. 30—33.

⁶⁹ КОВ. — 1868. — № 43; ГАКК, ф. 670, оп. 1, д. 31, л. 92—95.

⁷⁰ В следующие десятилетия начинается активная распродажа частновладельческих участков иногородним лицам, крестьянским поземельным товариществам, общинам колонистов и т. п.

община) и частной⁷¹, при том дополнении, что войсковая собственность на землю носила формальный характер. Собственником являлось государство, проводившее политику, объективно стимулирующую имущественное и социальное неравенство казачества.

В плане социальном казачья община не была однородной уже к моменту переселения на Кубань⁷². Военная обстановка, большое количество маломощных семей и одиноких людей предопределили быстрое углубление этого неравенства. Состоятельные казаки откупались от общественных повинностей и даже от кордонной службы⁷³. Еще больший экономический разрыв не только между отдельными членами общины, но и между станичными общинами в целом образовался в период освоения Закубанья, заселявшегося казаками — «охотниками», по жребию и по приговорам станичных сборов. Один из чиновников, посетивший Закубанье, отмечая экономический упадок станиц, сообщал в рапорте, что «приговор общества не мог пасть на людей зажиточных»⁷⁴. Если же жребий доставался состоятельным казакам, то они чаще всего нанимали желающих из среды немущих. Так, урядник станицы Пашковской Тарас Чуб нанял вместо себя казака этой же станицы за 70 рублей, пару волов с возом, 15 мешков хлеба, 20 столбов дубового леса и 2 воза сена⁷⁵. Подобные факты зафиксированы по станице Старокорсунской⁷⁶.

В 70-е годы XIX века при общем экономическом подъеме края, в станицах были казаки, не имевшие даже дневного пропитания⁷⁷. Резкий имущественный контраст был настолько очевиден, что нашел отражение в рапортах и докладных записках наказных атаманов⁷⁸.

Экономическое преимущество, открывая доступ к власти, переходит в социальное качество. Этот вопрос исследован многими авторами: Ф. А. Щербиной, В. А. Голобуцким и др. Ф. А. Щербина, познакомившийся с массой архивных свидетельств, увидел «насилие и произвол всюду и всеми — и в куре-

⁷¹ Щербина Ф. А. Краткий исторический очерк... — С. 223.

⁷² Голобуцкий В. А. Указ. раб. — С. 85; Чекменев С. А. Социальные отношения на Ставрополье и Кавказской линии в XVIII — первой половине XIX в. // Дон и Степное Предкавказье... — С. 10—11.

⁷³ КОВ. — 1880. — № 35.

⁷⁴ ГАКК, ф. 252, оп. 2, д. 1458, л. 124—125.

⁷⁵ ГАКК, ф. 396, оп. 1, д. 974, л. 86—87.

⁷⁶ Там же, л. 294—295.

⁷⁷ ГАКК, ф. 160, оп. 1, д. 34, л. 9 об. — 10.

⁷⁸ ГАКК, ф. 250, оп. 3, д. 15, л. 37. Щербина Ф. А. История... — Т. 2. — С. 91—93.

ниях куренными властями, и в полках полковыми командирами и офицерами, и в других учреждениях...» и пришел к выводу о том, что «казаков эксплуатировали на службе и дома»⁷⁹. Государство не только не сдерживало этот процесс, но и всячески стимулировало его. Это выразилось во введении казачьей старшины в статус дворянства, в приравнивании к чинам кадровой армии, в определении жалования и размеров паевых наделов, в системе драбантов, в порядке назначений на должности. В своей политике подчинения казачьей общины царское правительство опиралось именно на сословную верхушку казачества, которая морально и материально была готова к этому сотрудничеству еще в XVIII веке.

По мере подчинения и изъятия военной организации казачества, правительство ужесточает контроль над станичной общиной. По законодательству 1827 года кандидатура куренного атамана утверждается наказным атаманом⁸⁰. В последующем выборы станичных атаманов проходят в присутствии представителя войсковой администрации и результаты их утверждаются атаманом отдела. Навязывание кандидатур сверху нередко приводило к конфликтам общин с отдельской администрацией⁸¹.

В 1891 году было издано «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск», заменившее Положение 1870 года. В статье 135-й 4-го раздела этого Положения прямо говорится, что «станичным и хуторским сборам разрешается избирать на общественные должности лиц, принадлежащих к высшим казачьим сословиям, если с таковым избранием не сопряжено подчинение офицеров уряднику или казакам»⁸². Деятельность общественных должностных лиц полностью контролировалась атаманами отделов и высшими войсковыми инстанциями. По отношению к ним могли быть применены административные санкции вплоть до отстранения от должности⁸³. Ограничивались функции станичного суда. Его правомочия не распространялись на лиц, «пользовавшихся особыми правами состояния... как войскового, так и не войскового сословия». Решения и приговоры станичных судов могли быть отменены даже не судебными, а административными войсковыми инстанциями⁸⁴. В результате в ведении станичной общины оставались мелкие, теку-

⁷⁹ Щебина Ф. А. История... — Т. 2. — С. 81, 805—806.

⁸⁰ ГАКК, ф. 250, оп. 2, д. 534, л. 9 (§83).

⁸¹ КОВ. — 1895. — № 185.

⁸² Положение об общественном управлении станиц казачьих войск, высочайше утвержденное 3 июня 1891 г. — Екатеринодар, 1897. — С. 72.

⁸³ Там же. — С. 75, 81—82.

⁸⁴ Там же. — С. 59, 37, 54, 99.

щие дела по раскладке повинностей, наведению общественного порядка, опекунству и проч⁸⁵.

Усугубление имущественного неравенства и социальной несправедливости, ограничения в политических правах отразились на мировоззрении казачества. Совещание при Главном управлении казачьих войск, созванное для изучения проекта «Положения об общественном управлении станиц» в конце 80-х годов XIX века, вынуждено было признать «упадок общественной нравственности и добрых отношений между членами казачьей семьи и между жителями станицы». «В настоящее же время, — говорится в документе, — отрицание авторитетов, пренебрежение к познаниям, добытым службою и долголетним опытом, потеря уважения к старшим... и даже случаи прямого нарушения дисциплины нижними чинами к офицерам в домашнем их быту сделались явлениями довольно заурядными... На станичных сборах в большинстве случаев проявляются крайне беспорядки, весьма вредные как в нравственном, так и в материальном отношении»⁸⁶.

Таким образом, станичная община в условиях Кубани претерпевает в XIX веке резкие изменения. Под влиянием внешних и внутренних причин разрушаются социальная и имущественная однородность ее членов. Это приводит к постепенной перестройке мировоззрения казачества и способствует развертыванию социальной борьбы. Замкнутость сословия лишь тормозит, но отнюдь не гасит эти процессы. Постепенно меняется и характер связей внутри общины и общины с внешним миром. На смену преобладавшим ранее отношениям «по вертикали» (станичная община — округ (полк) — войско приходят отношения «по горизонтали», т. е. устанавливаются тесные межобщинные экономические и культурные контакты; предпочтительными становятся связи с равными по имущественному и социальному положению). Это ведет к достаточно быстрой унификации традиционной культуры кубанских станиц⁸⁷.

Следует отметить, что во второй половине XIX века, начиная с 60-х годов, казачье население на Кубани не являлось або-

⁸⁵ ГАКК, ф. 162, оп. 1, д. 83, л. 7 об. — 8; д. 73, л. 7; д. 99, л. 9; ф. 140, оп. 1, д. 15, л. 10-11; КОВ. — 1898. — 20 февр.

⁸⁶ ГАКК, ф. 318, оп. 2, д. 1527, л. 122 об.

⁸⁷ Усилиению ассимилятивно-консолидационных процессов способствовали, помимо политического, такие факторы, как военизированный быт, сословная принадлежность, исторический опыт и общевойсковые, полковые и станичные праздники, издание общеобластной газеты, проведение железных дорог и т. д. (См. КОВ. — 1896. — 6 сент., 14 сент. 1899. — 25 авг.; ГАКК, ф. 670, оп. 1, д. 23, л. 83—84; Кулриянова Л. В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX в. — М., 1981. — С. 12, 33, 37).

лютым. Во многих станицах иногороднее население даже преобладало. Тем не менее его влияние на казачью культуру было минимальным. Имело место приспособление, адаптация пришлого населения к местной культуре. «Русское население Кубанской области, не принадлежащее к казачьему сословию, — писал в 1915 году Б. М. Городецкий, — в бытовом отношении в настоящее время почти ничем не отличается от коренного казачьего населения. Семейный уклад иногородних во всем почти сходен с укладом жизни казачьих семей. Разница наблюдается лишь в тех проявлениях казачьей общественной и семейной жизни, которые вытекают исключительно из особенностей военной службы, которую несут казаки»⁸³. Существенную роль здесь, наряду с другими причинами, играла сословность общины, выступавшей по отношению к прицелому элементу как макросистема, целостный организм.

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. В первой половине XIX века происходит разрушение военно-территориальной казачьей общины как относительно самостоятельной военно-политической силы, распад ее на ряд станичных (территориальных) общин.

2. Со второй половины XIX века резко проявляется имущественная и социальная стратификация внутри станичной общины.

3. Весь ход социально-экономического и политического развития казачьих войск в XIX веке указывает на ограниченность перспективы дальнейшего существования казачества как сословия.

4. Во второй половине XIX века завершается консолидация русской и украинской этнографических групп (казачеств) в качественно новую этносоциальную общность — кубанское казачество. Сформировавшись на базе казачества как сословия, она гораздо жизнеспособней и шире по социокультурным параметрам своей сословной оболочки. Это определяется, прежде всего, принадлежностью к ней беднейших и средних слоев казачества, а также адаптацией значительной части иногородних, которые, в совокупности, и являются носителями и создателями специфичных культурных традиций (и после отмены сословий).

Для новой этнической общности характерны такие признаки как единство территории, наличие специфических черт в обла-

⁸³ Городецкий Б. М. Очерки по кубановедению. // Кубанская школа. — Екатеринодар, 1915. — № 4. — С. 234.

сти языка, материальной, духовной и социальной культуры, а также самосознания и самоназвания, закрепленного в этониме «кубанский казак». Сюда же следует отнести и достаточно своеобразное положение кубанского казачьего войска в административно-политической структуре Российского государства.

Подобные общности в этнографической литературе обозначаются как субэтносы⁸⁹.

Таким образом, одним из наиболее важных итогов в развитии казачества на Кубани в рассматриваемый период является возникновение субэтноса — кубанское казачество.

---

⁸⁹ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. — М., 1983. — С. 14, 83—85, 87.

А. Т. КЕРАШЕВ

ПОБЕГИ АДЫГОВ В РОССИЮ (1828—1864 гг.)

История общественных отношений народов Северного Кавказа во второй четверти XIX в. связана с развитием феодального способа производства. Именно в это время у большинства из них наиболее рельефно обозначились типичные для феодализма черты. Вместе с тем, особенности эволюции местных обществ определили специфичность форм некоторых процессов и явлений феодальной формации. Сказанное согласуется с марксистско-ленинским положением о том, что общность закономерностей исторического развития не исключает конкретных форм проявления этих закономерностей.

Предметом нашего изучения стал типичный для феодализма вопрос о беглых (на примере адыгского общества). С 1828 г. (с начала русско-турецкой войны) и вплоть до середины 60-х годов XIX в. (до окончательного присоединения Северного Кавказа к России) выход коренного населения Черкесии в Российскую империю имел характер широкого общественного явления. Стержнем проблемы является вопрос о причинах бегства. С одной стороны, он помогает понять существование данного явления и его место в эволюции феодального способа производства, с другой — выясняет специфику сословно-классовых отношений в обществе и характер перипетий, возникавших между местной аристократией и русским командованием на Кавказе. Учет этих моментов побудил нас обратиться к специальному рассмотрению вопроса о причинах бегства адыгов в Россию.

Дореволюционные историки не уделили должного внимания проблеме беглых адыгов. П. П. Короленко первым обратился к изучению вопроса о переходах жителей Черкесии в Черноморию. Однако он ограничился кратким обзором правительственно-

ной политики по отношению к выходящим в Россию горцам¹.

В советское время уже в 30-е годы беглые в Кабарде специально изучались Б. В. Скитским. Заслуга его в том, что он подчеркнул значимость «холопьего вопроса» в русско-кабардинских отношениях 1739—1779 годов. Вместе с тем, Б. В. Скитский связал тягу кабардинских «холопов» к бегству с возрастанием их эксплуатации².

Данный тезис получил широкую поддержку в позднейшей исторической литературе. Выявленная причинно-следственная связь между ростом феодальной эксплуатации и бегством определила утверждение вывода о бегстве как форме классовой (или антифеодальной) борьбы зависимых слоев общества. В 1958 году Н. А. Смирнов подчеркивал, что «одной из форм протеста горского населения против феодального угнетения было массовое бегство крестьян от своих владельцев к русским на «линию»³.

Важной вехой в изучении проблемы беглых стали работы М. В. Покровского, которые и по сей день остаются единственными в своем роде специальными исследованиями по этому вопросу⁴. Работа с материалами Краснодарского госархива позволила М. В. Покровскому существенно расширить представление о природе бегства адыгов в Россию. В частности, он назвал в качестве одной из важных причин выхода угнетенных в Россию угрозу их продажи в рабство. Вместе с тем, М. В. Покровский отметил, что значительное количество беглых составляли свободные крестьяне (тфокотли). «Это были тфокотли, ставшие жертвой различных грабительских наездов и после ограбления их имущества и захвата членов их семей в рабство также искавшие убежище в России»⁵.

Вместе с тем, М. В. Покровский способствовал дальнейшему

¹ Короленко П. П. Горские поселенцы в Черномории. // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. — Екатеринодар, 1908. — Вып. 3. — С. 8.

² Скитский Б. В. «Холопий вопрос» и анти-русское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды. 1739—1779. — Владикавказ, 1930. — С. 8.

³ Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках. — М., 1958. — С. 136.

⁴ Покровский М. В. Очерки социально-экономической истории адыгейских племен в конце XVIII — первой половине XIX в. Дис... докт. наук. — Краснодар, 1956; его же, Беглые черкесские рабы и крепостные в России в годы Кавказской войны. // Научные труды Краснодарского государственного педагогического института: Исторические науки. — Краснодар, 1969. — Вып. 103.

⁵ Покровский М. В. Беглые черкесские рабы и крепостные в России в годы Кавказской войны. — С. 42.

утверждению тезиса о бегстве как форме классовой борьбы в адыгском обществе. «Бегство адыгейских крепостных и рабов в Россию, — писал он, — было ни чем иным, как своеобразным проявлением социальной борьбы внутри адыгейского общества конца XVIII — первой половины XIX в., где рабы и крепостные не могли найти союзников среди свободных общинников-тфокотлей, энергично боровшихся против закрепостительных тенденций адыгейской дворянско-княжеской знати»⁶.

Ограничив свое исследование в социально-классовом аспекте, М. В. Покровский пришел к заключению, что адыгейские рабы и крепостные «как правило, бежали в Россию, ища убежище от произвола и угнетения своих владельцев»⁷. Тем самым «сделав важный шаг на пути систематического изучения проблемы бегства, он не вскрыл широту этого явления, разнообразие причин выхода адыгского населения в Россию».

После работ М. В. Покровского в литературе появлялись глубоких исследований по проблеме бегства адыгов. Авторы косвенно затрагивали этот вопрос, в основном повторяя выводы М. В. Покровского. Так, характеризуя кабардинское общество 2-й половины XVIII в., В. М. Букалова отмечала, что «усиление феодальной эксплуатации повлекло за собой бегство крепостных и зависимых крестьян в русские города и крепости»⁸.

К аналогичным выводам применительно к истории Кабарды пришли В. П. Мирко⁹ и Р. У. Туганов¹⁰.

Б. М. Джимов, анализируя западно-адыгское общество в первой половине XIX в., заключил, что «зачаточной и наиболее распространенной формой классовой борьбы было бегство рядовых тфокотлей, пшитлей и унаутов в пределы России»¹¹.

Названные авторы в силу специфики своих исследовательских задач не занимались специальным изучением вопроса о беглых. Во всяком случае ими не произведен анализ причин выхода адыгского населения в Россию, без чего нельзя считать полноценной оценку бегства как формы классовой борьбы.

⁶ Там же. — С. 34—35.

⁷ Там же. — С. 35.

⁸ Букалова В. М. Антифеодальная борьба кабардинских крестьян во второй половине XVIII века. // Вопросы истории. — 1961. — № 3. — С. 76.

⁹ См.: Мирко В. П. Отношения России и Кабарды в первой трети XIX века. Дис... канд. наук. — М., 1973.

¹⁰ См.: Туганов Р. У. Русско-кабардинские отношения в конце XVIII — начале XIX вв.: К общественно-политической деятельности Измайл-бей Атажукина. Дис... канд. наук. — Майкоп, 1982.

¹¹ Джимов Б. М. Крестьянское движение в дореформенной Адыгее. 1793 — 1868 гг. // Учен. зап. Адыг. науч.-исслед. ин-та яз., лит. и истории. — Майкоп, 1970. — Т. XI. С. 103. См. также: его же. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. — Майкоп, 1986. — С. 73—74.

В целом, изучение имеющейся литературы убедило нас в необходимости специального анализа причин выхода населения Черкесии в Россию.

Исследование рассматриваемой проблемы основывается преимущественно на архивных материалах. Литературные памятники первой половины XIX в., содержащие описание социально-экономического и политического строя адыгов или русско-адыгских отношений, практически не затрагивают вопроса о беглых. То касается документальных материалов, то они содержат большое количество фактов. Значительная часть их хранится в фондах Центрального государственного военно-исторического архива СССР (ЦГВИА) и Государственного архива Краснодарского края (ГАКК).

В ходе изучения материалов мы столкнулись с рядом трудностей, обусловленных несовершенством делопроизводственной практики того времени. Далеко не каждое сообщение о вышедших под покровительство Российской империи адыгах (в русской документации именуемых «черкесами») сопровождается указанием сословной принадлежности беглых, причин выхода, другой важной информации. И это несмотря на то, что каждый выходящий в русские укрепления беглый должен был подвергаться опросу по специальной форме. Необходимо учитывать и то, что значительное количество документов не сохранилось. Это создает трудности для решения тех вопросов интересующей нас проблемы, которые требуют статистического учета фактов.

В ходе изучения проблемы нами зарегистрирован за период с 1828 по 1864 гг. 1051 случай бегства представителей адыгского населения в Россию, что составляет около 5800 человек. Изучение причин выхода адыгов производится нами на основе показаний самих беглых. Других источников по данному вопросу нет. В нашем распоряжении имеется 364 показания выбежавших адыгов. Объясняется это тем, что дела большинства беглых не содержат их личных показаний. Тем не менее имеющиеся у нас свидетельства являются достаточным основанием для решения вопроса о причинах выхода. Во-первых, они отложились в архивных фондах бессистемно и случайно. Показания составлены разными чиновниками в многочисленных крепостях Кавказской линии. Во-вторых, они охватывают весь взятый нами отрезок времени. В-третьих, имеющиеся у нас показания представляют все слои и категории населения Черкесии, участвовавшие в побегах в Россию.

Собранные нами показания причин выхода объединены в группы.

Таблица I*

«Статистика побегов и причин выхода адыгов в Россию (1828—1864 гг.)»

количество случаев	количество беглых адытов	количество показаний беглых	причины														
			1				2				3						
			притеснения владельцев и соседей	обнищание и голод	угроза продажи в рабство	плен	конфликт с родственниками	браковство	убийство (кровная месть)	похищение невесты	служба России	другие проступки	желание быть Российской-ско-подданным	нежелание жить на Родине	желание соединиться с родственниками		
1051	5800	364	63	47	36	20	27	34	10	9	32	9	29	36	8	23	10
итого: 166			итого: 121			итого: 106			всего			393**			без причины		

* — таблица составлена на материалах архивов: ЦГВИА (фонды — 13454, ВУА, 14257, 15264), ГАКК (фонды — 249, 250, 254, 260, 261, 321, 720).

** — несовпадение суммарного числа показаний причин выхода по группам с количеством показаний объясняется тем, что некоторые беглые называли не одну, а две причины выхода.

В первую группу мы включили причины, обусловленные не действиями самих беглых, а иными факторами. К таковым объективным причинам выхода относятся эксплуатация подвластных и другие притеснения со стороны местной знати, нависающая над подданными угроза продажи в рабство на чужбину, их полное или частичное обнищание, наконец, захват в плен соседними народами.

Вторая группа показаний объединила причины, происхождение которых непосредственно связано с поступками самих беглых. Совершившие социальные преступления (кражи, убийства и пр.), будучи вынуждены спасаться от преследований своих соседей, родственников, общества нередко решали проблему выходом под покровительство России. Это причины субъективного рода.

В третью группу показаний мы включили все остальные названные беглыми причины выхода: нежелание жить среди непо-

корных соотечественников, стремление видеться или соединяться с родными, находящимися в России, желание быть российскими подданными и т. д. Все они имеют то общее, что не могут считаться достаточным основанием к бегству. Они имеют вторичное происхождение. За этими расплывчатыми формулировками скрываются более веские причины бегства, которые, вероятно, могут быть сведены к причинам двух первых групп.

Рассмотрим в отдельности каждую из названных групп показаний.

Поступательное развитие адыгского общества в первой половине XIX в., стержнем которого является генезис феодальных отношений, создало все необходимые предпосылки для наступления местных владельцев на жизненные интересы и права подвластного населения. Эволюция сословно - классовых отношений в данную эпоху обусловила изменение аристократией в свою пользу ранее незыблемых анатно-правовых норм. Эти действия и явились одной из главных причин массового бегства зависимого населения Черкесии в Россию.

Насколько основателей тезис исследователей об усилении эксплуатации как причине выхода адыгов в Россию? По таблице видно, что наибольшая по численности группа беглых в качестве причины выхода назвала притеснения владельцев. Эту группу беглых составляют исключительно крепостные—пшииты и рабы — унауты. Чаще всего объяснение мотивов выхода выглядит таким, каким его дал в 1828 году натухайский крестьянин Гассан. Он сообщил, что «учинил побег единственно во избежание притеснений от владельца»¹². В других случаях беглые жаловались на «нападки господ». Вышедшие в 1851 году пшииты Хакар и Исак Акушевы показывали: «Проживали мы между непокорными темиргоевцами у своего хозяина князя Айтека Айтекова, который имел на нас нападки по неизвестно по какой причине»¹³. В качестве причины выхода назывались также «угнетение владельцем»¹⁴, «стеснение господином»¹⁵, «жестокое обращение и побои»¹⁶.

Столь неопределенные формулировки, к сожалению, не позволяют ответить однозначно на вопрос: какой смысл вкладывали беглые в понятия «притеснение», «нападки», «стеснение»,

¹² ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1012, л. 3; См. также: ЦГВИА, ф. 14257, оп. 3, д. 494, л. 52; д. 398, л. 18.

¹³ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 551, л. 30 об, 79, 85; ф. 14257, оп. 3, д. 462, л. 17.

¹⁴ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 165, л. 2.25-25 об.

¹⁵ Там же, ф. 14257, оп. 3, д. 454, л. 74.

¹⁶ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1553, л. 174 об; ЦГВИА, ф. 14257, оп. 3, д. 494, л. 69.

«жестокое обращение» и т. п. Означает ли это усиление эксплуатации подвластных посредством увеличения феодальной ренты, или же речь идет о притеснениях последних по другим поводам, коих всегда отыскивалось немало?

Правда мы располагаем и более конкретными показаниями, в которых беглые называют в качестве причины выхода непосильную эксплуатацию. Бесленеевский крестьянин Паце Огурли Абтуков сообщил: «Принадлежа во владение узденю (т. е. дворянину — уорку — А. К.) Таусултану Сахатову, у которого я с родною матерью проживал с самого малолетства, производил для него все работы, но от него не получал за то никакого решительно снисхождения, кроме того как только он всегда делал мне разные притеснения...» Это заставило Абтукова бежать в 1857 году в Россию, оставив мать у своего владельца¹⁷.

Унаут абадзехского дворянина — уорка Безрукова Пшухот вышел в 1850 году по причине того, что владелец начал его «принуждать и отягощать работой» и укорял в лености¹⁸.

Подобные свидетельства обязывают нас считать, что рост эксплуатации подвластных действительно являлся одной из причин бегства. Этот процесс закономерно сопровождался массовым обнищанием адыгского крестьянства. Не случайно многие беглые мотивировали свой поступок одновременно угнетением владельца и обнищанием. Так, шапсугский пшильт Магмет Маса Оглу сообщил, что вышел «будучи притеснен хозяином до бесконечности... так равно и не имея на себе одеяния в холодное зимнее время, претерпевая крайность...»¹⁹

Бедность эта еще более усугублялась в годы неурожаев. К примеру, натухаец Бейслан Шупако и абадзех Псехиз Магмет выбежали в 1840 году «претерпевая сильнейший недостаток в продовольствии, по случаю совершенного неурожая хлеба за Кубанью»²⁰. В этот голодный год вышло особенно много адыгов. Только в Гривенском черкесском ауле было поселено около 70 беглых²¹. Иногда недостаток жизненного содержания приводил в Россию и представителей свободных слоев адыгского общества — уорков и тфокотлей²².

В некоторых случаях причинами бегства являлись притеснения не собственного, а других владельцев или целых обществ.

¹⁷ ЦГВИА, ф. 14257, оп. 3, д. 398, л. 18—18 об.

¹⁸ Там же, ф. 13454, оп. 2, д. 521, л. 140.

¹⁹ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1618, л. 230 об., 417. См. также: ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 165, л. 2.

²⁰ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1618, л. 438.

²¹ Там же, л. 642.

²² ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 551, л. 159; д. 462, л. 64 об.; ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1618, л. 97 об., 99.

Вышедший в 1835 году шапсуг Бамерза Кобле жаловался на притеснение других сильнейших владельцев, которые, очевидно, стремились лишить его вольного состояния²³. Хатукайский крестьянин Аслан-Гирей Борен, перешедший на жительство к брату в Шапсугию, вынужден был в 1837 году уйти под защиту русского оружия по причине угнетения шапсугами, считавшими его чуждым их обществу²⁴. Данное обстоятельство любопытно тем, что является свидетельством коренного изменения в отношении так называемых «демократических» адыгских народностей (абадзехов, шапсугов и натухайцев) к инородным элементам²⁵. Ранее принимаемые безусловно, в данное время (в середине 30-х годов XIX в.) пришельцы встречают отчуждение в поведении своих кунаков. Объясняется это тем, что сами «демократические» адыгские народности постепенно начинают ощущать земельную стесненность²⁶, а частнособственнические интересы у них уже доминируют над общественными. Как следствие, не только пришелец вынужден уступить частным притязаниям коренных горцев, бежав под защиту России, но нередко и последние обязаны были поступать аналогичным образом. Так, бежавший в 1841 году шапсугский тфокотль Хатук Хазук сообщил: «Во время жительства моего при речке (Антхир — А. К.) в ауле, сделал я с одним черкесином того аула Джамбулетом спор за потравлю овцами его жита, мне принадлежащего, которого я при споре от себя оттолкнул, и он упал на том же месте и помер, от того по возбуждении на меня сапсугами принужден был под покровительство России со своим семейством бежать»²⁷. И хотя в данном случае причиной выхода Хазука явилось убийство соотечественника, предпосылки происшедшего конфликта лежат в разногласиях по вопросу о частной собственности. Чаще всего, однако, выходящие под защиту России адыги притеснялись своими соседями или обществами по причине совершенных ими преступлений — краж, убийств и т. п. Этот аспект проблемы будет рассмотрен нами ниже.

Довольно представительна по документам категория беглых адыгов, мотивирующих свой выход в Россию несогласиями с владельцами по вопросам, лежащим вне сферы их производственных отношений. Причины такого характера можно отнести к разногласиям адатно - правового порядка.

²³ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 165, л. 17—17 об.

²⁴ Там же, л. 35.

²⁵ В условиях развития феодальных отношений у адыгов в первой половине XIX в. происходит консолидация племен в народности.

²⁶ См.: Кожаров В. Х. Сельская община в первой половине XIX века. (Поземельные отношения): Дис.. канд. наук. — М., 1982.

²⁷ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1648, л. 279—279 об.

Одним из наиболее распространенных видов правонарушений адыгской аристократии являлась продажа своих крестьян в рабство. И это несмотря на то, что «продажа крестьян, — как отмечал С. Броневский, — почитается [у адыгов] за великий стыд»²⁸. Угроза продажи нередко нависала над свободными членами адыгского общества, включая и тфокотлей. Жертвами такого шага владельцев становились обычно крепостные — пшитли. Абадзехский пшитль Якуб Меретуков сообщил в 1862 году: «...в одно время я услышал, что хозяин мой, обязанный платою за кровь убитых им двух абадзехов, хочет продать меня в Убыхи, решился бежать под покровительство русских»²⁹.

Адыгский народный обычай не запрещал владельцу продавать своих крепостных. Но право это ограничивалось самим порядком продажи: феодал должен был найти двух покупателей, а крепостной одного³⁰, и сам продаваемый выбирал себе из трех кандидатов покупателя³¹.

Бывали случаи, когда по указанной причине выбегали рабы-унауты. К примеру, пришедшие на Черноморскую кордонную линию в мае 1850 года шапсуги сообщили, что их было семеро братьев. «...двоих — Тлеуз (их владелец — А. К.) продал туркам в Константинополь, это самое и было причиной тому, что мать наша, опасаясь чтобы и с нами таким же образом не поступил Гагондук [Тлеуз], оставя двух малолетних наших братьев... бежали»³². В отличии от случаев продажи крепостных здесь речь не может идти о нарушении господином адата, так как унауты считались бесправной категорией населения Черкесии.

Довольно часто угроза продажи в рабство исходила не от владельца, а от родственников. Так, Ацугаш Чамбулатова из Шапсугии вышла в 1840 году, получив известие о том, что родственники умершего мужа имели намерение продать ее и детей шапсугам³³. А черкешенка Дэс Гуаш перешла в Россию в 1848 году по причине того, что старший брат хотел при случае продать ее в горы или в Турцию³⁴.

²⁸ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. — М., 1823. — Ч. 1. — С. 49.

²⁹ ЦГВИА, ф. 14257, оп. 3, д. 508, л. 83 об. См. также: ГАКК, ф. 249 оп. 1, д. 1553, л. 104 об.

³⁰ По сведениям князя Голицына владелец называл всех трех покупателей. См.: Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. — Одесса, 1882 — Вып. 1. — С. 239.

³¹ Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. — Нальчик, 1956. — С. 252.

³² ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 521, л. 91; ф. 14257, оп. 3, д. 508, л. 5.

³³ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1618, л. 545.

³⁴ Там же д. 1882, л. 17; ф. 250, оп. 2, д. 1314, л. 101 — 101 об.; ЦГВИА, ф. 14257, оп. 3, д. 494, л. 48.

Причиной к бегству могла стать и продажа в рабство (чаще в Турцию) членов семьи или же угроза таковой. По адату владельец не имел права продавать раздельно семейства как свободных, так и крепостных крестьян. Это ограничение не касается бесправных унаутов³⁵. Нарушение данного обычая рассматривалось крестьянами как незаконное попрание личных прав и не-примиримая обида. К примеру, подвластный уорку Газеши Абыда абадзехский тфокотль Брах Осман сообщил, что хозяин жени и троих детей «отнял у него насилино и продал в Константинополь на контрабандных турецких судах». Осман, «чувствуя себя через таковой поступок владельца Абыда обиженным», ушел в 1835 году от него в Россию. Из документа видно, что Осман подвергся такому наказанию не вдруг, а за нежелание быть крепостным Абыда. Последний незаконно принуждал своего подданного перейти в разряд зависимого крестьянства³⁶. Выбежавший в 1859 году из-за Кубани кабардинский пшитль Хут Дышев показал: «Владелец мой узденъ Дышев по разным неудовольствиям, возведенным на меня, хотел было все мое семейство пораспродать порознь...»³⁷

Незаконной с точки зрения обычая считалась и продажа владельцем в рабство родственников своих подданных. «Проживая в горах между мохашевцами, — рассказал пшитль Огурли Хамату, — я принадлежал с моим семейством во владение 1-й степени узденю Кунгаблеву, у которого я многократно просил до-зволения о выдаче в замужество моей племянницы, но он несмотря на все мои убедительные просьбы, не дозволил мне выдать ее в замужество, наконец, отказал с тем, что она будет продана им в Турцию». Помимо нанесения морального ущерба (а оскорбление чести в век рыцарства у адыгов было особенно нетерпимым явлением), такой шаг господина Хамату влек за собой и значительные материальные убытки. По адату тфокотль имел право самолично выдать свою родственницу замуж и получить за нее калым. Не случайно, Хамату с обидой сообщил, что он «с малолетства означенную племянницу воспитывал и по завещанию отца ее (его брата — А. К.) должен был отдать в замужество и получить деньги»³⁸.

Конечно, не всегда незаконная продажа в рабство предполагала обязательный выход в Россию. Абадзехский дворянин Хад-

³⁵ Материалы по обычному праву кабардинцев. — С. 29.

³⁶ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 165, л. 15 об.

³⁷ Там же, ф. 14257, оп. 3, д. 465, л. 11. См. также: ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1618, л. 547.

³⁸ ЦГВИА, ф. 14257, оп. 3, д. 398, л. 13 об.

жебей Неджуков, будучи малолетним, вместе с двумя сестрами находился под опекой дальнего родственника Магомета Найгока. Но тот, пользуясь случаем, продал в Турцию обеих сестер Хаджибая. Став взрослым, Неджуков потребовал удовлетворения, и суд по шариату признал его правоту. Штраф, присужденный ему, был так велик, что Найгок был не в силах выплатить его и поэтому предложил Хаджибею «жить у него и взять себе в жены дочь его». Кагалось конфликт исчерпан, но Неджуков все же вынужден был спасаться в 1837 году в России от тайного желания Найгока расправиться с ним³⁹.

Грубым нарушением обычая у адыгов считалось и нежелание или неспособность владельца приобрести жену своему крепостному-пшитлю. По адату господин мог женить крепостного из своей крестьянки. «...Если владелец, не имея между своими крепостными девок и вдов, пожелает женить его на крепостной девке или вдове другого владельца, то покупает у него для того невесту и платит ему за девицу от 15 и до 30 лет 60 штук рогатого скота, или 1 000 руб. ассигнациями], а за вдову не старее 30 лет, от 30 до 40 штук рогатого скота, кроме сего отцу невесты или родственнику ее, у которого она находится, платит еще три штуки скота...»⁴⁰ Приобретение мужа для своей крепостной обходилось дешевле: «За мальчика от 15 и до 20 лет платится 15 и 20 штук рогатого скота, от 20 и до 30 лет за мужчину платится 25 и 30 штук рогатого скота или 700 р. на ассигнации...»⁴¹ Естественно не всегда владелец оказывался готовым расстаться с таким количеством собственности. Да кроме того, некоторые из них могли и не располагать необходимым числом скота или денег. В результате они преступали обычай. Ущемленные крестьяне или крестьянки в этом случае бежали в Россию. Это видно, например, из показания абадзехского пшитля Нагоя Хахшова, вышедшего в 1848 году: «Господин мой, будучи бедного положения, не в состоянии по просьбе моей купить мне жену, самого обещался запродать дальше в горы, во избежание чего я решился от него бежать»⁴².

Говоря о причинах бегства, лежащих за пределами виновности выходящей стороны, нельзя не сказать, что многие адыги попадали в Россию спасаясь из плена во враждебных землях. Бывшие жители Большой Кабарды Карапей Асланукаев и Муса

³⁹ Там же, ф. 13454, оп. 2, д. 165, л. 36—36 об.

⁴⁰ Леонтиевич Ф. И. Указ. раб. — С. 136—137.

⁴¹ Там же. — С. 137.

⁴² ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 480, л. 22 об. См. также: ГАКК, ф. 261, оп. 1, л. 1517, л. 111 об.; ф. 250, оп. 2, д. 1596, л. 33 об.

Жанкуров сообщили в 1835 году, что будучи пастухами дворян владетельного князя Мисоста Атажукина, подверглись нападению в степи партии закубанских горцев и попали в плен к абадзехам. Оттуда они бежали в Россию⁴³. Шапсугский горец Мустафа Хагууж подвергся нападению своих соотечественников по возвращении с торга в укреплении Крымском. Будучи переправлен в Абхазию для продажи в Турцию, он сумел спастись и вышел под защиту России в 1861 году⁴⁴.

Таким образом, данные немногим менее половины показаний беглых (166) указывают на объективную природу причины выхода в Россию. Лично зависимые категории населения адыгского общества чаще всего выходили по причине притеснения владельцев. Мы должны признать тот факт, что тяжелые крестьянские ловинности являлись одной из причин бегства крестьян - паштей в Россию. Вместе с тем, было бы ошибочно считать тяготы в работе единственным фактором, определяющим содержание понятия «притеснение владельца». Другими важными причинами выхода подвластных были обнищание, голод, угроза продажи в рабство, а также плен. Свободные члены адыгского общества — тфокотли и уорки, — как показывают собранные показания, в редких случаях выходили в Россию по причинам объективного порядка (лишь иногда по бедности или спасаясь из пленя).

Обратимся теперь к анализу той группы показаний беглых, которая содержит указание причин субъективного характера.

Многие вышедшие из русские крепости горцы в качестве причины, побудившей их на этот шаг, называют несогласия или ссору с родственниками. К примеру, свободный крестьянин из Шапсугии Батиж Ачмиз сообщил, что выбежал в 1835 году «по недовольствиям с родственниками»⁴⁵. Семейство его соотечественника тфокотля Хачима Дзеля вышло в 1860 году «вследствие произошедших распри между ними и родственниками жены горца Армазана (сына Хачима — А. К.)»⁴⁶.

К сожалению, эти и другие показания аналогичного содержания страдают неопределенностью. Нельзя понять о каких разногласиях с родственниками идет речь в каждом конкретном случае. Можно только предполагать, что отношения между родственниками обострялись по самым разным причинам, и здесь нет возможности говорить о каких-либо закономерностях.

⁴³ ЦГВИА, ф. 15264, оп. 1, д. 23, л. 3.

⁴⁴ Там же, ф. 14257, оп. 3, д. 494, л. 83—83 об.

⁴⁵ Там же, ф. 13454, оп. 2, д. 165, л. 4.

⁴⁶ Там же, ф. 14257, оп. 3, д. 494, л. 21.

Так, например, беглый шапсуг Нагой Саддиз Ацимис, имевшийссору с младшим братом из-за девушки, узнав, что она отдала предпочтение последнему, вышел в 1835 году в Россию «во избежание дальнейших трудностей»⁴⁷. А Хочисав Хажетохо объяснил, что после смерти отца, оставшись сиротой, «отправился искать покровительства у своих родственников, которые не только не приняли его за родственника, но еще хотели сделать своим крестьянином. Встречая везде неудачу и не желая попасть в крестьянство», он выбежал из Черкесии в 1861 году⁴⁸. Случай этот (кстати далеко не единичный) показывает, что в условиях дефицита рабочей силы объектом закрепощения становятся даже родственники.

В результате конфликта с родственниками выходили не только адыгские тфокотли, но и представители дворянской аристократии. К примеру, абадзехский уорк Мемед Йирей вышел в 1828 году «от неудовольствия родственников, которые убили меньшего его брата и тем привели его самого в опасение нащот собственной жизни...»⁴⁹

Известно, что период военной демократии в истории народов характеризуется активной внешней политикой, направленной на захват соседних земель, пленных и имущества. Храбрость и удальство составляли славу и имя воина. В первой половине XIX в. адыгское общество активно феодализировалось, но прочно хранимые представления об идеалах рыцарей и специфика сложившихся объективных обстоятельств, вынуждали адыгов следовать стариине. В народном сознании выработалось своеобразное понятие о чести: добыча, взятая кровью и отвагой в жестокой схватке с врагом, и имущество, ловко украденное у соседа, не только обогащали участников этих разных по характеру дел, но и создавали вокруг их имен ореол герояев. «Черкесы, — писал А.-Г. Кешев, — как и все народы, имели свой героический период, когда умение обманом или мечом добывать средства к существованию, естественно сделалось необходимой принадлежностью человека в такую эпоху»⁵⁰.

Укравший у адыгов не считался вором, если не был обличен. «Воровство, коего следы остаются навсегда сокрытыми, приобретает отличившимся в оном особенное уважение, — отмечает

⁴⁷ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 165, л. 19—19 об.

⁴⁸ Там же, ф. 14257, оп. 3, д. 494, л. 51—51 об.

⁴⁹ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1012, л. 41 об; д. 1618, л. 50; См. также: ЦГВИА, ф. 14257, оп. 3, д. 508, л. 101, 101 об.

⁵⁰ Кешев А.-Г. Записки Черкеса. // Избранные произведения адыгских просветителей. — Нальчик, 1976. — С. 76.

Иосиф Дебу⁵¹. Разоблачение не наносило вору серьезного материального ущерба. «...вор, если будет открыт, обязан возвратить уворованное тому, кому оно принадлежит, и в таком разе остается свободным от дальнейшего штрафа»⁵². Однако честолюбие не позволяло адыгу вернуть украденное («черкес согласится лучше умереть, нежели быть обличенным», — отмечает И. Дебу⁵³), поэтому чаще приходилось платить штраф. Он был очень высоким. Например, за одну украденную скотину у князя или первостепенного дворянина платили девять голов скота, у низших дворян — восемь, у свободных крестьян — семь, у крепостных — столько, сколько и их владельцу, «ибо кража у крестьянина почитается кражею у его владельца»⁵⁴.

Неспособность выплатить причитающуюся пеню обязывала виновного обратиться к единственному средству, позволяющему избежать расходов — выбежать в пределы России. Данный проступок совершался представителями всех слоев адыгского общества. Обратимся к фактам. Беглый натухайский крестьянин Тим Бат на допросе в 1840 году сообщил, что «как он начал заниматься частными воровствами и другия нетерпимыя в обществе поступки делать, то родственники его и другие единоплеменники возымели на него сильное негодование, старались его схватить и наказать или продать другим черкесам, то он во избежание этого... решился бежать под покровительство России»⁵⁵. Нельзя не обратить внимания в этом случае на недовольство родственников Бата, что вполне объяснимо их нежеланием нести ответственность за его антиобщественные проступки.

Размеры украденного практически не оказывали влияния на выбор решения о бегстве. Так, шансуг Моссе Гапач вышел в Россию в 1836 году, потому, что «уворовал... медный котел и та-ковой же кумган»⁵⁶. Натухайский житель Тетух украл в 1828

⁵¹ О кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войску или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах, собранные д. с. с. и к. Иосифом Дебу с 1816 по 1826 год. — СПб, 1829. — С. 105. Ср.: Очерк пространства между Кубанью и Белой. Д. чл. М. И. Венюкова. // Записки Императорского Российского географического общества. — 1863. — Кн. 2. — С. 61—62; Этнографический очерк черкесского народа. Составил барон Сталь в 1852 году. // Кавказский сборник. — Тифлис, 1900. — С. 100.

⁵² Леонтович Ф. И. Указ. раб. — С. 148.

⁵³ О кавказской линии... — С. 105.

⁵⁴ Леонтович Ф. И. Указ. раб. — С. 148. Ср.: Хан-Гирей. Записки о Черкесии. — Нальчик, 1978. — С. 128.

⁵⁵ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1618, л. 166; д. 1553, л. 2—2 об.; ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 551, л. 174.

⁵⁶ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 165, л. 6.

году две лошади⁵⁷, а абадзехский крестьянин, армянин по происхождению, Пшунал Мамыжов спасался в России в 1850 году от обвинения его в потворстве в краже 800 баранов хозяина⁵⁸.

Объектом воровства могли являться не только собственность соотечественников, но и люди — крепостные, рабы и пр. «Похищать людей украдкою в мирное время у своих соседей, и даже у знакомых, — отмечает С. Броневский, — почитается за молодечество для горского наездника, лишь бы подвиги его остались в непроницаемой тайне». Нередко хищение людей производилось из расчета бегства в Россию, т. к. разоблаченного ожидали «баранта, кровомщение и неизбежная гибель»⁵⁹. Вольный житель шапсугского аула Черим-хабль Дзепиш Мат выбежал в русское укрепление в 1861 году «с уворованными 4-мя душами крестьян Пшемафа Сельмена», которых он с успехом продал уряднику конно-иррегулярного эскадрона Караплину Абадзе, положив себе в карман 500 руб. серебром⁶⁰.

Бегство под покровительство России помогало беднейшим слоям адыгского общества обзаводиться семейством. Далеко не каждый адыг оказывался способным платить полагающийся калым за невесту. По сообщению А.-Д. Г., калым для невест княжеского и дворянского происхождения складывался из 30 частей или башей, а за невест — простолюдинок — из 17—18 башей⁶¹. Кража невесты с последующим бегством под защиту России обеспечивали бесплатную женитьбу. М. В. Покровский обратил внимание на тот факт, что в числе беглых были «влюбленные молодые люди, на путях которых к личному счастью стояли калым, несогласие родителей, или же, наконец, разница в общественном положении»⁶². Яркой иллюстрацией сказанному может служить показание натухайца Соин Ту, данное в 1848 году: «Несколько уже тому времени как я познакомился с девицею Аиша, жившую в одном со мною ауле, и имея тесных с нею связи. Дав ей обещание жениться на ней, я желал это исполнить, но несостоятельность моя к уплате калыма препятствовала тому... Братья мои сильно противодействовали моей

⁵⁷ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1012, л. 14.

⁵⁸ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 521, л. 103.

⁵⁹ Броневский С. Указ. раб. — Ч. 1. — С. 310.

⁶⁰ ЦГВИА, ф. 14257, оп. 3, д. 494, л. 71—71 об.

⁶¹ Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии. // Военный сборник. — СПб, 1860. — Т. XI. № 1, С. 295. У простонародья первые 6 башей составляли: лошадь, ружье, два вола, 20 овец и 10 коз, медный котел ценой в 2 вола, обыкновенная лошадь. Остальные заменяются рогатой скотиной по одной за баш или другими вещами. (Там же).

⁶² Покровский М. В. Беглые черкесские рабы и крепостные в России в годы Кавказской войны. — С. 44.

женитьбе, а родственники Аиши, стараясь прекратить наши сношения, отдали ее замуж; но как это было противу ея желания, и она не хотела жить с мужем, то дядя ея отдал ее одному семейному горцу того же аула в услужение. Узнав о намерении этого горца перепродать Аишу в Турцию, я тайно уговорил ее бежать со мною к русским»⁶³.

Как показывают источники, причиной бегства адыгского населения в Россию являлось иногда и более тягостное преступление — убийство соотечественника. В этом случае конфликт между сторонами убитого и убийцы решался двояким путем: либо по обычаям старины — посредством кровной мести, либо путем уплаты полагающегося за данное преступление штрафа. В условиях феодализации адыгского общества уплата пени все шире практикуется как средство удовлетворения родственников погибшего. Однако нельзя сказать, что институт кровной мести, ставший анахронизмом, окончательно потерял свою силу, и над жизнью убийцы не нависала угроза физической расправы. А. Кучеров в своих собраниях адатов, относимых к 1845 г., сообщает, что «мщение у горцев развито в высшей степени» и даже является одной из главных страстей народа⁶⁴. Данное обстоятельство во все времена требовало от убийцы значительных усилий для спасения своей жизни, что зачастую обеспечивалось переселением в другие места. Уплата штрафа за кровь как будто устранила угрозу расправы. Однако фактически размеры пени делали проблематичным использование данного права. Обратимся к адату: убийство пши-князя у «аристократических» адыгских народностей (темиргоевцев, бжедугов, кабардинцев и пр.) или первостепенного дворянину у «демократических» окапалось штрафом в сто голов⁶⁵, убийство первостепенного уорка у «аристократических» народностей — в 30, второстепенного — 15, третьестепенного — 5. «За убийство простого черкеса у всех племен виновный поставляет пару волов с арбою и принадлежностью к оной и 25 пустых тулуок, или пятнадцать быков, или крепостного мальчика не менее

⁶³ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1882, л. 22—22 об.; ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 165, л. 18; д. 551, л. 59.

⁶⁴ Леонтьевич Ф. И. Указ. раб. — С. 140.

⁶⁵ Голова (по-адыгски «сха») — принятая у адыгов мера платежа. Содержание ее весьма неопределенно. По сообщению Хан-Гирея, голова «первостепенная» стоила максимум 4 души молодых людей, «простая» — 4 головы рогатого скота средних достоинств (Хан-Гирей. Указ. соч., с. 227). По Дж. Беллу, «раб, хорошая лошадь, хорошая панирная рубашка, хороший боевой лук, 60 овец и т. д. считались за одну «голову» (Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. — Нальчик, 1974. — С. 520).

12 лет...⁶⁶ Отсюда видно, что pena за убийство была так высока, что уплата всего движимого и недвижимого имущества нередко не покрывала ее. Эти штрафы дополнительным бременем ложились на плечи родственников убийцы (членов его братства), т. к. «целый род (тляку) виновного складывается и единовременно или по частям выплачивает цену крови»⁶⁷. Конечно, это не могло не вызвать недовольства сородичей убийцы. В результате, иногда «род, к которому принадлежит убийца, отказывался от платежа за кровь, предоставляя обиженным самим отомстить убийце. Тогда убийце остается только бежать из обчины в абреки и скитаться бездомным, пока он не будет убит мстителями или не найдет средства помириться...»⁶⁸. Добавим, что у пролившего кровь в первой половине XIX в. появилась еще одна возможность к спасению — бегство под защиту русского оружия.

Угроза расправы со стороны близких убитого заставила бежать в Россию шапсугского крестьянина Магомета Беджаса. «Назад тому два месяца, — сообщил Беджас в 1860 году. — убил абадзехского племени простого черкеса Моссе Цея, за это родственники Цея начали притеснять меня и искали случая убить меня, поэтому, дабы избежнуть смерти, я с семейством своим, братьями и матерью выбежал под покровительство России...»⁶⁹. Так же поступили мохощевцы Магомед и Бек Мурза Туговы, вышедшие в 1859 году, «имея в своем ауле неприятелей по крови и опасаясь быть жертвами мстительности врагов». Выбежали они, украв у своего кровоместника Мустафы лошадь⁷⁰.

Вышедшие в 1850 году шапсугские братья-унауты спасались в России от расправы за совершение самого тяжкого преступления — убийства своего владельца⁷¹. Угроза расправы за убийство заставляла покинуть отчий край не только убийцу, но и близких его родственников. Например, Шумах Байпаш Натх выбежал в 1840 году по причине того, что «родственник его ранил...князя, и от таковой раны он и умер»⁷².

Причинами бегства адыгского населения могли быть преступки других типов, в том числе и недобросовестное исполнение подвластными своих повинностей. Беглый Гамирза Абзан

⁶⁶ Леонтьев Ф. И. Указ. раб. — С. 147.

⁶⁷ Этнографический очерк черкесского народа. — С. 119.

⁶⁸ Там же. — С. 119—120.

⁶⁹ ЦГВИА, ф. 14257, оп. 3, д. 494, л. 10—10 об.

⁷⁰ Там же, д. 454, л. 79. См также: ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1553, л. 66—66 об.; ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 551, л. 8—8 об.

⁷¹ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 521, л. 91 об.

⁷² ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1618, л. 505.

рассказал в 1840 году, что «находившись в пастьбе рогатого скота, уснувши возле оного, впустил в хлеба, за что меня хозяин бил»⁷³. А шапсугский мальчик Туху «пасши скотину.. утерял несколько коров...»⁷⁴ Оба провинившихся предпочли не искушать судьбу и вышли в Россию.

Категория адыгских переселенцев в российские пределы довольно широко пополнялась и за счет политических беженцев: тех, кто спасался от кары соотечественников за верную службу России. Так, крепостной крестьянин из Шапсугии Нахоцих Мет показал в 1861 году: «...выбежать из гор меня побудило то, что я двух заблудившихся солдат вывел к русскому отряду, за что хозяин мой и угрожал меня убить»⁷⁵. Притеснению подвергся по аналогичной причине и натухайский пшиль Пезад Хаджи-Маф: «Приверженный издавна к русским, я, по занятии ими в прошлом году Новороссийска, очень часто приезжал в русский лагерь и доставлял им из гор различные сведения. Последний раз, уже осенью не помню в каком месяце (1858 года — А. К.), я провел русскую конницу в бывшее Кабардинское укрепление, где тогда и отбили у горцев несколько сот баранов и рогатого скота...» По возвращении домой Пезад подвергся притеснению своих старшин, которые отобрали у него «все оружие и все имущество», а самого вместе с матерью и женой решили продать в Турцию. Уже будучи в Турции Пезад через русское консульство добился в 1859 году права вернуться в Россию. Пезад сообщил, кроме того, что отец его, опасаясь преследований соотечественников за связь сына с русскими, вынужден был также выйти под защиту России⁷⁶.

Службу русским в качестве причины выхода называют и представители свободных слоев адыгского общества — тфокотли⁷⁷ и особенно часто дворяне-уроки⁷⁸.

Из данных показаний видно, что приверженные Турции адыги беспощадно преследовали сторонников России. При этом использовались не только угрозы расправы, но и фактическое лишение виновных имущественных прав, а значит и средств к существованию. Страдали от этого не только низшие слои общества, преданные русскому правительству, но и прорусски настроенные представители знати. Так, первостепенный абадзехский уорк Пшикан Унароков из-за приверженности России

⁷³ Там же, л. 404.

⁷⁴ ЦГВИА, ф. 14257, оп. 3, д. 494, л. 1.

⁷⁵ Там же, л. 61—61 об.

⁷⁶ Там же, д. 454, л. 15—15 об.; ГАКК, ф. 261, оп. 1, д. 710, л. 9.

⁷⁷ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 462, л. 113; д. 551, л. 89.

⁷⁸ Там же, д. 551 л. 30—30 об.; 171.

был лишен всего имущества, заключавшегося в 19 душах крестьян, 13 головах рогатого скота, 59 лошадях, 55 козах и 50 ульях⁷⁹.

Нередко прорусски настроенные адыги использовали свои связи с Россией для совершения краж. К примеру, мохашевский тфокотль Хакуй Мокод сообщил в 1851 году, что украл у горцев двух лошадей и передал их русским лазутчикам⁸⁰. Аналогичным образом поступил его соотечественник Пшибей Тоух, передавший украденных лошадей лазутчику Докшуке Мефедзе-ву⁸¹. Таким образом удавалось организовать сбыт украденного за пределы Черкесии и тем самым обезопасить себя от подозрений соотечественников.

Таким образом, анализ показаний беглых показывает, что в 121 случае причины выхода в Россию носят субъективный характер. Корень их в действиях самих выходящих, нарушивших в той или иной степени народный обычай. Очень важно отметить большинство случаев бегства адыгов, спасавшихся от преследований за службу России (32 случая). Особенно много беженцев по политическим мотивам было в начале 50-х годов XIX в. Наличие этого факта убедительно свидетельствует о том, что внутри различных слоев адыгского общества во второй четверти XIX столетия крепли и развивались прорусские настроения. Нам представляется также важным отметить, что большинство беглых, вышедших по субъективным причинам, представлено свободными членами адыгского общества. И это вполне объяснимо. Свободные адыги, обладавшие более широкими правами по адату, вместе с тем получали и большие возможности в нарушении народных обычая.

Для полноты картины нам остается произвести анализ третьей группы показаний адыгских беглых. Все они, как мы отмечали, не могут быть рассмотрены как самостоятельная причина выхода в Россию.

В показаниях многих беглых крепостных указывается нежелание жить на Родине. Так, кабардинский пшитль Кадаун Тляпшев сообщил в 1851 году, что выбежал «не желая проживать между непокорными горцами...»⁸². Многие адыгские крестьяне, судя по опросам, выходили по желанию соединиться с родственниками, живущими в пределах России. К примеру, на тухайский зольный крестьянин Тхазуус Хамерзи Алласе вышел

⁷⁹ Там же, д. 502, л. 02.

⁸⁰ Там же, д. 551, л. 91 об. — 92.

⁸¹ Там же, л. 88—88 об.

⁸² Там же, д. 166, 163, 169; ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1406, л. 27.

в 1836 году «в намерении видеться с теткой своею Хакгуам, выбежавшую из гор в прошлом году»⁸³. Кабардинец Батей Усманов пожелал воссоединиться со своим братом Пельваном, проживавшим в Большой Кабарде⁸⁴. По аналогичной причине выходили и некоторые представители адыгской аристократии. Так поступил, к примеру, в 1837 году абадзехский уорк Хаджи Тлостан, пожелав видеться с братом⁸⁵.

Другие горцы указывали на желание быть российско-подданными. Беглый шансуг Гахцук Шяв сообщил, что вышел в 1847 году, потому что «возымел издавна желание быть подданным России»⁸⁶.

Некоторые беглые откровенно говорили, что вышли с намерением получить освобождение от крепостной зависимости. Так, моховешкий пшиль Пшегус Жудов выбежал в 1862 году, «узнав, что в России дают крестьянам свободу»⁸⁷.

Наконец, были беглые, которые на допросе указывали на отсутствие каких-либо причин к бегству. К примеру, кабардинский крестьянин Гула Кубатов выбежал в 1857 году, как он сообщил, «без всяких побудительных причин»⁸⁸. Вероятно, у Кубатова, равно как и у ему подобных, были веские основания скрыть от русских приставов подлинные причины выхода.

Можно предположить, что за нежеланием беглых жить на родине или же стремлением стать российско-подданными скрываются более глубокие мотивы, побудившие их решиться на переселение в Россию. О них конкретно ничего неизвестно, но совершенно ясно, что в большинстве своем они могут быть сведены к одной из причин, упомянутых в первых двух группах показаний беглых.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении источники свидетельствуют о чрезвычайном многообразии причин выхода представителей адыгского общества в Россию. Произведенная группировка показаний причин бегства горцев в известной степени условна, но важна для выяснения сущности той категории населения Черкесии, которую мы объединяем под термином «беглые», и тех социально-экономических и социально-политических процессов, которые привели к возникновению данной категории населения.

⁸³ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 165, л. 28—28 об.

⁸⁴ Там же, ф. 14257, оп. 3, д. 398, л. 35; д. 465, л. 9 об.; ф. 13454, оп. 2, д. 551, л. 190.

⁸⁵ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 165, л. 32.

⁸⁶ Там же, ф. 14257, оп. 3, д. 508, л. 12, 51.

⁸⁷ Там же, ф. 13454, оп. 2, д. 462, л. 62; д. 165, л. 44 об.

⁸⁸ Там же, ф. 14257, оп. 3, д. 398, л. 36; д. 508, л. 25 об., 26; ГАКК, ф. 250, оп. 2, д. 1314, л. 84.

В связи с выяснением вопроса о причинах выбегания адыгов в пределы России следует высказать некоторые предположения относительно природы этого явления.

Несмотря на то, что бегство в Россию явление, характерное для истории адыгов первой половины XIX века, источники его возникновения следует искать в социально-экономических отношениях предшествующей эпохи. У адыгов широко использовалась практика внутреннего покровительства. В случае несогласия владельцев с подданными, последние могли искать защиту у более сильного сюзерена. По сведениям Голицына, «узденья, чагары (свободные крестьяне — А. К.) и прочие вольные люди, подвергшиеся несправедливой обиде со стороны своего князя, имеют право уйти тайно к князю, какому пожелают, или первостепенному узденю и просить разбирательства»⁸⁹. В эпоху развития феодальных отношений стало обычным явлением у адыгов использование покровительства не отдельного патрона, а целого общества. Практика эта стала столь широкой, что привела в XVIII — первой половине XIX в. к резкому увеличению количественного состава «демократических» адыгских народностей (шапсугов, абадзехов и натухайцев) за счет беженцев из соседственных народностей, имеющих сильную княжескую власть. Крестьяне темиргоевцев, бжедугов, кабардинцев и других «аристократических» народностей безбоязненно пользовались данной им возможностью переселения, тем более, что подобный шаг освобождал их от необходимости выполнять разнообразные повинности в пользу своих господ. «Бежать к абадзехам (равно к шапсугам и натухайцам — А. К.), — писал Н. Каменев, — значило для них навсегда освободиться от преследований корыстолюбивых властей»⁹⁰. Сами абадзехи, шапсуги и натухайцы активно агитировали крестьян «аристократических» народностей к переселению в их земли. На это обстоятельство, в частности, жаловался Хан-Гирей, представлявший в 1833 году в Петербурге интересы хамышейского дворянства. Он сообщил, что «абазинцы (правильно абадзехи — А. К.), дабы еще более вредить хамышейцам переманивают к себе подвластных князьям жителей, обещая им свободу»⁹¹. Отметим, что заинтересованность «демократических» адыгских народностей в переселенцах вполне объяснима прежде всего политическими мотивами: желанием усилиться за счет количественного роста, что было важно в обстановке постоянных феодальных рас-

⁸⁹ Леонтьевич Ф. И. Указ. раб. — С. 232.

⁹⁰ Каменев Н. Бассейн Псекупса. // Кубанские войсковые ведомости, — 1867. — № 27. — С. 107.

⁹¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6244, л. 21.

прей между обществами и угрозы внешних нападений». Но были и бесспорные экономические стимулы. Весьма интересно в этом смысле свидетельство почетных адыгов, переданное русскому командованию после бегства к абадзехам 130 семейств мохашевцев в 1839 году. По их мнению, «покровительство у Абадзехов будет им стоить большой половины всего того, что у них есть из всего имущества, которое те не замедлят отнять у них при первом к ним появлении»⁹².

Безусловно, обычай внутреннего патроната способствовал утверждению и практики использования внешнего покровительства в лице сильных соседей, в том числе и России. Этим можно объяснить ту легкость, с которой адыгские крестьяне и знать решались перейти в подданство Российской империи, государству с иной, нежели у адыгов, религией. Упрочение идеи внешнего покровительства в среде адыгского крестьянства (о чем говорит стабильно высокий уровень переходов жителей Черкесии) есть яркое свидетельство трансформации в сознании угнетенных классов подхода к вопросу о действенности, практической целесообразности использования внутренних патронов для защиты своих прав. Очевидно, что на определенном этапе развития межклассовых отношений стала проявляться неэффективность внутреннего патроната, который чаще решал споры между подданными и владельцами в пользу последних.

Адыгские крестьяне постепенно убедились в очевидной истине: арбитраж внутренних покровителей в лучшем случае обеспечивает временное улучшение их тягостного положения, в то время как переход под защиту русского оружия (пусть даже сопровождавшийся необходимостью перемены вероисповедания) ведет к коренному изменению их статуса, т. е. к освобождению от рабской или крепостнической зависимости.

Нетрудно обнаружить еще одно важное обстоятельство, обеспечивавшее широту внедрения внешнего покровительства. Существующий у адыгов патронат обеспечивал защиту подданных от возможных правонарушений их владельцев. Однако он не предусматривал отставивание интересов подданных, если причины возникшего конфликта с господами, лежали в действиях их самих. Имеется в виду совершение подвластными каких-либо противных адату проступков — краж, убийств и т. п. Обращение в этом случае под защиту могущественного владельца внутри страны не могло повлечь за собой устранение остроты в отношениях с патроном или соотечественниками в интересах правонарушителя. В лучшем случае такое посредничество

⁹² Там же, ф. 13454, оп. 6, д. 227, л. 5.

могло завершиться договоренностью об уплате виновным штрафа. Но величина его, как правило, не соответствовала платежеспособности преступивших закон. Тем, в результате, ничего не оставалось кроме как, бросив свое нехитрое имущество, удаляться под опеку России. Таким образом, внешнее покровительство было наиболее гарантированным средством самосохранения для тех членов адыгского общества, которые преступили народный обычай.

Сказанное не позволяет, однако, считать, что бегство в Россию во всех случаях было логически оправдано и целесообразно. Выходящие в пределы Российской империи адыги сталкивались с многочисленными проблемами, в том числе и трудностями материального порядка. Имущественное право, закрепленное у адыгов в адате, обязывало членов общества искать способов к разрешению спорных вопросов непосредственно внутри общества. Только в этом случае обеспечивалась неприкословенность имущества и сохранность его за тяжущимся. В случае же ухода в Россию беглые, как правило, вынуждены были оставлять свою собственность на родине, лишаясь при этом минимума средств, необходимых к существованию при возвращении на новом месте жительства. Не случайно, русское командование определило для беглых денежные дотации, которые выплачивались им до прибытия на место поселения. Сказанное позволяет утверждать, что бегство в Россию было для адыгов не самым благоприятным способом выхода из конфликтной ситуации, т. к. помимо прочего, лишило их накопленной собственности. Исключение в этом смысле составляют унауты-рабы, которые, как известно, не имели никакого имущества, и потому при выходе в Россию ничего не теряли. В целом беглый — явление экстремального порядка. Адыг становился беглым только тогда, когда этот способ разрешения социального конфликта оставался единственным.

Подводя итоги отметим, что произведенный вами анализ показаний беглых позволяет значительно расширить представление о причинах выхода адыгского населения в Россию, а также о самой природе и сущности бегства.

Приведенные в статье факты убедительно говорят о том, что бегство представляет из себя широкое явление социально-экономической и политической действительности Черкесии второй четверти XIX в. Оно охватывало различные слои адыгского населения, как зависимые (рабов-унаутов и крепостных-пшилей), так и лично свободные (вольных крестьян-тфокотлей и дворян-уроков). Широта социального состава беглых, многообразие причин их выхода в Россию убеждают в недостаточности

характеристики бегства как формы сопротивления эксплуатируемого класса феодалам.

Конечно, анализ показаний беглых обязывает считать, что известная часть адыгских выходцев в России, особенно из низших слоев общества, образовалась по причине жестокой феодальной эксплуатации. Вместе с тем, тяжелое экономическое положение не единственная причина выхода адыгских подвластных. Мы показали, что довольно часто они уходили в Россию не желая мириться с различными адатными проступками своих господ. На основе этого можно сделать заключение, что не только рост эксплуатации, но и усиливающаяся тенденция нарушения владельцами правовых норм в отношении своих подданных обязывала последних искать защиту под покровительством Российской империи. И в этом смысле бегство рассматривается нами как одна из форм сопротивления подданных адатным проступкам владельцев.

С другой стороны, мы показали, что в большом количестве случаев выходы совершались по вине самих беглых. Совершившие кражи, убийства и другие проступки также становились беглецами. В этом случае, бегство в Россию выглядит как способ самозащиты подданных Черкесии от законного наказания владельцами или обществом за совершенные ими правонарушения. Здесь беглый есть не жертва преступления или притеснения, а лицо, преступившее закон, поправшее общественное мнение. Учет этого положения позволяет существенно дополнить представление о происхождении беглого населения у адыгов.

Бегство — типичное для феодализма явление. Возникновение его у адыгов связано с народными традициями. Существовавший у них с патриархальных времен обычай внутреннего покровительства стал предпосылкой и одновременно катализатором утверждения бегства в Россию, как формы внешнего патроната. Это позволяет еще шире взглянуть на природу и сущность яркого, типичного для народов Кавказа, феодального института.

А. Ю. ЧИРГ

ОБ УЧАСТИИ ДЕКАБРИСТОВ В БОРЬБЕ ПРОТИВ КОНТРАБАНДЫ И РАБОТОРГОВЛИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

Как известно, после подавления восстания 14 декабря 1825 г. многие представители первого поколения русских революционеров были сосланы на Кавказ. Здесь шла война, а потому «...послать неблагонадежного под пули горцев нередко означало легко и быстро избавиться от него навсегда, без всякого смертного приговора»¹.

Изучение последекабрьского периода жизни и деятельности дворянских революционеров остается одной из актуальных задач советской исторической науки. Имеется ряд работ русских дореволюционных и советских авторов о пребывании декабристов на Кавказе², в том числе на Кубани³ и на Черноморском побережье⁴. Монографически изучена проблема отношения де-

¹ Нечкина М. Грибоедов и декабристы. — М., 1977. — Изд. 3-е — С. 222.

² Розен А. Е. Декабристы на Кавказе в 1826—1850 гг. // Русская старина. — 1884. — Т. XL, февраль. — С. 303—306; Вейденбаум Е. Декабристы на Кавказе. // Русская старина. — 1903. — Т. CXIV, июнь. — С. 481—502; Фадеев А. В. Декабристы на Дону и на Кавказе. — Ростов-н.-Д.; 1950; Его же. Декабристы в отдельном Кавказском корпусе. // Вопросы истории. — 1951. — № 1. — С. 100—107; Гиреев Д. и Недумов С. Декабристы на Кавказе. // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. — Орджоникидзе, 1957. — Т. XIX. — С. 147—165; Романовский В. А. Солдаты — декабристы на Кавказе. // Сборник трудов историко-филологического факультета Ставропольского педагогического института. — Ставрополь, 1958. — Вып. 13. — С. 15—37; Попов А. В. Декабристы-литераторы на Кавказе. — Ставрополь, 1963; Недосекин В. И. Декабристы на Кавказе. // Кубань. — 1975. — С. 87—88.

³ Агапова Т. И., Серова М. И. Декабристы на Кубани. — Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1975.

⁴ Дзидзария Г. А. Декабристы в Абхазии. — Сухуми, 1970.

декабристов к внешней политике России и современным им международным отношениям⁵.

Вместе с тем вопрос об участии декабристов в борьбе против англо-турецкой контрабанды и работоторговли на Северо-Западном Кавказе до сих пор не стал предметом специального исследования. В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть его на основе материалов отечественных архивов, мемуаров декабристов, опубликованных сборников документов и имеющейся литературы.

Территория между северо-восточным берегом Черного моря и рекой Кубанью, населенная адыгами, по русско-турецким договорам, до 1829 г. считалась владением Османской империи⁶. На Черноморском побережье Адыгеи находились османские крепости Анапа и Суджук-кале. Это позволяло Порте пользоваться политическим влиянием среди горцев Северо-Западного Кавказа⁷. Это же создавало благоприятные условия для турецкой торговли с адыгами.

Купцы из Османской империи вели оживленную торговлю с жителями северо-восточного побережья Черного моря. Главной статьей османского вывоза с Северо-Западного Кавказа являлись рабы. Купцы поставляли их в Константинополь (Стамбул), а также в Анатолию, Румелию и другие области империи султанов. Большой спрос был на детей 6—12 лет. С наибольшей охотой покупали у горцев турецкие торговцы людьми адыгейских девушки и женщин⁸. Рабыни попадали в гаремы знатных османов или самого султана. Рабов эксплуатировали в сельском хозяйстве в Османской империи, труд их применялся при добыче меди, железа и мрамора, а также для различных строительных работ. Положение их было весьма тяжелым.

Работоторговля приносила огромный вред развитию адыгов. Она обогащала местных феодалов, задерживала рост производительных сил. Торговля людьми поощряла междоусобные войны и феодальные набеги, организуемые с целью захвата людей для их последующей продажи на невольничий рынки. Для захвата людей феодалы устраивали нападения даже на соседние селения. Они совершали порою настоящие погромы. Адыгей-

⁵ Орлик О. В. Декабристы и внешняя политика России. — М., 1984.

⁶ Впрочем, сами адыги не признавали над собой османского господства и не повиновались султану.

⁷ Фалсер А. В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. — М., 1958. — С. 109.

⁸ Аверкиев Ив. С северо-восточного прибрежья Черного моря. IV // Кавказ. — 1866, 22 сентября (4 октября). — № 74; Каменев Н. Бассейн Пескупса. // Кубанские войсковые ведомости. — 1867, 22 июля. — № 28.

ские феодалы совершили набеги для захвата людей в рабство и на русскую территорию⁹, а также на Западную Грузию¹⁰.

Поставляя кавказский «живой товар» на рынки Османской империи, турецкие торговцы извлекали сказочные барыши. Эти купцы, привозя на Кавказ оружие и боеприпасы, также доставляли на своих судах агентов Порты, стремившихся разжечь пламя войны в Прикубанье и поднять адыгов на борьбу против России.

Стамбульских правителей мало волновала судьба кавказских горцев. Последние нужны были им как пушечное мясо, как одно из средств для проведения своей агрессивной политики на Кавказе.

Находившийся в Анапе с 1821 г. Гасан-паша пытался вводить турецкие порядки среди горцев¹¹. Анапский паша, как писал руководитель российского министерства иностранных дел К. В. Нессельроде, «...всячески старается сбить с толку склонных перейти на нашу сторону или же жестоко преследует наших приверженцев, прибегая в этих целях то к силе, то к хитрости»¹².

Агрессивные пополнования Порты угрожали независимости горцев Северо-Западного Кавказа, представляли они опасность для государственных интересов России.

Разрабатывая свою революционную внешнеполитическую программу, декабристы уделяли немало внимания вопросам обеспечения внешней безопасности на юге России. Они являлись решительными противниками агрессивной политики Османской империи. П. И. Пестель считал целесообразным присоединение России Черноморского побережья Кавказа от Анапы до Бату-та¹³. В «Русской правде» признавалось полезным вхождение в состав России земель «...горских кавказских народов, России не сдавленных, которые лежат к северу от границ с Персией и Урциею, а в том числе и западную приморскую часть Кавказа, урции ныне принадлежащую»¹⁴.

Сосланные на Кавказ декабристы приняли активное участие в войнах 1826—1829 гг. против Ирана и Турции, считая их осво-

⁹ Центральный государственный исторический архив СССР (далее: ЦГИА СССР), ф. 1307, оп. 1, д. 32, л. 14. Всеподданнейший рапорт Новороссийского тавильдзанского губернатора М. П. Миклашевского от 11 апреля 1802 г.

¹⁰ Чинадзе М. В. Из истории грузино-адыгейских взаимоотношений (а груз. яз.). — Рез.: русск. — Тбилиси, 1982. — С. 89.

¹¹ Очерки истории Адыгеи. — Майкоп, 1957. — Т. 1. — С. 305.

¹² Внешняя политика России XIX в., начала XX в.: Документы Российского Министерства иностранных дел. Серия II. — М., 1982. — Т. V (XIII). — 617.

¹³ Орлик О. В. Указ. раб. — С. 158.

¹⁴ Восстание декабристов. — М., 1958. — Т. 7. — С. 124.

бодительными для угнетенных этими реакционными империями народов¹⁵.

Восточный берег Черного моря, за присоединение которого ратовали декабристы, отошел к России после окончания русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Переход Кавказского побережья в состав Российской империи был юридически закреплен статьей четвертой Адрианопольского трактата. События эти вызвали воодушевление у представителей декабристской литературы. В июне 1828 гг. А. С. Грибоедов писал Ф. В. Булгарину: «Как добрый патриот радуюсь взятию Анапы, — и тут же отмечал, — ...нельзя довольно за это благодарить бога тому, кто дорожит безопасностью здешнего края»¹⁶. А. С. Пушкин подчеркивал: «Должно однако же надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться»¹⁷.

Хотя правители Османской империи вынуждены были в результате военного поражения санкционировать подписание договора, определявшего вхождение берега Черного моря от Анапы до пристани св. Николая в состав России, они не могли примириться с мыслью о потере своего влияния среди северокавказских горцев. Для восстановления своего владычества на лазурном берегу Кавказа, османы развернули в этом регионе активную антирусскую деятельность. Вопреки запрещению правительства России, османские купцы продолжали вести торговлю на Кавказском побережье. После Адрианопольского мира 1829 г. турецкая торговля на северо-восточном побережье Черного моря принимает контрабандный характер.

Декабристы резко отрицательно отнеслись к турецкой контрабанде и работоговле на Северо-Западном Кавказе. А. А. Бестужев-Марлинский писал, что «...гражданин содрогается, слыша, что... отцы продавали дочерей и братья сестер в Турцию...»¹⁸. Он также указывал на Анапу как на базар, «...на котором продавались слезы и пот, и кровь христианских невольников...»¹⁹. Деятель декабристского круга Н. Н. Раевский подчеркивал, что

¹⁵ Фадеев А. В. Декабристы в Отдельном Кавказском корпусе. — С. 103—106; Шадури В. Декабристская литература и грузинская общественность. — Тбилиси, 1958. — С. 146—175; Орлик О. В. Указ. раб. — С. 159—178.

¹⁶ Грибоедов А. С. Сочинения. — М., 1953. — С. 581.

¹⁷ Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. // Полное собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1948. — Т. 8. — Полутом I. — С. 449.

¹⁸ Бестужев-Марлинский А. А. Соч. в 2-х тт. — М., 1958. — Т. 1. — С. 300—301.

¹⁹ Там же. — С. 542.

«торговля с восточными берегами снабжала рабами всю Турецкую Империю, работниками Трапезунтские рудники, рекрутами Мамелукское войско и женами восточные гаремы»²⁰. Указывая на отрицательные последствия деятельности контрабандистов на Кавказском побережье, он отмечал: «Во всех гаремах горцы и контрабандисты имеют связи, а последние выдают себя даже мучениками за веру. Они доставляют горцам средства существовать независимо от нас, они поощряют сбыт русских пленных и угрожают нашим областям вторжением чумы»²¹.

Российское правительство применяло ряд мер по пресечению турецкой, а позже и английской контрабандой торговли, в том числе и работоторговли на Кавказском побережье. Одной из таких мер было крейсирование военных кораблей русского Черноморского флота вдоль восточного берега Черного моря. Контрабандные суда тонули в море при их прибытии к берегам Кавказа или при отплытии в Османскую империю. Часто происходили с ними настоящие бои. Турецкие коммерческие суда во многих случаях захватывались²².

Другой мерой борьбы с контрабандистами явилось занятие русскими войсками линии восточного берега Черного моря военными укреплениями. В 1830 г. по плану командира Отдельного Кавказского корпуса И. Ф. Паскевича были построены укрепления в приморских пунктах — Бамбore, Пицунде и Гаграх. В 1831 г. было основано укрепление Геленджик²³, постройка здесь крепости завершена в 1832 г. Царское командование в 1834 г. принимает решение о проложении сухопутного сообщения от Редут-кале до Анапы²⁴. В апреле того же года был утвержден план создания укрепленной дороги от Ольгинского предмостного укрепления на р. Кубани до Геленджика на берегу Черного моря²⁵.

Прокладку дороги к Геленджику производил отряд под командованием генерал-лейтенанта А. А. Вельяминова. К морю пробивались с трудом, через плавни и болота, ущелья и горы. В этом походе принял активное участие декабрист Александр Александрович Бестужев-Марлинский. В 1929 г. он был переве-

²⁰ Центральный государственный военно-исторический архив СССР (далее: ЦГВИА), ф. ВУА, д. 6360, л. 3 об.

²¹ Архив Раевских, — СПб., 1910. — Т. 3. — С. 53.

²² Центральный государственный архив Военно-Морского флота СССР (далее: ЦГАВМФ), ф. 243, оп. 1, д. 2615, лл. 206, 209 об.

²³ ЦГАВМФ, ф. 243, сп. 1, д. 2615, л. 236.

²⁴ Дзицдария Г. А. Ф. Торнау и его кавказские материалы. — М., 1976. — С. 20.

²⁵ Кавказский сборник. — Тифлис, 1912. — Т. 32. — 4.2. — С. 177.

ден из Якутска рядовым на Кавказ²⁶, участвовал в войне с Турцией, служил потом в рядах русских войск, расквартированных в различных местностях края. Летом 1834 г. А. А. Бестужев был откомандирован в распоряжение Вельяминова. Последний симпатизировал писателю-декабристу.

В августе 1834 г. войска под командованием Вельяминова приступили к возведению укрепления на р. Абин. В октябре этого года декабрист Бестужев участвовал в строительстве Абинского укрепления. Свое участие в походе он описал в художественной форме в повести «Он был убит»²⁷.

В октябре 1834 г. отряд Вельяминова двинулся от р. Абин к Геленджику. Один из современников следующим образом описывает обычный порядок движения Вельяминова в походе: «Во главе колонны генерал Вельяминов ехал на дрожках с зрительной трубой в руках, около него оседланная лошадь, барабанщик и горнист верхом; тут же штаб отряда, адъютанты, конвой из мирных горцев, подполковник Пшекуй-Маукоров (Пшекуй Могукоров. — А. Ч.) и в качестве переводчика надворный советник Карл Иванович Тауш»²⁸. Вместе с ними шагал и ссылочный декабрист А. Бестужев «чрез подоблачные хребты, под градом пуль и стрел, и камней, и картечей!»²⁹.

По прибытии в Геленджик, Бестужев остановился у полковника Чайковского, комендантами крепости³⁰. Этот офицер был известен своим активным участием в борьбе против контрабанды и работорговли на Черноморском побережье. В своем рапорте командующему Черноморской линией генералу Малиновскому Чайковский сообщал еще в июне 1833 г. об уничтожении русским десантом контрабандного судна в местечке мнимый Суджук³¹. Полковник Чайковский собирал сведения о работорговцах³², поставляя десантные войска на русские корабли и руководил борьбой против контрабандистов³³. Не случайно,

²⁶ Семёновский М. Александр Бестужев на Кавказе. 1829—1837; Ненайденные письма его к матери, сестрам и братьям. // Русский вестник. — М., 1870. — Т. 87. — № 6. июнь. — С. 485.

²⁷ Бестужев-Марлинский А. А. Указ. раб. — Т. 2. — С. 238—279.

²⁸ Федоров М. Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год. // Кавказский сборник. — Тифлис, 1879. — Т. 3, — С. 14—15.

²⁹ Марлинский А. К истории покорения Кавказа: Письмо из отряда, действующего за Кубанью. // Русский архив. — М., 1877. — Кн. 3. — Вып. 9. — С. 106.

³⁰ Веленгурин Н. Дорога к Лукоморью. — Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1976. — С. 107—108.

³¹ Государственный архив Краснодарского края (Далее: ГАКК), ф. 261, оп. 1, д. 342, л. 98—98 об.

³² Там же, л. 223.

³³ ЦГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 3170, л. 207—207 об., 284—284 об.

именно в 1834 гг. был пойман у берегов Кавказа знаменитый торговец невольниками черкесский князь Али-бей³⁴. Живя в доме Чайковского, А. А. Бестужев имел возможность узнать у него немало интересного о турецких контрабандистах и борьбе с ними. Да и сама укрепленная линия, в сооружении которой участвовал декабрист, должна была сыграть немалую роль в борьбе против контрабанды, обеспечивая упрочение позиций русских войск на побережье. Бестужев прекрасно представлял себе цели ее создания, когда писал в 1834 г. «...цель настоящего похода за Кубань была: избрание удобнейшей дороги к Геленджику³⁵ и постройка на ней крепостей, которые бы служили... точками опоры нашего военного и торгового сообщения между берегом Черного моря и Кавказского линию»³⁶.

В походе 1834 г. к Геленджику также участвовал декабрист Сергей Иванович Кривцов. В 1831 г. он был отправлен рядовым на Кавказ, служил в Гаграх и Бамбore — приморских укреплениях, игравших важную роль в пресечении турецкой контрабандной торговли на Западном Кавказе. В Бамбore Кривцов имел небольшой собственный дом³⁷.

А. А. Бестужев-Марлинский и С. И. Кривцов участвовали и в следующем походе отряда Вельяминова по устройству Геленджикской линии, состоявшемся в 1835 г. Между Абинском и Геленджиком во время этого похода было построено укрепление Николаевское³⁸.

В 1835 г. А. А. Бестужев был произведен в унтер-офицеры с переводом в 3-й Черноморский батальон в крепость Геленджик³⁹. Служба там была тяжела и опасна. Сам писатель-декабрист писал про Геленджик: «Он сидит у моря, у залива, имеет два батальона гарнизона. Круглый год нельзя за стену высунуть носа, ибо черкесы бьют даже часовых на валу. Почти нет, сообщения редки и то водою...»⁴⁰.

Тут следует отметить, что горцы оказывали упорное сопротивление царским войскам, занимавшим северо-восточный берег Черного моря. Завоевательная политика царизма, осуществлявшаяся военно-феодальными методами, поднимала их на антиколониальную борьбу. Осуждая политику царизма, А. А. Бестужев с симпатией относился к адыгам. Вместе с тем он

³⁴ Там же, л. 63.

³⁵ Геленджику.

³⁶ Марлинский А. К истории покорения Кавказа. — С. 106.

³⁷ Дэвидзария Г. А. Декабристы в Абхазии. — С. 25.

³⁸ ЦГВИА, ф. 38, оп. 7, д. 209, л. 39 об.

³⁹ Отечественные записки. — СПб., 1860. — Т. 131. — № 7, июль — С. 53.

⁴⁰ Там же. — С. 54.

ратовал за присоединение Кавказа к России, считал, что оно принесет прогресс горцам.

В походе 1835 г. в Закубанье участвовал также поэт-декабрист Павел Александрович Катенин. Он встречался в отряде Вельяминова с А. А. Бестужевым⁴¹.

Весной 1836 г. А. А. Бестужев-Марлинский находился в Геленджике. Там был расположен один из отрядов русских кораблей, крейсирющих вдоль восточного берега Черного моря в целях борьбы с англо-турецкой военной контрабандой. Декабрист-патриот радовался усилению русского флота на Черном море⁴².

А. А. Бестужев был прекрасно знаком с историей горцев Кавказа, с особенностями восточного побережья Черного моря. Он высоко оценил книгу С. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», вышедшую в 1823 г.⁴³. За время своих плаваний вдоль Кавказского побережья декабрист имел возможность собрать немало сведений о деятельности турецких контрабандистов. В апреле 1836 г. он совершил поездку из Геленджика в Сухуми на фрегате «Бургас» вместе с натуралистом А. Нордманом. Последнему Бестужев сообщил немало известий о Кавказе. Нордман отмечал: «Находившийся на нашем фрегате известный прозаист Марлинский, которым я многое должен за сообщенные мне известия о Кавказе, помогал мне снимать виды. Рисуя мысы Мамая и Адлера и будучи очарован великолепным видом лежащего перед ним ландшафта, он не знал и не предчувствовал, что рука его рисовала очерки того места, на котором, спустя год, ему суждено было пасть»⁴⁴.

В июле 1836 г. А. А. Бестужев-Марлинский сел в Керчи на корвет «Ифигению», на котором плыл новороссийский генерал-губернатор граф М. С. Воронцов для обозрения восточного берега Черного моря. Бестужев нравился Воронцову как тонкий знаток Кавказа и изумительный рассказчик⁴⁵. Корвет «Ифигения» шел близко от берега мимо долин рр. Пшады, Вулана, Ту, мыса Кодоса и других мест Кавказского побережья⁴⁶. В устьях рек, маленьких заливах, бухточках и других укромных местах берега видны были турецкие контрабандные суда. Как

⁴¹ Попов А. В. Указ. раб. — С. 120.

⁴² Веленгурин Н. Указ. раб. — С. 136.

⁴³ Бестужев-Марлинский А. А. Указ. раб. — Т. 2. — С. 541.

⁴⁴ Вейденбаум Е. Г. Кавказские этюды. — Тифlis, 1901. — С. 274.

⁴⁵ Голубов С. Бестужев-Марлинский. — М., 1960. — С. 349.

⁴⁶ Всеподданнейший рапорт Новороссийского генерал-губернатора графа Воронцова // Русский архив. — М., 1894. — Кн. II. — № 6. — С. 221. (Опубликован А. Л. Зиссерманом).

сообщает один из участников поездки, С. Сафонов, лодок этих было очень много и «почти в каждой долине»⁴⁷. Контрабандная торговля приносила большой вред интересам России. Недаром М. С. Воронцов в отчете о поездке вдоль восточного берега Черного моря особо обращал на это внимание⁴⁸.

А. А. Бестужев-Марлинский понимал отрицательные последствия турецкой контрабанды на Черноморском побережье Кавказа. Он был хорошо осведомлен о тактике контрабандных судов, тайком пробиравшихся к черкесским берегам. С. Сафонов сохранил нам рассказ декабриста об этом: «Знаете ли, сказывал наш знаменитый литератор, так хорошо знакомый с Кавказом, А. А. Марлинский, — знаете ли, как горцы вытаскивают на берег лодки? — Первое, что они почти всегда знают, в какое время ожидать турецких судов; лодки эти днем сами видят, можно ли пристать к берегу. Ночью же черкесы зажигают костры и дают этим сигнал, что в виду есть русские военные крейсеры и что им опасно приставать. Улучив удобное время, турецкие контрабандисты бросаются с лодками на берег, и в то же мгновение собирается несколько сот человек черкесов. На берегу вкопан большой деревянный шпиль, веревки заброшены, один — третий **десятак** человек в воде, и через несколько минут лодка с парусами и грузом на берегу — в реке, еще несколько минут и лодка закрыта листьями и деревьями. Часто случалось, что наш крейсер гонится за судном и не успеет стать на известной глубине и отдать якорь, как лодка уже вытащена на берег»⁴⁹. По мнению одного из офицеров русского флота были также и лодки, которых могли вытащить на берег восемь или шесть человек⁵⁰.

Русские войска под командованием А. А. Вельяминова вели в 1836 г. на побережье укр. Александрийское, названное потом Кабардинским. В этом походе участвовал декабрист С. И. Кривцов. В сентябре того же года в отряд А. А. Вельяминова прибыл А. А. Бестужев-Марлинский⁵¹.

К 1837 г. царское правительство контролировало Черноморское побережье Кавказа от Геленджика к северу и от Гагр к югу. Между тем участок берега между Геленджиком и Гаграми особенно интенсивно посещался турецкими контрабандиста-

⁴⁷ Сафонов С. Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете «Ифигения» в 1836 году. — Одесса, 1837. — С. 21.

⁴⁸ Всеподданнейший рапорт Новороссийского генерал-губернатора, графа Воронцова. — С. 222.

⁴⁹ Сафонов С. Указ. раб. — С. 22.

⁵⁰ ЦГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 3171, л. 38.

⁵¹ Русский вестник. — М., 1870, — Т. 88. — № 7, июль. — С. 70.

ми и торговцами невольниками. Русское командование решило занять это береговое пространство целой линией укреплений, которые наметили строить «...в тех прибрежных пунктах, которые служили удобным пристанищем для иностранных судов и местом их торговли с горцами»⁵². Пункты для строительства укреплений обычно выбирались в устьях рек. 7 июня 1837 г. царские войска под командованием командира Отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розена высадкой с моря заняли на Кавказском побережье мыс Адлер⁵³, известное гнездо запрещенной торговли с Турцией. Десантным отрядом командовал декабрист Владимир Дмитриевич Вольховский, являвшийся начальником штаба корпуса⁵⁴. При нем был адъютантом А. А. Бестужев⁵⁵, погибший в бою с горцами после высадки на берег⁵⁶. Декабрист А. А. Бестужев-Марлинский видел объективно-прогрессивные последствия борьбы России против контрабандной торговли на Северо-Западном Кавказе и активно в ней участвовал. Он внес свою лепту в строительство ряда крепостей на берегу Черного моря, описал тактику контрабандных судов. Бестужев понимал вред работоторговли и отрицательно к ней относился. Гибель его потрясла прогрессивных людей в России⁵⁷.

В 1837 г. отряд войск ген. А. А. Вельяминова возвел на черкесском побережье Черного моря еще два укрепления: Новотроицкое при устье р. Пшады и Михайловское при устье р. Вудан. В этих действиях участвовал декабрист С. И. Кривцов. Летняя экспедиция 1837 г. была его последним походом к Кавказскому побережью⁵⁸.

А. А. Вельяминов предложил учредить для более успешного руководства линией укреплений по Черноморскому побережью должность ее начальника⁵⁹. 21 сентября 1837 г. последовало правительственные распоряжение о назначении генерал-майора Н. Н. Раевского начальником 1-го отделения Черноморской

⁵² Васильев Е. Черноморская береговая линия 1834—1855 гг. // Военный сборник. — СПб., 1874. — Т. LXVIII. — № 9, сентябрь. — С. 7.

⁵³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6331, л. 41.

⁵⁴ Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке, ч. 2. // Кавказский этнографический сб. М., 1958. — Вып. 2. — С. 180—181.

⁵⁵ Там же. — С. 181.

⁵⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6331, л. 51; Розен А. Е. Записки декабриста. — СПб., 1907. — С. 245.

⁵⁷ Воспоминания братьев Бестужевых. — Пг., 1917. — С. 280.

⁵⁸ Дидастрия Г. А. Декабристы в Абхазии. — С. 30.

⁵⁹ Архив Раевских. — СПб., 1909. — Т. II. — С. 353—354. Копия с рапорта А. А. Вельяминова генералу Г. В. Розену от 26 июня 1837 г.

прибрежной линии, с подчинением ему как уже существовавших укреплений, так и тех, которые впоследствии будут построены, со всеми находящимися на северо-восточном берегу Черного моря войсками⁶⁰.

Н. Н. Раевский сыграл большую роль в борьбе против контрабанды и работоторговли на Северо-Западном Кавказе. Николай Николаевич — деятель декабристского круга⁶¹. Его отец Н. Н. Раевский — старший известен своими подвигами в войне против французских агрессоров в 1812 г. Сам Н. Н. Раевский — младший вместе с отцом и братом Александром активно участвовал в Отечественной войне⁶². В 1825 г. он был арестован с братом по делу декабристов⁶³.

Хотя братья Раевские были признаны невиновными и освобождены, их «...взяли на замечание и считали либералами и опасными людьми»⁶⁴. В 1826 г. царь Николай I удалил на Кавказ Н. Н. Раевского-младшего, считая его политически неблагонадежным⁶⁵. Он был назначен командиром Нижегородского драгунского полка⁶⁶.

Николай Николаевич принял активное участие в войнах с Ираном и Турцией конца 20-х гг. XIX в. Во время похода на Эрзурум с ним был А. С. Пушкин. Великого поэта и Н. Н. Раевского связывала большая дружба⁶⁷.

Занимая командные должности, Н. Н. Раевский стремился помочь декабристам, служившим под его командованием, облегчить их положение. Он «...наполнил свой штаб большою частью из декабристов и ссыльных офицеров. Прочих, не бывших в его штабе — он же сково принимал в своем доме»⁶⁸. В 1829 г. во время поездки в Тифлис Н. Н. Раевский остановился в Гумринском карантине, где пригласил на обед бывших в его конвое разжалованных, к которым относился с сочувствием. Последовал донос царю; за дружеские связи с декабристами

⁶⁰ ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 13, л. 4.

⁶¹ Шадури В. Указ. раб. — С. 142.

⁶² Архив Раевских. — СПб., 1908. — Т. 1. — С. 159—165.

⁶³ Там же. — С. 264—265.

⁶⁴ Лорер Н. И. Записки. — М., 1931. — С. 202.

⁶⁵ Фадеев А. В. Декабристы на Дону и на Кавказе. — С. 26; Шадури В. Указ. раб. — С. 142.

⁶⁶ Потто В. История 44-го драгунского Нижегородского полка. — СПб., 1894. — Т. 3. — С. 31.

⁶⁷ Эйдельман Н. Пушкин и декабристы. Из истории взаимоотношений. — М., 1979. — С. 317—326; Лобкова Н. М. Тесный круг друзей моих: Пушкин и декабристы. — М., 1980. — С. 83—98.

⁶⁸ Воспоминания братьев Бестужевых. — С. 87.

Н. Н. Раевский подвергся преследованиям и опале⁶⁹. Он был посажен под домашний арест при часовом на 8 дней, получил строгий выговор и был переведен в Россию в 5-ю уланскую дивизию⁷⁰. Опала длилась до сентября 1837 г., когда Н. Н. Раевский вновь стал служить на Кавказе. «Человек рыцарской честности и неотразимой обаятельности, Раевский привлекал к себе декабристскую молодежь своими передовыми взглядами, общительным и веселым характером, простотой и гуманностью»⁷¹.

Система русских укреплений на Кавказском побережье, впоследствии названная Черноморской береговой линией, должна была сыграть по планам командования, немалую роль в осуществлении захватнической политики царизма на Северо-Западном Кавказе. При этом нельзя забывать, что активизация наступательных действий России на Черноморское побережье явилась защитно-оборонительной реакцией на агрессивную политику Великобритании на Кавказе. Господа из туманного Лондона мечтали о превращении этого региона в свою колонию и развили здесь кипучую деятельность.

С 1834 г. начались подрывные акции британских эмиссаров среди горцев. В этом году адыгейское побережье посетил Давид Уркарт⁷², ставший позже секретарем английского посольства в Константинополе. Будоражили горцев британские офицеры Стоарт, Морринг, Иддо, Найт и др. Среди адыгов поселился в 1837 г. английский авантюрист и разведчик Джемс Станислав Белл. Британские агенты снабжали горцев оружием и боеприпасами, подстрекали их к нападениям на русские укрепления. Выступая за пересмотр Адрианопольского трактата и утверждение английского колониального господства на Кавказе, британское правительство стремилось отбросить Россию с кавказских территорий.

Пресекая британский и турецкий контрабандный ввоз на Кавказское побережье, Черноморская береговая линия сыграла большую роль в борьбе с английской агрессией и имела важное оборонительное значение. Она также способствовала пресечению работорговли и развитию экономических связей с горцами.

⁶⁹ Лорер Н. И. Записки. — С. 203; Андреев В. Воспоминания из кавказской старины. // Кавказский сборник. — Тифlis, 1876. — Т. 1. — С. 90—91; Воспоминания Александра Семеновича Гайдеблова. // Русский архив. — М., 1886. — Кн. II. — № 6. — С. 253; Потто В. Указ. раб. — Т. 3. — С. 146—147, 168; Шадури В. Указ. раб. — С. 197—203.

⁷⁰ Вейденбаум Е. Декабристы на Кавказе. — С. 490.

⁷¹ Шадури В. Указ. раб. — С. 203.

⁷² Очерки истории Адыгеи. — Т. 1. — С. 313.

На Черноморское побережье Кавказа, где происходили ожесточенные военные действия и свирепствовали болезни, посыпались николаевскими палачами сосланные декабристы.

В 1837 г. были «переведены» из Сибири на Кавказ декабристы Александр Иванович Одоевский, Андрей Евгеньевич Розен, Николай Иванович Лорер, Михаил Михайлович Нарышкин, Владимир Николаевич Лихарев⁷³ и другие, принявшие активное участие в создании Черноморской береговой линии — этого важнейшего форпоста России в борьбе с контрабандой и работорговлей.

Весной 1838 г. в Тамани собрался для проведения экспедиции к северо-восточному берегу Черного моря отряд русских войск под командованием Н. Н. Раевского. В составе отряда находились декабристы Н. И. Лорер, В. Н. Лихарев, А. И. Черкасов, М. М. Нарышкин, А. И. Одоевский⁷⁴. 7 мая войска закончили погрузку на суда Черноморского флота и поплыли следующим утром к устью р. Туапсе, где намечено было возведение укрепления. Черноморский флот, руководимый адмиралом М. П. Лазаревым, сыграл значительную роль в боевых действиях у Кавказского побережья в период создания береговой линии укреплений. Войска занимали места для постройки фортов и крепостей, высаживая десанты, составленные из сухопутных отрядов и перевозимые на судах флота⁷⁵.

Русский десант высадился в устье р. Туапсе 12 мая 1838 г. Здесь было заложено укрепление Вельяминовское. В высадке вместе с декабристами участвовал знаменитый художник-маринист И. К. Айвазовский⁷⁶. Он написал картину: «Десант генерал-майора Н. Н. Раевского в Туапсе 12 мая 1838 г.», где ярко изобразил действия русских войск. Операцией по высадке руководил М. П. Лазарев, с которым у Н. Н. Раевского сложилось полное взаимопонимание.

Следующая экспедиция была сделана Н. Н. Раевским в июле того же года к устью р. Шапсуга, где возвели укрепление Тенгинское⁷⁷. В высадке участвовали Н. И. Лорер, А. И. Вегелин, М. А. Назимов, В. Н. Лихарев и другие декабристы. Обычный порядок высадки десантов на Кавказском побережье красочно

⁷³ Русская старина. — Т. XLI, февраль. — С. 304; Вейденбаум Е. Декабристы на Кавказе. — С. 493.

⁷⁴ Федоров М. Ф. Походные записки на Кавказе. — С. 113—114; Архив Раевских. — Т. II. — С. 429—430.

⁷⁵ Филиппсон Г. И. Воспоминания. — М., 1885. — С. 144; Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1881. — Т. 8. — С. 366 (в дальнейшем: АКАК).

⁷⁶ Островский Б. Лазарев // Серия ЖЭЛ. — М., 1966. — С. 153—154.

⁷⁷ Архив Раевских. — Т. II. — С. 502—504.

описал в своих мемуарах Н. И. Лорер. По его словам, за действиями войск наблюдали Лазарев и Раевский. С кораблей открывался огонь, спускались гребные суда и плыл десант к берегу: «С адмиральского корабля грянул первый выстрел, и ядро с визгом ударилось в берег. Со всех кораблей мигом спустили перевозочные лодки, и войска стали садиться в них. Я... с ружьем в руках прыгнул в лодку с 15 или 20 солдатами своего взвода. Лодки понеслись к берегу, как на какой-нибудь гонке, а оставшиеся за нами корабли стреляли целыми бортами через наши головы. Впереди, на берегу, леса валились от этой ужасной канонады, и скоро дым застлал всю окрестность. Раевский, с трубкою в зубах, в рубахе и с шашкою через плечо, стоял на носу лодки с Л. С. Пушкиным и плыл недалеко от нас. Он первый выскоцил на берег, и по всей линии загремел огонь наших стрелков»⁷⁸. Декабрист далее рассказывает о строительстве русского форта, в котором сам участвовал⁷⁹.

При взятии Крутой горы на правом берегу р. Шапсуга действовали храбро и отличились декабристы А. И. Вегелин, М. А. Назимов и В. Н. Лихарев⁸⁰. Двое последних, а также А. И. Черкасов и Н. И. Лорер были представлены к производству в офицеры, но петербургское начальство затянуло это дело⁸¹.

Декабристы участвовали также в осенней экспедиции 1838 г. к суджукской бухте, где основан был Новороссийск.

Гнездом контрабандистов и работоргоацев на северо-восточном побережье Черного моря оставалось устье р. Субаши, куда проникали суда турецких купцов, ведших потаенную торговлю с горцами⁸². Н. Н. Раевскому предстояло весной 1839 г. нанести удар по этому логову спекулянтов «живым товаром».

В апреле отряд Раевского собрался в Тамани, ожидая подхода кораблей Черноморского флота. Здесь встретились декабристы Н. И. Лорер, М. М. Нарышкин, А. И. Одоевский, М. А. Назимов, В. Н. Лихарев, К. Г. Игельстром. Лорер тепло вспоминал про эту встречу: «Наконец и для меня настал радостный денек. В одно утро, сидя в моей крошечной землянке, я услыхал знакомые голоса моих любезных товарищней и через несколько секунд обнимал уже Нарышкина, Одоевского, Назимова, Лихарева и Игельстрома. Все они посланы были на правый фланг (Кавказской линии—А. Ч.) для экспедиции и толь-

⁷⁸ Лорер Н. И. Указ. раб. — С. 209.

⁷⁹ Там же. — С. 210.

⁸⁰ Гиреев Д., Недумов С. Указ. раб. — С. 154.

⁸¹ Там же.

⁸² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6247, л. 8 об. Записка о предполагаемых укреплениях на берегах Абхазии.

ко что пришли с отрядом»⁸³. Декабристы обменивались новостями: «Разговорам, расспросам не было конца, мы шутили, смеялись, радовались, как дети. Бог привел товарищей Читы и Петровского завода разделить со мною труды Кавказской войны»⁸⁴. Друзья отпраздновали встречу свою, радовался с ними Л. С. Пушкин, брат поэта, читавший декабристам его поэму «Цыганы»⁸⁵.

Лев Сергеевич Пушкин был «непосредственно замешан» в восстании 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади в¹ Петербурге⁸⁶. Во время описываемых событий (с 1838 г.) он был адъютантом при Н. Н. Раевском, собственноручно писал многие его донесения и письма⁸⁷. Лев Сергеевич принял непосредственное участие в борьбе против контрабанды и работоговли на Северо-Западном Кавказе. Он был в 1839 г. в рядах войск Раевского, совершивших экспедиции на Черноморском побережье для возведения укреплений⁸⁸.

Одна из этих экспедиций с участием декабристов была совершена под начальством Н. Н. Раевского 3 мая 1839 г. к устьям рек Субаши и Шахе⁸⁹, где возвели Головинское укрепление. Здесь были также секундант А. С. Пушкина на последней его дуэли К. К. Данзас и художник И. К. Айвазовский⁹⁰.

Далее была высадка у р. Псезуапе, где построили форт Лазарев. Во время военных экспедиций Раевский проявлял заботу о декабристиах, находившихся в его отряде. Он стремился помочь получить им офицерское звание, открывавшее возможность возвращения на родину. Так, по его донесению был произведен в офицеры К. Г. Игельстром⁹¹. Благодаря покровительству Раевского, декабристы в военном лагере устраивали дружеские сходки⁹².

Когда заболел в лагере у р. Псезуапе поэт-декабрист А. И. Одоевский, «Раевский с первого дня его болезни предложил товарищам больного перенести его в одну из комнат в новоуст-

⁸³ Лорер Н. И. Указ. раб. — С. 226.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Попов А. В. Указ. соч. — С. 151—152.

⁸⁶ Нечкин М. Грибодов и декабристы. — С. 705.

⁸⁷ Архив Раевских. — Т. 2. — С. 460.

⁸⁸ Указ об отставке Л. С. Пушкина; Недосекин В. И. Декабрист и воин // Источниковедческие исследования по истории Кубани. — Краснодар, 1975. — С. 172—180.

⁸⁹ О высадке у р. Субаши см.: ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 39, лл. 1—1 об., 2—2 об., 3 и сл.

⁹⁰ Архив Раевских. — Т. 3. — С. 122—123.

⁹¹ Архив Раевских. — Т. 2. — С. 608.

⁹² Шадурин В. Указ. соч. — С. 240.

роенном форте...»⁹³. Конечно, в условиях полицейского режима, насиждавшегося командиром Отдельного Кавказского корпуса Е. А. Головиным, Раевский вынужден был быть более осторожным в отношениях с декабристами, но во многом придерживался прежних своих взглядов⁹⁴.

Болезнь поэта-декабриста А. И. Одоевского встревожила солдат и офицеров всего отряда. Врачи не смогли спасти его и Одоевский скончался. Светлой памяти его посвятил М. Ю. Лермонтов стихотворение⁹⁵:

Возвведение укреплений на северо-восточном берегу завершилось в 1839 г. В том же году русские укрепленные пункты на Кавказском побережье были объединены в Черноморскую береговую линию и образовано ее особое управление. Начальником линии стал Н. Н. Раевский, которому подчинили «...все укрепления на восточном берегу Черного моря, от устья Кубани до Мингрелии, а также Абхазию и Цебельду с войсками там расположеными...»⁹⁶.

Как мы видели, декабристы активно участвовали в военных действиях русских войск, направленных на закрепление России на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа, против английской и турецкой контрабанды и работоторговли. Представители первого поколения русских революционеров считали, что присоединение к России Кавказа откроет пути к прогрессу его обитателям. Борьба с английской и турецкой экспансиеи на Кавказе представлялась декабристам важным делом, служащим защите государственных интересов России. Они понимали, что турецкие феодалы несут горцам угнетение и рабство.

Участвуя в борьбе русского правительства против англо-турецкой экспансии, декабристы вместе с тем не разделяли политических целей царского самодержавия. Дворянские революционеры боролись не за утверждение царского колониального режима на Кавказе. Они были убеждены в том, что пресечение англо-турецких пополнновений объективно служит интересам русского и кавказских народов.

Декабристы решительно осуждали колониальную политику царизма на Кавказе. Любаясь прекрасной природой северо-восточного побережья Черного моря, Н. И. Лорер воскликнул:

⁹³ Лорер Н. И. Указ. раб. — С. 233.

⁹⁴ Дэйдзария Г. А. Декабристы в Абхазии. — С. 89—90.

⁹⁵ Лермонтов и Одоевский познакомились в 1837 г. См.: Кубасов И. А. А. И. Одоевский // Одоевский А. И. Полн. собр. стихотворений и писем. — М.—Л., 1934. — С. 97.

⁹⁶ ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 37, л. 3.

«Когда-то эти божьи места, путем просвещения, цивилизации, делаются достоянием образованного человечества? Огонь и меч не принесут пользы, да и кто дал нам право таким образом вносить образование к людям, которые довольствуются своею свободою и собственностью?»⁹⁷. А декабрист А. А. Бестужев-Марлинский, указывая в одном из писем, что горцы «потчива-ли» русские войска «шашками и свинцом», писал: «Правду сказать, и мы к ним не с добром пожаловали: мы жгли их села, истребляли их хлеба, сено и пометали золу за собой»⁹⁸.

Декабристы с сочувствием и уважением относились к горцам. Их деятельность способствовала проникновению в горскую среду передовой русской идеологии.

Известно, что во взглядах декабристов на национальный вопрос проявились черты дворянской классовой ограниченности⁹⁹. Вместе с тем они выступали за развитие экономических и культурных связей русского и кавказских народов, желали последним процветания и благосостояния. Декабрист А. Е. Розен писал: «Прощай, Кавказ! Красуйся не одною природою, но и благосостоянием твоих обитателей!»¹⁰⁰.

Большое значение развитию торговых и мирных отношений с горцами придавал начальник Черноморской береговой линии Н. Н. Раевский. По его мнению, одними военными средствами невозможно было добиться присоединения Северо-Западного Кавказа к России и прекращения турецкой контрабандной торговли. Отсутствие или запрещение русской торговли с горцами лишь увеличивало размеры турецкой торговли на северо-восточном берегу Черного моря и способствовало возрастанию влияния Османской империи на Северо-Западном Кавказе¹⁰¹.

Раевский настойчиво проводил мысль о том, что для прекращения контрабандной торговли необходимо развивать экономические связи с горцами. В одном из документов он отмечал, что «...если мы (российские власти — А. Ч.) будем снабжать горцев нужными для них произведениями, то контрабандисты не выдержат торгового соперничества. Подверженные конфискации, они вынуждены повышать цены по мере опасности»¹⁰². Раевский считал, что укрепления Черноморской береговой ли-

⁹⁷ Лорер И. И. Указ. раб. — С. 214.

⁹⁸ Отечественные записки. — 1860. — Т. СXXXI. — № 7, июль. — С. 51.

⁹⁹ Фадеев А. В. Декабристы на Дону и на Кавказе. — С. 44; Нечкина М. Декабристы. — М., 1982. — С. 87.

¹⁰⁰ Розен А. Е. Записки декабриста. — СПб., 1907. — С. 262.

¹⁰¹ ЦГИА СССР, ф. 1297, оп. 164, д. 91, л. 96.

¹⁰² Архив Раевских. — Т. III. — С. 66.

ии должны быть не только военными, но и торговыми пунктами¹⁰³.

В 1840 г. он обратился к Новороссийскому генерал-губернатору М. С. Воронцову с предложением побудить предпринимателей к торговле на Черноморском побережье. Раевский пытался привлечь на это побережье переселенцев из России, чтобы основать здесь прибрежное русское население. Торговля с горцами получила на Черноморской береговой линии в 40-х гг. XIX в. значительное развитие.

Подведем некоторые итоги. Сильные декабристы приняли участие в 30-х гг. XIX в. в борьбе против английской и турецкой контрабандной торговли и работоторговли на Северо-Западном Кавказе. Идеи борьбы против иностранной агрессии и защиты государственных интересов России органически вытекали из их революционной внешнеполитической программы. Декабристы выступали за присоединение Северо-Западного Кавказа к России, верили, что это принесет его жителям прогресс.

Дворянские революционеры резко критиковали военно-федальные методы царской политики, стремились к установлению дружественных связей между русским народом и кавказскими горцами. Деятельность их оказала благотворное влияние на развитие адыгейской культуры. Пребывание декабристов на Северо-Западном Кавказе оставило в истории населяющих его народов глубокий и неизгладимый след.

¹⁰³ Шавров Н. Проекты колонизации восточного берега Черного моря // Северный вестник. — 1886. — июль, № 7. — Отд. 2. — С. 22.

А. Х. БИЖЕВ

БОРЬБА РОССИИ С ИНОСТРАННЫМИ ПРОИСКАМИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ 30-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

Великая Октябрьская социалистическая революция покончила с господством капиталистов и помещиков, упразднила социальное, политическое и национальное угнетение, открыла благоприятные перспективы для укрепления дружбы народов нашей страны. В Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза отмечалось, что партия проделала гигантскую преобразующую работу в области национальных отношений. «Ее результаты — выдающиеся завоевания социализма, обогатившие мировую цивилизацию. Раз и навсегда уничтожены национальный гнет и национальное неравноправие во всех формах и проявлениях. Утвердились, вошли в сознание десятков миллионов людей нерушимая дружба народов, уважение к национальной культуре и национальному достоинству всех народов»¹.

Процесс кристаллизации исторической общности судеб адыгов с судьбами русского народа, отмеченный такими важнейшими вехами как вхождение адыгов в состав формирующегося Российского многонационального государства, был сложным и противоречивым. Поэтому всестороннее исследование прогрессивной роли России в исторических судьбах народов, в частности адыгских народов Северо-Западного Кавказа, далеко еще не полностью изученной, представляется актуальным и значи-

¹ Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. — М. — 1986. — С. 67.

мым. И в данной статье предпринимается попытка освещения борьбы России с иностранными происками на Северо-Западном Кавказе в начале 30-х годов XIX века.

Освещая вопросы борьбы держав, резко активизировавшейся после подписания в 1833 г. Ункяр-Искелесийского договора между Россией и Турцией, мы рассчитываем восполнить определенные пробелы, имеющиеся как в дореволюционной, так и в советской историографии.

Вмешательство Англии в дела адыгов началось непосредственно после Адрианопольского договора². Подписание же Ункяр-Искелесийского договора между Россией и Турцией привело к тому, что происки англичан на Кавказе стали систематическими, постоянными. Изменился и сам характер происков. Если первоначально английские агенты ограничивались дачей советов не принимать присяги покорности России и продажей адыгам пороха, свинца и др. товаров, то уже в 1834 г. английские эмиссары Уркарт и Лайонс попытались провести политические акции с целью недопущения мирных переговоров горцев с русскими. Они стали провоцировать адыгов на военные действия против русских кордонных линий.

Усилиению проiskов способствовала и военно-колониальная политика правительства Николая I и его командования на Северном Кавказе.

Политика колониального разбоя, факты жестокостей, творимого командованием царской армии, во многом способствовала созданию в адыгском обществе благоприятной почвы для перехода английской агентуры к систематическим проискам и к началу кампании по провозглашению «независимой Черкесии»³. Успех английских эмиссаров среди адыгов был в определенной зависимости от жестокого обращения царского командования с горцами.

Не случайно Уркарт и Лайонс в первое же посещение черкесского побережья стали работать над тем, чтобы адыги приняли «национальный обет». Под «национальным обетом» понималось клятвенное обещание о вечной вражде и войне против русских, а также против тех «изменников», т. е. адыгских народов или отдельных горцев, которые в мире с русскими властями, либо вступали с русскими в торговые сношения⁴.

² Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. — Тифlis, 1914. — С. 38—39.

³ Widerszał L. Sprawy kaukaskie w politice europejskiej w latach 1831—1864. Warszawa, 1934, p. 41.

⁴ Bell I. S. Journal of a residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839. London, 1840, p. 166.

Реакционная политическая акция английских эмиссаров, направленная на противопоставление горского населения русскому народу, встретила сопротивление адыгских крестьян. По словам англичанина Белля, начавшаяся в 1834 г. церемония принятия «обета» в ауле Хабль, происходила «не без кровопролития»⁵.

В 1834 г. адыгские старшины и князья посыпают в Константинополь «горскую делегацию» для выяснения действительного отношения Турции и Англии к адыгам. Нам не известно, как эту делегацию встретили чиновники Порты, но в английском посольстве делегация была принята «самым любезным образом»⁶.

Делегатов в английском посольстве встретил Уркарт. Он заявил им, что «английское правительство, принимая самое живейшее участие в делах черкесского народа, конечно, не оставит их без надлежащих средств для продолжения борьбы с Россией»⁷.

Визит Уркарта на Восточный берег Черного моря, кампания по распространению «национального обета», «радушный» прием «адыгской депутации» в английском посольстве и обещание помочи обострили политическую обстановку в среде адыгских народов. Разгорелся спор по вопросу об отношении адыгов к России. Острее всего эта проблема стояла у шапеугов, абадзехов и натухайцев.

Экспедиция царских войск 1834 г. против них и пропаганда английской агентуры привели к тому, что в феврале 1835 года шапсугские и натухайские старшины созывают съезд делегатов на реке Адагум. Основной проблемой обсуждения был вопрос об отношении к России. На съезде присутствовал английский капитан Лайонс, который передал шапсугским и натухайским старшинам письмо от Сефер-Бея, в котором адыги призывались к восстанию против России, к тому, чтобы не покоряться России. Лайонс же стал заверять собравшихся, что весной или летом адыги получат помощь со стороны турецкого султана и английского правительства⁸.

Присутствие Лайонса на съезде и его выступление оказalo-

⁵ Ibid, Vol. II. — P. 334—335.

⁶ Акты Кавказской археографической комиссии (далее АКАК). — Т. 8. — С. 895.

⁷ Фелицын Е. Д. Князь Сефер-Бей Зан (Политический деятель и поборник независимости черкесского народа). — Кубанский сборник. — Екатеринодар, 1904. — Т. 10. — С. 19.

⁸ Касумов А. Х. Из истории англо-турецких прописков на Северном Кавказе в 30—40-х годах XIX века // Учен. зап. КБГУ. — Нальчик, 1958. — Вып. 4. — С. 112.

определенное влияние на решение оппозиционно настроенной к России феодальной верхушки. Съезд постановил не сдаваться России, не иметь с Россией никаких сношений и призвать абадзехов, не принимающих участия в работе съезда, «к совместной борьбе против общего врага»⁹.

Английское посольство на протяжении всего 1835 г. организовывает целую серию политических акций. 17 мая 1835 г. на Геленджикском рейде русским бригом «Кастор» была задержана английская шхуна «Лорд Чарльз Спенсер», находившаяся здесь с разведывательной целью. В июле 1835 г. английский вице-консул в Трапезунде Джемс Брант по научению короля должен был посетить адыгское побережье и представить об этом доклад в Лондон. Разведкой северо-восточного берега Черного моря был занят Дринкватель — капитан парохода «Плутон»¹⁰.

Все эти мероприятия были направлены на изучение подлинного состояния дел на Северо-Западном Кавказе, с одной стороны, а с другой — какими силами располагает Россия, блокируя побережье Черного моря.

Карл Маркс обратил внимание на то, что Англия в 1835 году уже знала, что «Черкесия находилась в руках черкесских племен. В бухте Суджук-Кале не было никакого флота. Блокады фактически не было, так как не имелось морских сил для ее осуществления..., что побережье ни в какой мере не оккупировано русскими...»¹¹.

В июне 1836 г. Белль прибывает на адыгское Черноморское побережье. Вместе с ним на берег высадились сотрудники лондонской газеты «Morning Chronicle» А. Лонгворт и Наго-Измаил — личный посланец Сафера Бея. Последние, «выйдя в сношение с английскими агентами» «вслед за Беллем выслали в Батум 80 бочонков пороха для постепенного их доставления горцам на мелких судах»¹².

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что приезд англичан на Северо-Западный Кавказ совпадает во времени с обсуждениями адыгами вопроса о прекращении войны с Россией.

В июне 1836 г. в урочище Варданэ проходило собрание на тухайских и шапсугских старшин, где они обсудили свой вза-

⁹ Wideszrai L. Указ. раб., р. 71.

¹⁰ Бушуев С. К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20—70 годы XIX века). — М., 1955. — С. 30.

¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Лорд Пальмерстон (статья восьмая). — Соч. т. 9. — С. 418.

¹² ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 20, л. 3.

имоотношения с Россией. И как доносил русский лазутчик — «два англичанина внезапно явились среди сбирающихся старшин от английского короля знамя и мнимую грамоту с объявлением покровительства Англии и Паши Египетского»¹³.

Еще до приезда Белля и Лонгворта старшины склонились к тому, чтобы прекратить военные действия и вступить под покровительство России. Было решено направить послов к командованию царских войск на Кавказе для переговоров по этому вопросу.

«Белль остановил горских послов», — писал лазутчик, — он «заклинал собрание отказаться от всяких переговоров с русским»¹⁴. Врученная старшинам «мнимая грамота» английского короля, по которой якобы объявлялось «покровительство Англии и Паши Египетского», вероятно, была четвертым номером английского журнала *Portfolio*. В нем была опубликована «Декларация о независимости Черкесии», где говорилось, что горцы просят помощи Англии, Турции и других европейских держав против русской агрессии¹⁵.

К этой политической авантюре имел непосредственное отношение лорд Пальмерстон — министр иностранных дел Англии. На это указывал в свое время К. Маркс. Он писал, что «декларация» и приложенная к ней карта, где Черкесия была обозначена как независимая страна, были просмотрены «самим лордом Пальмерстоном»¹⁶.

И вот, Белль и Лонгворт — проводники английской политики, сделали все возможное, чтобы сорвать мирные переговоры адыгов с **командованием царской армии**.

Их деятельность привели к тому, что умы взволновались и, вместо покорности, горцы разошлись, положа единогласно уметь за свою независимость¹⁷.

Вслед за Беллем и Лонгвортом к адыгам приехал английский эмиссар Стюарт. Он в сопровождении одного итальянца причалил к черкесскому берегу недалеко от укрепления Геленджик, куда за несколько дней до их прибытия были доставлены 80 бочонков пороха.

Очевидно, приезд Стюарта к адыгам и доставка пороха были звеньями цепи политических акций английских агентов на Северном Кавказе. Отговорив старшин от переговоров с Рос-

¹³ ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 20, л. 1; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6321, л. 162.

¹⁴ ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 20, л. 6.

¹⁵ Portfolio № 4, р. 25—31.

¹⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13. — С. 419.

¹⁷ ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 20, л. 1.

сней, Англия не хотела допустить урегулирования русско-адыгских отношений и в будущем.

С другой стороны, необходимость частых приездов агентов на Кавказ и осуществление непрерывной антирусской пропаганды говорят о прочности русско-адыгских связей. И этим отношениям, сохранившимся вопреки колониальной политике царизма и поискам иностранных держав, английское правительство решило положить конец непрерывной засылкой агентов и поставкой адыгам военных материалов, предназначенных для использования в борьбе с Россией.

Нам представляется заслуживающим внимания то обстоятельство, что в своих поисках английская агентура никогда не говорит от имени своего правительства, а делала заявления от турецкого султана, египетского паша и вообще от имени «держав».

Вероятно, это происходило потому, что английская агентура встречала трудности, к ее поискам адыги относились с подозрением и недоверием. И для того, чтобы противодействовать адыгам русскому народу, англичане пытались использовать их религиозную ревность. Турецкий султан — глава мусульманской религии и единоверного государства преподносился английскими поборниками «независимой Черкесии» и союзником адыгов. Точно также англичане спекулировали именем египетского паша — Мухамед-Али, имевшего большой авторитет в мусульманском мире.

Турецкий султан, египетский паша и английское правительство представлялись как «союзники», и этим английские эмиссары хотели убедить адыгов в том, что не Россия, а Великобритания понимает и отстаивает интересы народов Востока, и поэтому ее агентам надо верить и выполнять их советы.

Мысль о необходимости приостановить дальнейшее усиление России на Кавказе была наиболее отчетливо высказана министром иностранных дел Англии лордом Пальмерстоном, который объявил, «для Англии вовсе не обязательным и не имеющим никакого значения отказ Турции от ее прав на Кавказском побережье»¹⁸.

Английская дипломатия, действовавшая до сих пор скрытно против возрастающего влияния России на Кавказе, заявила открыто о своих притязаниях на Северо-Западный Кавказ. Рупором для пропаганды антирусских настроений стало издание журнала «Portfolio». Он выходил на английском и французском языках. Главное руководство этими сборниками принадлежало

¹⁸ Тарле Е. Крымская война. М., 1941. — Т. I. — С. 93.

публицисту-туркофилу Уркарту. Пальмерстон же оказывал ему негласную помощь. В сборниках печаталась секретная дипломатическая переписка из русских архивов, документы и публицистические статьи¹⁹. «Portfolio» в основном интересовался Россией и ее восточной политикой. Авторы издания занимали резко враждебную позицию по отношению к России²⁰. Они ставили перед собой задачу: политической изоляции России и подготовки общественного мнения к борьбе с ней.

Авторы издания писали, что Россия «угрожает», «оскорбляет» и «обманывает» народы Кавказа, и что эти народы «ищут теперь покровительства и поддержки Англии», что захватнические «замыслы России доставили Англии любовь народов...»²¹. Английские колонизаторы обращали внимание на необходимость использования в борьбе с Россией освободительного движения горцев Северо-Западного Кавказа.

В. И. Ленин, внимательно изучавший историю русско-английских отношений, в статье «О сепаратном мире» подчеркивал захватнический, разбойничий характер внешней политики Англии и России на Востоке: «...за все это долгое время Англия была сильнейшим врагом разбойничьей политики России, потому, что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов»²². И в этой борьбе с Россией английская буржуазия отводила чрезвычайно важную роль Северному Кавказу. Правящие круги Англии добивались того, чтобы здесь Российской влияние было уничтожено и заменено английским влиянием, ибо в дальнейшем Турция «уступит по всем пунктам» России, «Константинополь падает...», тогда мечта (России — А. Б.) об Индии²³ не будет больше скрываться; к ней можно будет приблизиться через Персию. «Что тогда сможет сделать Англия?»²⁴, — вопрошал Уркарт.

Приведенные выдержки из издания «Portfolio» свидетель-

¹⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Лорд Пальмерстон (статья шестая). Соч., т. IX. — С. 402—407; Шебунин А. Н. Россия на Ближнем Востоке. — Л., 1926. — С. 47.

²⁰ Современный английский буржуазный историк Blanch L. в своей большой монографии «The Sabres of Paradise». London, 1960, оправдывающий английскую политику борьбы с Россией на Кавказе, пишет: «Лорд Пальмерстон был самым известным русофобом, а Дэвид Уркарт — журналист, секретарь английского посольства в Константинополе, был «фанатичным в своей ненависти к России» (См. указ соч., р. 15).

²¹ Portfolio, 1836, т. 1, № 4, р. 9.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 186.

²³ Там же.

²⁴ В середине 30-х годов XIX века на Западе было сфабриковано мифическое завещание Петра I, где говорилось, что Россия «мечтает» захватить Индию (См. Шебунин А. Н. «Россия на Ближнем Востоке». Л., 1926, с. 49).

ствуют о том, что английские колонизаторы стремились сделать Северный Кавказ форпостом английских интересов, барьером для русской восточной политики.

В тесной связи с намерением использовать освободительное движение адыгов и народов Дагестана и Чечни в борьбе против России находилась и торговая политика группы русофобов— Пальмерстона, Понсонби, Урката и других. Они намеревались объявить России жестокую торговую конкуренцию на Востоке, закрыть английский рынок для русских товаров, создать оппозицию Николаю I в лице купцов и помещиков, торгующих с Англией, с тем, чтобы добиться от царского правительства уступок на Кавказе и признания за Англией прав свободной торговли на восточном Черноморском побережье.

Эти мысли нашли отражение в статье «Об англо-русских торговых отношениях», опубликованной во втором томе «Portfolio». В нем, в частности, говорилось: «...Продукты земледелия в России и их торговое обращение... в настоящее время зависят от требований на севере, идущих из Англии... Богатства русских дворян происходят почти исключительно от продажи их сырья англичанам. Англия обладает средствами, путем сокращения рынка... оказать могущественное влияние на русское дворянское сословие, переманить его на сторону своих интересов, — хотя бы правительство было нам враждебно, — и заставить его действовать против этого правительства...»²⁵ с тем, чтобы заставить Николая отказаться от своих проектов относительно Турции и Востока...»²⁶.

В отношении Северо-Западного Кавказа Англия добивалась отмены «непрерывной блокады берегов Черкессии», получавших некогда английские товары²⁷. А для ослабления российских позиций в Османской империи английская буржуазия намеревалась предоставить Турции льготы, «которые сильно повысили бы производительность ее земли... посредством которых Турция с успехом соперничала бы с державой, под игом которой она находится...»²⁸.

Все усилия Англии были направлены на ослабление русских позиций на Востоке и она проводила эту политику как путем дипломатического, экономического давления и подстрекательскими методами среди горцев.

В 1836 году противоборство Англии и России на Северо-Западном Кавказе достигло наибольшей остроты, этому спо-

²⁵ Portfolio, т. II, pp. 36—44.

²⁶ Ibid, т. II, pp. 36—44.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid, т. II, pp. 38—40.

составляло то, что Россия начала строить береговые укрепления на Черном море. Английские колонизаторы были сильно обеспокоены тем, что Северо-Западный Кавказ все более переходил под русское влияние. Они возлагали надежду на поддержание торговли босприпасами с Черноморским черкесским побережьем, в которой видели возможность иметь не только экономическую выгоду и оказывать определенное влияние на русско-адыгейские отношения в смысле их противопоставления. Уркаутское издание «The Free Press» указывало, что «ограничение торговли с Черкесией обходится Англии в 100 тысяч фунтов стерлингов в год»²⁹. В другой не менее агрессивной по отношению к России статье писалось: «что станет с русской армией, если черкесы получат сотню пушек... сумеют ли тогда русские удержать, хотя бы один пост, как на побережье, так и на Тереке и Кубани.. Тогда английская торговля в бассейне Черного моря получит первенствующее значение»³⁰.

Англичане-русофобы, добиваясь свободы торгового предпринимательства на восточном Черноморском побережье, преследовали далеко идущую политическую цель. В частности, Уркарт неоднократно в своих статьях и выступлениях перспективы расширения и усиления господства Англии в Азии непосредственно связывал с политическим положением народов Северного Кавказа, и в частности Черкесии. Поэтому, Черкесия — «непосредственный форпост Турции и Персии», «bastion Индии», «охрана доступа в Азию», необходимый для английских азиатских владений защитный барьер»³¹ должна была в первую очередь противопоставлена России, и ее восточной политике, что привело бы к затягиванию Кавказской войны.

Контрабандной продажей оружия горцам, подстрекательствами среди них, поднявшихся на борьбу против колониальной политики царского самодержавия, английские правящие круги стремились разжечь национальную рознь между русским населением и адыгами, разорвать их традиционные связи, и в их военных столкновениях ослабить Россию в военном, экономическом и финансовом отношении настолько, чтобы Россия вынуждена была отступить с Кавказа, предоставив Англии в этом районе свободу колониального предпринимательства.

Таким образом, Англия рассматривала северо-западных адыгов, как существенный фактор в борьбе, в соперничестве с Россией. Добиваясь ослабления русского влияния на Северо-Западный Кавказ, являвшийся к тому же барьераом, разделяющим

²⁹ The Free Press, № 20, 1857.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid.

кавказские владения России, Англия рассчитывала уничтожить Российские приобретения на границе с Турцией»³².

О том, какое важное значение придавали правящие круги Англии Северо-Западному Кавказу в силу сложившейся здесь политической обстановки, в силу ее географического положения, свидетельствует Давид Уркарт. Он откровенно писал: «Если Персия является заставой Индии, то еще в большей мере ею является Черкесия»³³.

Следовательно, на Черкесию, ставшую объектом английских колониальных устремлений, возлагалась задача быть барьером русской восточной политики и оберегать уже приобретенные колонии.

Надо отметить, что для реализации своих классовых интересов английское правительство делало ставку не только на горцев, но и на польских офицеров, сосланных на Кавказ после подавления Польского восстания.

Тот же Уркарт, — как пишет Видершаль, — «был заинтересован в том, чтобы на Кавказ был послан такой поляк, который воздействовал бы на своих соплеменников, находящихся на русской службе»³⁴.

Царское правительство через своих послов оповестило державы о том, что свободная торговля с горцами разрешается всем государствам при условии, что не будет производиться торг невольниками, оружием и боеприпасами. 15 июня 1830 г. управляющий Главным штабом императора А. И. Чернышев дал предписание Главнокомандующему отдельным Кавказским корпусом о мероприятиях по охранению кавказских берегов.

В предписании цитировались «собственноручные» повеления Николая I. В них, в частности, говорилось: «Гр. Паскевичу новелеть, чтобы флот наш, крейсирующий у Черноморских берегов, осматривал без изъятия все суда, пристающие к берегам между Анапою и Редут-кале, и поступал с оными на следующем основании: а) те суда, на которых найдутся военные снаряды, брал в плен, как военную добычу; б) подобно сему поступать и с теми судами, которые не дадут себя осматривать; и в) те же суда, на коих, при осмотре оных не окажется военных снарядов, беспрепятственно пропускать для торговли, учредив однакож за ними самый строгий и бдительный надзор»³⁵.

Николай I предписывал военному командованию «не смот-

³² The Free Press, 1836, № 15, p. 116.

³³ Ibid, № 16, p. 115.

³⁴ Widerzal L. Указ. раб. — Р. 53.

³⁵ АКАК, Шамиль — ставленник сultанской Турции и английских колониатров. — С. 17.

реть ни на каких представителей турок, находящихся между черкесами, ибо не только они не должны мешаться в дела черкесские, но даже и само турецкое правительство не имеет никакого права держать их там...»³⁶.

Царское правительство, разрешив свободную торговлю с горцами всем государствам, при условии, если они не будут заниматься контрабандой оружия и невольников, не сумело обеспечить ее практическое выполнение. Поэтому оно изыскивает другие возможности с тем, чтобы не допускать в горы боеприпасы. Командование царской армии решило осуществлять патрулирование так, чтобы допускать иностранные суда в те места, где были русские таможня и карантин.

17 декабря 1830 г. начальник Главного морского штаба адмирал А. С. Меньшиков предписывает командиру Черноморского флота и портов меры по пресечению контрабанды у берегов Кавказа. В них говорилось, что иностранные суда, несмотря на запрет, «как видно из получаемых донесений, находили способ от времени до времени подвозить свинец и порох закубанским народам...»³⁷. Далее он пишет, что «...сверх зла сего, порождаемого непосредственными отношениями турок с горцами», существует опасность занесения в пределы России «заразы», в силу чего «император ныне повелеть соизволил — приступить без отлагательства к принятию самых строгих и положительных мер для пресечения упомянутых сношений, и для сего поставить в непременную обязанность крейсерам нашим, отряженным для наблюдения по восточному берегу Черного моря, отныне суда турецкие допускать только в те места, где есть таможенные и карантинные заведения; во всех других местах строго воспретить и никому ни под каким предлогом не позволять к оным приставать. Запрещение же распространить не на одних турок, но и на все другие нации»³⁸.

В связи с этим предписанием были подготовлены правила для составления инструкций черноморским военным крейсерам. В начале же 1832 года эти инструкции «Об охране побережья от военной контрабанды» были вручены командирам судов, крейсирующих у берегов Кавказа.

В инструкции давались указания о правах и обязанностях судов, несущих охранную службу вдоль побережья³⁹. Иностранным судам разрешалось заходить лишь в те места, где были

³⁶ Там же.

³⁷ Лазарев М. П. Документы. М., 1955. — Т. 2. — С. 198.

³⁸ Лазарев М. П. — Т. 2. — С. 198—199.

³⁹ Там же. — С. 209—211.

основаны русские укрепления с таможней и карантином. В другие же места побережья приставать запрещалось. Вдоль берега устанавливалась запретная двадцатимильная водная зона. А если же иностранное судно шло по направлению к запрещенным местам, требовалось остановить «и если на нем не скажется военных припасов, то воспрепятствовать ему дальнейшее следствие к таковым местам, объявляя, что за вторичное нарушение предписанных правил, оно будет считаться правильным призом».

О том, что Россия будет принимать решительные меры для пресечения контрабандной торговли иностранцев с горцами, царское правительство еще осенью 1831 г. известило через своего посланника при Оттоманской Порте иностранные миссии в Константинополе. Послу было поручено заявить, что на черкесском побережье «торг открыт на основании существующих законов в России для кораблей всех наций, приходящих в наши порты, где учреждены карантины и таможни⁴⁰.

Таким образом, в течение неполных двух лет — с лета 1830 г. по апрель 1832 г. царское самодержание от объявления свободной и беспошлиной торговли невоенными товарами иностранных государств с закубанскими адыгскими народами фактически дошло до объявления полной блокады. Царская Россия, пропуская иностранные товары через свои карантины и таможни, решила сразу ряд крупных задач.

Во-первых, Россия демонстрировала решимость отставивать и расширять свои преимущественные права на Северном Кавказе, полученные в результате победы над Турцией в войне 1828—1829 гг.

Во-вторых, ограничивалось влияние иностранных держав на адыгские народы.

В-третьих, часть протурецких настроенной феодальной верхушки оказывалась в изоляции, лишалась источника оружия.

Первые меры, предпринятые царским правительством, не дали желаемых результатов. Англичане и турки продолжали поставлять на черкесское побережье боеприпасы, имевшие большой спрос. Продолжалась и контрабандная торговля невольниками.

Главнокомандующий отдельным Кавказским корпусом Паскевич в своем отношении от 8 января 1831 г. сообщал о том, что у черкесских берегов находились «шесть мореходных турецких судов, прибывших туда разновременно с товарами для обмена таковых черкесам»⁴¹. Далее он сообщал, что «Россий-

⁴⁰ АКАК, т. 8. Тифлис, 1881. — С. 846; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1098, л. 125.

⁴¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6237, л. 182.

ские военные суда, коими был сделан обыск турецким судам и отобраны найденные на оных железо, сталь, оружие, порох, свинец и сера в кусках»⁴². 26 октября 1831 г. Родофинин сообщал командующему войсками на Кавказе барону Г. В. Розену, что у черкесских берегов продолжали находиться «иностранные суда, торговавшие порохом и не подчиняющиеся русским крейсерам»⁴³.

Это происходило потому, что очень слабая в количественном и качественном отношении абхазская эскадра практически была не способна блокировать береговую линию от Анапы до Редут-кале. А командовавший Черноморским флотом адмирал Грейг проявлял беспомощность в организации крейсерства у берегов Кавказа⁴⁴.

Возрастающее сопротивление английской буржуазии русской восточной политике создавало серьезную угрозу для безопасности русского государства в бассейне Черного моря. Поэтому наряду с организацией крейсерства у черкесского побережья царское самодержавие для изоляции адыгов Северо-Западного Кавказа от антирусски настроенной английской буржуазии и Турции стало создавать укрепленную линию вдоль берега Черного моря. Эта линия создавалась также для противодействия возможной высадке английского десанта на побережье Кавказа⁴⁵.

Строительство Черноморской береговой укрепленной линии началось с созданием в 1830—1831 гг. небольших фортов в Геленджике, Гаграх и Бомберах. Царское командование, в частности генерал-фельдмаршал Паскевич, чрезвычайно большое внимание уделяло Геленджикской бухте. В своем отношении от 21 ноября 1831 г. А. С. Меньшикову он писал: «...на всем пространстве восточного берега Черного моря от Анапы до порта св. Николая нигде не представляется удобнейшего места для необходимого утверждения нашего в том краю, как залив или бухта Геленджикская, соединяющая в себе весьма значительные выгоды. По многим отношениям... имеет все лучшие

⁴² Там же, л. 182 об. Аналогичные примеры см. ККГА, ф. 260, оп. 1, д. 442, лл. 1—4.

⁴³ АКАК, т. 8. Тифлис, 1881, д. 722, с. 845.

⁴⁴ См. письмо М. П. Лазарева А. А. Шестакову «О состоянии Черноморского флота и Севастопольского порта» от 11 сентября 1832 г. — Лазарев М. П. Документы, М., 1955. — Т. 2. — С. 5—7.

⁴⁵ В начале 30-х годов XIX в. командование русской армии и флота верило в возможность войны с Англией в бассейне Черного моря. См. Отчет от 6 февраля 1834 г. М. П. Лазарева А. С. Меньшикову «О средствах и способах обороны Севастополя в случае нападения английского флота...» (М. П. Лазарев. Документы. — Т. 2. — С. 145—146).

удобства для якорной стоянки... с занятием Геленджикской бухты Анапа, удаленная чрезмерно от средоточия горских народов, должна будет лишиться нынешнего преимущества...»⁴⁶.

Паскевич намечал устроить в Геленджике укрепление, которое впоследствии можно было соединить военной линией с Кубанью, и тем самым преградить возможность проникновения иностранцев к закубанским народам.

Заключение Ункяр Искелесийского договора, вызвавшее обострение отношений России с западноевропейскими государствами, привело к значительной активизации борьбы России за пресечение иностранного вмешательства в северокавказские дела. Для ограждения берега Черного моря от иностранцев использовали дипломатические каналы, крейсирование судов вдоль берега продолжалось.

В январе 1834 г. было принято решение «о разделении Кавказской линии на три части и особенно четвертый участок образуемый Черноморье»⁴⁷. Выделением Черноморской линии как «особый» участок подчеркивалась ее важная роль в целом в восточной и в частности в Кавказской политике царизма. Поэтому наряду с армией в укреплении Черноморской береговой линии самое активное участие принял Черноморский флот.

В феврале 1830 г. А. И. Чернышев докладывал Николаю I о предполагаемых совместных действиях Черноморского флота с сухопутными войсками на побережье Кавказа⁴⁸.

20 февраля А. С. Меньшиков уже предписал главному командиру Черноморского флота и портов А. С. Грэйгу «о подготовке судов для перевозки сухопутных войск на побережье Кавказа»⁴⁹. Командование флота к лету 1830 г. подготовило суда и на них был высажен десант на побережье в районе Гагры и Геленджика.

Несмотря на принимаемые меры, пользуясь слабостью русских крейсерских сил, англичане и турки «поддерживали постоянные сношения с горцами. Они распространяли между шапсугами, убыхами и другими черкесскими племенами мятежные воззвания, доставляли им порох, железо, серу и другие припасы»⁵⁰.

В этом отношении примечательны записки командира брига «Пегас» В. И. Полянского. Он отмечает, что в продолжение

⁴⁶ Лазарев М. П. Документы. — Т. 2. — 377—378.

⁴⁷ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 14, д. 83, л. 1.

⁴⁸ Лазарев М. П. Документы. — Т. 2. — С. 373.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Кривенко В. С. Черноморская трагедия // Военный сборник, 1910, № 5. — С. 2.

навигации 1833 г. к восточному побережью Черного моря «последовало до 200 судов»⁵¹. Англичане и турки могли избегать встречи с русскими судами в силу их малочисленности⁵². И по мере усиления контроля русскими властями за побережьем они стали суда большего размера, неспособные подниматься по рекам, заменять медкими, поднимающими до 500 и более пудов груза. Такие суда со всем грузом вытаскивались на берег и укрывались от наблюдения крейсеров.

В. И. Полянский, наряду со многими обстоятельствами, способствующими непозволительной торговле иностранцев с горцами, отмечал, что даже «крейсер, обозревая дистанцию свою и заметив вытащенное на берег или введенное в речку судно, должен до сего пункта возвратиться в Геленджик для уведомления отрядного командира, который, если в то же время примет десант и выйдет в море, но шхипер имеет довольно времени, чтобы избежнуть потери судна и груза»⁵³. Поэтому суда, «пристающие же от Геленджика в 60 милях и более почти безнаказанного торгуют, ибо дальнее расстояние и небольшие военные суда, составляющие отряды, не позволяют брать десант на долгое время»⁵⁴.

Иностранные суда, застигнутые у берегов на якоре, имели «тысячи оправданий», — пишет командир брига, — «изорванные паруса, повреждение рангоута, открывшаяся течь, недостаток воды, дурные качества судна, долгое плавание, противный ветер, большая в море зыбь и множество других подобных случаев могут служить достаточным извинением противу крейсера...»⁵⁵. Командиры русских судов, «не желая подвергаться ответственности за напрасное задержание и согрязженные с сим потери судохозяина, должен будет... отпустить оять его и проводить за определенную черту»⁵⁶.

Усилия царского правительства по блокированию Черноморского побережья вплоть до августа месяца 1833 г. не давали желаемых результатов. Положение стало изменяться с приходом к руководству Черноморским флотом М. П. Лазарева. Новый командующий значительно улучшил организацию крейсерской службы. Для крейсерства стали снаряжаться надеж-

⁵¹ Лазарев М. П. Документы. — Т. 2. — С. 230.

⁵² Полянский В. И. — командир одного из бригов, принимавший участие в крейсировании вдоль берега, пишет, что «... на пространстве 140 миль между Анапой и Гаграми крейсирует одно судно». См.: Лазарев М. П. Документы. — Т. 2. — С. 230.

⁵³ Лазарев М. П. Указ. раб. — С. 231.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

ные и крепкие суда. Абхазская экспедиция была разделена на отряды, каждый из которых состоял из одного фрегата (флагмана), двух корветов, двух бригов, двух шхун и тендера. Экспедиции передавалось несколько транспортов для снабжения эскадры боеприпасами, продовольствием и пресной водой.

За каждым отрядом эскадры М. П. Лазарев закрепил определенный участок побережья. В частности, Геленджикский отряд охранял район от Анапы до Гагр. Этот же участок, в свою очередь, был распределен между отдельными крейсерами.

М. П. Лазарев повысил персональную ответственность командиров крейсеров. Он потребовал «сколько можно избегать якорной стоянки без особенной в том надобности и чтобы цель плавания их у восточных берегов всегда исполняема была без малейшего послабления»⁵⁷.

Улучшилась служба по охране побережья. Суда не только преследовали и задерживали англо-турецких контрабандистов, но и оказывали помощь в создании укрепленных пунктов на берегу, доставлять сухопутным войскам боеприпасы, снаряжение и различные материалы. Для содействия крейсерам в выполнении задачи пресечения иностранного проникновения на Кавказ была сформирована флотилия пирокодонных казачьих лодок.

Возрастание эффективности крейсерской службы у побережья позволило царскому правительству решать более радикальные задачи. Так, император Николай I в апреле 1834 г. утвердил «общий план действий на будущее время и усмирению кавказских горцев». В нем предлагалось прокладывать сухопутные сообщения между укреплениями и «направить отряд из Абхазии до Геленджика для затруднения сношений горских племен с турками»⁵⁸. А в 1835 г. предусматривалось «учредить прочное сообщение вдоль восточного берега Черного моря» с тем, чтобы пресечь проникновение иностранных держав на Северном Кавказе».

Воздвигая укрепления на Черноморском побережье и соединяя их «прочными сообщениями», царизм, с другой стороны, добивался скорейшего подавления освободительного движения. В предположениях на 1834 г. прямо выдвигались задачи: «...принуждать племена, обитающие в пределах вновь образуемых линий к решительной и безусловной покорности»⁵⁹.

Изоляция адыгов от внешнего мира, естественно, должна была ускорить покорение Кавказа, но не настолько, как рассчиты-

⁵⁷ Лазарев М. П. — С. 278.

⁵⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312, л. 54.

⁵⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312, л. 54.

вал царизм. Адыги в борьбе с войсками царского самодержавия вынуждены были покупать оружие и боеприпасы у англичан и турок. Но не эти поставки иностранцев играли определяющую роль в степени сопротивления адыгов царской армии.

Командир отдельного Кавказского корпуса Розен в записках «о предприятиях исполненных в 1834 г. и предполагаемых в 1835 г. к усмирению Кавказа» прямо писал: «...С нынешними способами моими можно окончить продолжение новой линии до Геленджика, но сим главная цель учреждения оной, т. е. совершенное покорение натухайцев не будет еще вполне достигнута... по всей вероятности и 1838 год должно будет употреблять для окончательного покорения натухайцев»⁶⁰.

В 1834 г. иностранным агентам, проникшим в адыгское общество, удалось организовать демонстративную посылку в Константинополь «горской делегации», в состав которой входили Гаджи Беслансей и Магмет Неисерок⁶¹. Поездка этой делегации в Турцию была в основном подготовлена английским посольством в Константинополе и преследовала цель мобилизации общественного мнения Англии и Европы в пользу «горцев, боровшихся против России». Официально делегация должна была выяснить вопрос, какое место занимает Северо-Западный Кавказ в русско-турецких отношениях, вопрос об отношении Порты к адыгам.

В связи с этим представитель царского командования на Кавказе Вельяминов вспомнил, что «статьи Адрианопольского трактата никогда не были объявлены адыг...»⁶² и просил об исходотайствовании от Султана посылки Ханзиф-Паши в Анапу и Халиль-Паши в Геленджик, чтобы «объявить закубанским горцам статьи Адрианопольского трактата до них относящиеся»⁶³. «Русским они не верят, — писал Вельяминов, — а турецкие контрабандисты и иностранцы, которые к ним приезжают, говорят им противное, возбуждают против нас...»⁶⁴.

Иностранная агентура, умело используя ошибки царского командования, пыталась направить недовольство горцев, колониальной политикой царизма против возрастающего влияния России на Северном Кавказе.

В этих условиях борьба за пресечение происков и контрабандной торговли иностранных держав на Черноморском побережье не могла быть эффективной и действенной.

⁶⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312, л. 63.

⁶¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312, л. 120 об.

⁶² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6485, л. 29.

⁶³ Там же, л. 30.

⁶⁴ Там же, л. 29.

Не достигая желаемых результатов в пресечении связей горского населения с иностранными купцами крейсированием вдоль побережья и строительством укреплений с последующим возведением между ними путей сообщения, царское правительство решило заселить район Геленджика, Новороссийска и Сухуми русским населением.

Для этой цели императорским повелением предоставлялись разные льготы лицам, которые пожелают поселиться в Закубанских пределах⁶⁵ Черноморского побережья.

Переселяющиеся из России купцы, мещане и цеховые и водворяющие в указанных районах, освобождались «на 25-летний срок от платежа в казну всех вообще податей и отбывания рекрутских и других повинностей, под какими бы они наименованиями не существовали»⁶⁶. Им разрешалось приобретать законно всякую собственность, даже земли у горцев», хотя последнее оговаривалось необходимостью получения «позволения начальников Черноморской береговой».

Преимущественным правом переселения пользовались русские, за ними шли «единоверцы», болгары и другие иностранцы, сочувственно относящиеся к России⁶⁷.

Большие льготы, предоставляемые царизмом желающим переселиться на береговую линию, говорят о том, какое значение придавалось Северо-Западному Кавказу в политике России, и о том, что наряду с чисто военными мероприятиями стали изыскиваться мирные средства.

Испытавшее гнет крепостничества русское население стало переселяться на Кавказ. Розен уже в 1835 г. в своих записках отмечал, что «преимущества дарованные для поселяющихся за Кубань привлекли ныне в Анапу около тысячи семей»⁶⁸. Поселясь на восточном побережье Черного моря, они усиливали позиции России на Северном Кавказе и способствовали пресечению контрабандной торговли иностранцев оружием и боеприпасами.

Естественно, что царское правительство стало пристальнее следить за происками отдельных агентов.

В июне 1837 г. Хан-Гирей был командирован на Кавказ. Военный министр царского правительства в своем предписании командующему войсками Кавказской линии сообщал: «Государь император соизволил передать командированному к горцам флигель-адъютанту Хан-Гирею все сведения об иност-

⁶⁵ ЦГВИА, ф. 90, оп. 1, д. 120, л. 69.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ ЦГВИА, ф. 90, оп. 1, д. 120, л. 70.

⁶⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312, л. 63 об.

ранных агентах между горцами находящихся с тем, чтобы он со своей стороны употребил все возможные старания схватить этих людей через самих горцев»⁶⁹.

Для выполнения этого задания Хан-Гирею было выдано десять тысяч рублей серебром⁷⁰.

Прибыв на Северо-Западный Кавказ, Хан-Гирей с помощью дворян Гауч Базерга и Шуруха Борена и других начал собирать дополнительные сведения о иностранных агентах⁷¹. Причем интересовался он не только настоящим состоянием дел, но и предшествующими событиями. Вероятно, что такой серьезный и вдумчивый подход позволил Хан-Гирею несколько иначе оценить роль антирусской пропаганды и деятельности английских и турецких агентов в русско-адыгских взаимоотношениях. Если царское правительство причины движения горцев и степень их сопротивления русским войскам во многом объясняли подстрекательством и контрабандной поставкой боеприпасов иностранцами, то Хан-Гирей, не отрицая их определенного влияния на Кавказские дела, отмечает, что адыги осторожно относятся к антирусской пропаганде английских и турецких ставленников. Он писал: «Старшины не верят слепо англичанам. Трехлетний опыт убедил их, что обещания эмиссаров несбыточны...»⁷².

Оценка Хан-Гиреем степени влияния иностранных агентов на кавказские дела разделялась некоторыми военачальниками, которые хорошо знали состояние дел на Северном Кавказе. Обнаруженный нами документ — «Отношение барона Розена от 13 августа 1837 года за № 829 с приложением» представляет в этом плане большой интерес. Поскольку этот документ, составленный лично командиром отдельного Кавказского корпуса и главнокомандующим гражданской частью на Кавказе Розеном, не пущен еще в научный оборот, мы приведем его с не значительными сокращениями.

Розен писал: «... появление Английских эмиссаров между черкесами, кроме материального пособия доставленного ими, как известно в прошлом году оружием и порохом не могло принести нам другого вреда, ибо и без их присутствия и подстрекалий, черкесы без сомнения не изъявили бы добровольно покорности. Убеждением к сему служит то, что все почти племена Кавказа, даже самые маловажные, приведены к покорности не иначе как силою оружия, после неоднократных разорений и опустошений их земель; тем не менее можно ожидать скорой

⁶⁹ ККГА, ф. 260, оп. 2, д. 16, л. 15 об.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312, л. 120 об.

⁷² Цит. по книге Т. Х. Кумыкова. Хан-Гирей. — Нальчик, 1968. — С. 92.

добровольной покорности от шапсуг и натухайцев, составляю щих самые сильные и воинственные племена в западной части Кавказа, их полудиких народов, поставляющих выше всего свою буйную свободу, ни какие увещания и примеры не убедят в необходимости для собственного их блага, изъявить покорность, пока не будут они доведены до последней крайности.

Ложные обещания этих иностранцев как льстившие народному духу, могли быть приняты с радостью и ободрить на некоторое время народ; но два года тщетных ожиданий обнаружили ничтожность обещаний сих обманщиков... ныне английские эмиссары, как я известился не только не пользуются тем уважением, с которым прежде были принятые, но даже находятся под надзором.

Впрочем если бы от влияния этих иностранцев зависело сопротивление черкес, то в прошлом году, когда они еще или более верили и надеялись на пособие их, должно бы было ожидать упорнейшего сопротивления, но, напротив, отряд под начальством Рельяминова, встречал тогда гораздо менее противоборство, нежели в нынешнем году...»⁷².

Представитель царского командования при всем своем высокомерии отношении к адыгам сумел понять, что причиной их освободительной борьбы являются не иностранные происки, а то обстоятельство, что они ставили «выше всего свою буйную свободу».

Россия в борьбе с иностранными происками на Северном Кавказе проводила ряд мероприятий как по линии дипломатической, так и по военной и гражданской линиям. Возводились укрепленные линии, береговая полоса заселялась русским населением, к борьбе с иностранцами привлекались прорусски настроенные феодалы. Но эти мероприятия не дали эффекта не в силу того, что они не были решительными и последовательными, а в силу того, что военно-колониальный аспект кавказской политики царизма создавал в адыгских народах атмосферу относительно благоприятную для антирусской пропаганды.

В то же время борьба России по пресечению проiskов иностранных держав — Англии и Турции на Черноморском побережье Черкесии имела прогрессивное значение для судьб адыгских народов, так как обеспечивала их надежной защитой от внешних врагов, создавала предпосылки для дальнейшего укрепления и расширения политических и культурных связей адыгов с представителями прогрессивной революционной общественности России.

⁷² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312, лл. 129—130 об.

П. П. МАТЮЩЕНКО

ИЗ ИСТОРИИ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА И ЕГО АДМИНИСТРАЦИИ В КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Окончательное вхождение Северного Кавказа в состав России в начале 60-х годов XIX в. положило начало новому пути развития народов, населяющих регион. Оно явилось важнейшей предпосылкой постепенного распада патриархально-феодальных отношений и способствовало втягиванию их в водоворот «мирового хозяйства»¹. Этот процесс совпал с отменой крепостного права в России и в вступлении страны в новую общественно-экономическую формацию — капиталистическую.

Перед царским правительством всталась задача укрепления своей политической власти на Северном Кавказе и его экономического освоения. В связи с этим им был предпринят целый ряд мер в этом направлении. Среди них несомненный научный интерес представляет система государственных мероприятий, имевшая целью регулирование экономических отношений сельского хозяйства.

Эта аграрная политика складывалась под влиянием государственных потребностей и интересов, стоящих у власти классов. С развитием экономической жизни взгляды на способы достижения целей менялись и в руководящих общественных кругах, в связи с чем менялись и направления аграрной политики.

Для исследования внутренней политики царского правительства методологической основой является наследие классиков марксизма-ленинизма о классовой сущности государства и поли-

¹ Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. — Т. 3. — С. 594—595.

тической власти. В. И. Ленин развил эту теорию применительно к российскому государству, глубоко проанализировал классовую природу самодержавия, его развитие, вскрыл сущность проводимой политики, в том числе и аграрной². Отмечая социальную сущность царизма, В. И. Ленин подчеркивал, что «государственная власть в России была в руках одного старого класса, именно: крепостническо-дворянско-помещичьего»³. В то же время В. И. Ленин отмечал, что в своей политике, отстаивая интересы помещиков, правительство в пореформенный период вынуждено было учитывать и интересы буржуазии⁴. 1861—1904 гг. — В. И. Ленин выделил в истории российского абсолютизма и определил его как первый шаг самодержавия в сторону буржуазной монархии⁵.

Поэтому исследование особенностей аграрной политики царизма во второй половине XIX в. в Кубанской области, выяснение политico-правовых отношений позволяет глубже раскрыть социально - экономические предпосылки социалистической революции.

Проблема аграрной политики царизма в казачьих областях Северного Кавказа вообще и в Кубанской области, в частности, не получила должного освещения в исторической литературе⁶.

Собственно политику царизма дворянско-буржуазная историография не рассматривала: Дореволюционные историки, рассматривавшие широкий круг аграрных вопросов, обратили внимание на самый острый вопрос пореформенного периода — земельный. Они не были заинтересованы в объективном освещении проводимой царизмом политики в Кубанской области. И в большинстве своем отстаивали интересы казачества. В своих работах они освещали отдельные вопросы землевладения, землепользования, землеустройства. Ф. А. Щербина исследовал земельную общину кубанских казаков⁷, П. С. Ширский и М. И.

² См. например: Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Там же. — Т. 3; Крепостники за работой — Там же. — Т. 5; Аграрный вопрос к концу XIX в. — Там же. — Т. 17; К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства. — Там же. — Т. 23 и др.

³ Ленин В. И. Письма о тактике — Там же. — Т. 31. — С. 133.

⁴ Ленин В. И. Заметки публициста — Там же. — Т. 17. — С. 61—62. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Там же. — Т. 1. — С. 278.

⁵ Ленин В. И. По поводу юбилея — Там же. — Т. 20. — С. 165—166.

⁶ См. об этом: История и историки; 1979. — М., 1982. — С. 89; Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. — Ростов н/Д., 1980. — С. 171—172.

⁷ Щербина Ф. А. Земельная община кубанских казаков. — Воронеж, 1889.

Чулановский обратили внимание на поземельные права станичных обществ⁸. Официальный взгляд на казачье землевладение и землеустройство был изложен в трудах, подготовленных чиновниками Военного министерства⁹. Также рассматривались вопросы экономического-социального значения поземельного владения казаков¹⁰, поземельное устройство охотников — переселенцев по закону 10 мая 1862 г.¹¹, формы землепользования и распределение земельного фонда Кубанской области¹². Поземельные отношения у горцев Кубанской области и их поземельное устройство были рассмотрены в работах М. Ковалевского, Ф. А. Щербины, П. А. Гаврилова, С. Эсадзе¹³. Правовому и экономическому положению русско-украинского иногороднего крестьянства были посвящены работы Л. Мельникова и А. И. Шершенко¹⁴.

Важные сведения о состоянии землеустройства карачаевцев содержатся в работе Н. С. Иваненко и в «Трудах» обрамовской комиссии¹⁵.

Дореволюционные историки ввели в научный оборот большой фактический материал, пытались проанализировать отдель-

⁸ Ширский П. С. Поземельные права станичных обществ в Кубанской области. — Екатеринодар, 1902; Чулановский М. И. По поводу поземельных прав станичных обществ в Кубанской области. — Екатеринодар, 1905.

⁹ Хоршик и М. П. Казачьи войска — СПб., 1881; Столетие Военного Министерства. — Т. II. — Ч. 4. Землеустройство казачьих войск — СПб, 1911.

¹⁰ Тумутараканский Л. Об экономически-социальном значении поземельного владения кубанских казаков // Кубанский сборник, 1911. — Т. 16.

¹¹ Кедров С. И. Поземельное устройство охотников-переселенцев Закубанского края по закону 10 мая 1862 г. // Изв./ Общества любителей истории Кубанской области (ОЛИКО). — 1912. — Вып. 5.

¹² Городецкий Б. М. Развитие крестьянского землевладения на Северном Кавказе в связи с деятельностью крестьянского поземельного банка // Кубанский сборник. — 1913. — Т. 18; Иваненко Н. С. Землевладельцы Кубанской области и разделы земель. // Изв./ ОЛИКО. — 1902. — Вып. 3.

¹³ Ковалевский М. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Рус. мысль. — 1883. — № 12; Щербина Ф. А. Общинный быт и землевладение у кавказских горцев // Сев. вестник. — 1886. — № 1; Гаврилов П. А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // Сб. сведений о кавказских горцах. — Тифлис, 1869. — Вып. 2; Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. — Тифлис, 1907, 1907. — Т. 1—2.

¹⁴ Мельников Л. Иногородние в Кубанской области // Кубанский сборник. — 1900. — Т. 6; Шершенко А. И. Правовое и экономическое положение иногородних на Северном Кавказе, в связи с хозяйственным развитием края; Вып. I, Кубанская область // Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1906. — Т. 1.

¹⁵ Иваненко Н. С. Карабаевцы // Изв./ ОЛИКО. — 1912. — Вып. 5; Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения карабаевского народа Кубанской области. — Владикавказ, 1908.

ные законы царского аграрного законодательства, но дать классовую принципиальную оценку, ввиду ограниченности их методологических воззрений, не смогли.

В советской историографии вопрос об аграрных отношениях в Кубанской области получил глубокое и всестороннее освещение. Большой вклад в их изучение внесли — П. А. Шацкий, В. П. Невская, В. Н. Ратушняк, Б. М. Джимов и др. И каждый из них в своих исследованиях не мог обойти политico-правовые аспекты пореформенных аграрных отношений.

Изучение этих проблем было начато в 20—30-х годах в работах И. Гольдентула и С. А. Скворцова¹⁶. Они обратили внимание на некоторые проблемы аграрной истории Кубани, но в силу методологических просчетов и слабости источников базы правильно решить их не смогли. Только с 50-х годов началось широкое изучение аграрных проблем истории пореформенной Кубани. Советскими исследователями были изучены вопросы колонизации Кубани, землевладения и землепользования казачества, русского и горского крестьянства. Анализ изучения этих проблем обобщен в ряде историографических исследований¹⁷.

Обратим внимание только на работы, в которых в той или иной степени освещались вопросы аграрной политики. В последнее десятилетие определился у историков нашей страны устойчивый интерес к изучению аграрной политики царизма как в общем по стране, так и в отдельных районах¹⁸.

В работах историков Северного Кавказа вопросы землевладения и землепользования на Кубани рассматривались А. В. Фа-

¹⁶ Гольдентул И. Земельные отношения на Кубани. — Ростов н/Д.; Краснодар, 1924; Скворцов С. А. Землевладение в Кубанской области. — Краснодар, 1925.

¹⁷ Ратушняк В. Н. Советская историография аграрно-капиталистической эволюции Северного Кавказа // История и историки: 1979. — М., 1982. — С. 84—103. Ратушняк В. Н. Исследование пореформенной истории крестьянства Дона и Северного Кавказа. // Социально-экономические проблемы российской деревни. — Ростов н/Д., 1980. — С. 169—174; Ратушняк В. Н. Аграрные отношения на Северном Кавказе в конце XIX — начале XX в. — Краснодар, 1982. — С. 4—25; Матюшенко П. П., Труханович А. П. Аграрный вопрос на Кубани во второй половине XIX — начале XX в. в советской историографии // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. — Ставрополь, — 1983. — С. 3—35.

¹⁸ См. например, Сидельников С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма — М., 1980; Самбук С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. — Минск, 1980; Экономическая политика царизма в Сибири. — Иркутск, 1984; Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (конец XIX в. — 1917 г.). — Красноярск, 1982; Кененсарис Т. Экономическая политика царизма в Киргизии в конце XIX — начале XX в.: Автореф. канд. дис. — М., 1984 и др.

деевым, В. П. Крикуновым, П. А. Шацким, М. М. Бабичевым, В. Н. Ратушняком, А. И. Козловым и др. В опубликованных ими исследований также анализируется создание царизмом на Кубани частного землевладения (П. А. Шацкий, В. Н. Ратушняк), колонизация Кубани и переселение русского крестьянства (П. А. Шацкий, В. В. Покшишевский, Д. Исмаил-Заде, В. В. Тихонов, В. Н. Ратушняк).

В отношении горского населения Кубани политика царизма в некоторой степени изучена лучше, благодаря работам Б. М. Джимова, В. П. Невской, В. Н. Ратушняка, Ф. П. Тройно. Но в целом по Кубани, исследования, освещдающего аграрную политику царизма и его администрации, еще нет. Работы советских историков касались лишь отдельных сторон этой многогранной проблемы, в основном, рассматривая законодательство царского правительства, как иллюстрированный материал при анализе аграрных отношений. Остаются неисследованными основные принципы аграрной политики царизма, их эволюция, противоречия в правительственные кругах по аграрным вопросам, практическое осуществление мероприятий самодержавия на местах.

В настоящей статье в порядке постановки проблемы делается попытка рассмотреть общую историю аграрной политики царизма в Кубанской области в 60—90-х гг. XIX в., определить основные этапы ее проведения, охарактеризовать политику в области землеустройства.

Изучение аграрной политики царизма на Кубани обеспечено достаточно широкой источниковой базой. Поскольку характер землевладения и землепользования определялся царизмом, а конкретное выражение они находили в мероприятиях местной администрации — высшими правительственными и местными учреждениями были созданы большие комплексы регламентирующих документов.

Среди них в первую очередь выделяются официальные издания законодательных актов царского правительства — такие как «Полное собрание законов Российской империи»¹⁹, «Свод законов Российской империи»²⁰, «Собрание узаконений и рас-

¹⁹ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ) — СПб., 1862—1884. — Собр. 2. — Т. 33—55 (1860—1881 гг.); ПСЗ. — СПб., 1885—1916. — Собр. 3. — Т. 1—33 (1881—1913 гг.). (Краткий обзор материала ПСЗ по Северному Кавказу см. в кн.: Проблемы социально-экономического развития Северного Кавказа в XIX — начале XX в. — Краснодар, 1985. — С. 42—51).

²⁰ Свод законов: Систематическое собрание действующих законов с 1649 по 1917 г. Построен по тематическому принципу.

поряжений правительства»²¹. В них был опубликован самый полный и точный законодательный материал. Среди ведомственных изданий наиболее интересны в этом отношении «Сборник правительственные распоряжений по казачьим вопросам», издававшиеся Главным управлением казачьих войск²².

В него, наряду с «высочайшими позолениями» царя, были включены приказы военного министерства.

Важным дополнением к официальным изданиям законов являются неофициальные их издания, подготовленные чиновниками государственных учреждений для нужд местной администрации²³. В них включены не только законодательные акты, но и распоряжения кавказской администрации, разъяснения Сената, дополнения и изменения к законам, внесенные впоследствии другими изданными актами.

Публикации нормативных актов в «Кубанских справочных книжках», «Памятных книжках»... и «Кубанских календарях» дублируют по своему содержанию официальные и неофициальные издания законов. В них также публиковался обширный нормативный материал местной кубанской и кавказской администрации. Наиболее полно изданы циркуляры наказного атамана Кубанского казачьего войска и начальника Кубанской области²⁴. Важные сведения об аграрной политике царизма содержатся в различных отчетах кавказской и кубанской администраций²⁵.

Многочисленные материалы архивов высших государственных учреждений (Центральный государственный исторический архив СССР), Военного министерства (Центральный государст-

²¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительстве сенате. — СПб., 1863—1917. (Включались все законодательные акты, предназначенные для обнародования).

²² Сборник правительственные распоряжений по казачьим войскам — СПб., 1870—1917.—Т. 1—52 (1865—1916 гг.).

²³ Кучас. Сборник правительственные распоряжений и решений по устройству быта крестьян и поселен Кавказского края (1864—1880). — Тифлис, 1880; Петров Ф. В. Законы о земельном устройстве казачьих станиц. — СПб., 1905. — Вып. 1.; Кануков А. А. Законодательные акты, касающиеся Северного Кавказа и в частности Терской области. — Владикавказ, 1914 и ряд др.

²⁴ Циркуляры начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска и Кубанского областного правления, 1879—1900. — Екатеринодар, 1901.

²⁵ Всеподданнейший отчет Главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863—1869 гг. — СПб., 1870; Всеподданнейшая записка главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1882—1890. — Тифлис, 1890; Отчеты начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области за... (1885—1886, 1888—1889, 1891—1915) год. — Екатеринодар, 1886—1916 и др.

венный военно-исторический архив СССР), кавказской администрации (Центральный государственный архив Грузинской ССР) и местной кубанской администрации (Госархив Краснодарского края) позволяют раскрыть весь ход формирования правительственної аграрной политики. Значение этих архивных документов несомненно велико, ибо «дух» законов познается из деловых бумаг, материалов обсуждения законопроектов. Наибольший интерес представляют из этого рода документов — различные проекты законов, мнения о них отдельных ведомств и лиц, ход обсуждения в различных инстанциях. Именно материалы правительственныеї и местных комиссий, занимавшихся разработкой аграрного законодательства, документы по подготовке и обсуждению законопроектов все еще остаются вне поля зрения исследователей.

Начало преобразований на Северном Кавказе было положено в 1860 году, когда после окончания военных действий на Восточном Кавказе устройство Кавказской линии было изменено и она была разделена на два крыла²⁶. Правое крыло образовало Кубанскую область, левое Терскую область. В состав образованного Кубанского казачьего войска вошло Черноморское войско и шесть бригад Кавказского линейного войска. До принятия соответствующих узаконений о войске, оно должно было руководствоваться положениями о Кавказском линейном войске (1845 г.) и Черноморском войске (1842 г.).

Именно с этого времени начинается целая эпоха преобразований в кавказских казачьих войсках. Высшей правительственної администрацией при участии кавказской и местной Кубанской администрации один за другим был разработан целый ряд законопроектов, вносивших нововведения в жизнь Кубанского казачьего войска и Кубанской области.

У царизма не было какой-либо программы аграрных преобразований, рассчитанной на перспективу. Мероприятия царизма складывались стихийно под давлением текущих потребностей и обстоятельств. На Кубани, как во всех других окраинах России, царизм вводил законы ранее там отсутствовавшие и проводил экономические преобразования, большинство из которых носило противоречивый и незавершенный характер.

Так, царизм в 1868 году разрешил возвращение на территории Кубанского казачьего войска лицам невойскового сословия, не испрашивая согласия станичных или сельских обществ²⁷. Впервые же право поселения на казачьей земле было разрешено

²⁶ ПСЗ. — СПб., 1862. — Собр. 2. — Т. 35 (1860 г.). — № 35421, 36327.

²⁷ ПСЗ. — СПб., 1873. — Собр. 2. — Т. 43 (1868 г.) — № 45785.

законом 10 мая 1862 года. Казакам, переселявшимся в предгорья западной части Кавказского хребта, разрешалось прода вать усадьбы по старому месту жительства лицам всех сословий²⁸. Также разрешалось поселение в станицах, образуемых в предгорьях, государственным крестьянам и лицам других сословий с зачислением в казачье сословие²⁹. Наряду с этим вплоть до 1868 г. не разрешалось поселение в других местах лицам невойскового сословия, за исключением отставных чинов армии, которым разрешение на поселение было дано приказом Военного министра 16 июля 1866 г.³⁰ В Кубанской области была создана специальная комиссия по расследованию дела о неправильном водворении иногородних лиц на землях Кубанского казачьего войска³¹, которой принимались меры к предотвращению самовольного их водворения и удалению с казачьих земель³².

Ее деятельность была приостановлена изданием закона 29 апреля 1868 года. А спустя 15 лет по распоряжению кавказской администрации был реализован целый ряд мер, ограничивавших в правах иногородних крестьян (так стали называть «лица невойскового сословия» — русских и украинских крестьян-переселенцев, живших в станицах и занимающихся сельским хозяйством³³). Им было запрещено селиться на казачьих землях без согласия станичных обществ. Уменьшалось количество скота для бесплатного выласа на общественных выгонах, ограничивались права в строительстве и перестройке домов, увеличилась посаженная плата до 5 коп. за кв. саж. (т. е. 120 руб. за дес.). Им создавались и другие препятствия для развития их хозяйства³⁴. Такой же противоречивый характер носила политика царизма и местной администрации в отношении аренды казачьих земель. Если законом 21 апреля 1869 г. казакам было предоставлено право сдавать паевые земли на продолжительные сроки, то приказами по Кавказским казачьим войскам от 2 июля 1888 г. и 11 августа 1889 г. подобная сдача в аренду паевых земель запрещалась³⁵. Это было предпринято в целях

²⁸ ПСЗ. — СПб., 1865. — Собр. 2. — Т. 27 (1862 г.) — № 38256. — § 106; ГАКК, ф. 350, оп. 1, д. 722а, л. 4.

²⁹ ПСЗ. — Собр. 2. — Т. 27. — № 38256. — §§ 34—46.

³⁰ ГАКК, ф. 318, оп. 2, д. 862, л. 14.

³¹ ГАКК, ф. 318, оп. 2, д. 847, л. 8.

³² ГАКК, ф. 252, оп. 2, д. 1313, л. 7 об. — 8; 318, оп. 2, д. 847, л. 1, 261 об., ф. 353, оп. 1, д. 1263, л. 2 об. — 3.

³³ ПСЗ. — СПб., 1871. — Собр. 2. — Т. 43 (1868 г.) — № 45785.

³⁴ ГАКК, ф. 318, оп. 2, д. 1527, л. 14; д. 1588, л. 19—20, 22—23.

³⁵ ПСЗ. — СПб., 1873. — Собр. 2. — Т. 44 (1869 г.) — № 46996; ГАКК, ф. 318, оп. 2, д. 1588, л. 44.

предотвращения «оскудения» казачества. И только в 1891 году законом об общественном управлении казачьих станиц было принято компромиссное решение — о сдаче паевых земель в аренду на срок не более года³⁶.

Два фактора определяли аграрную политику в крае: 1) присоединение предгорий Западного Кавказа к России; 2) развитие капитализма в ширь. В связи с этим царизм решал две основные задачи: заселение новых и свободных территорий и в тоже время их экономическое освоение. И определенную роль в этом сыграло царское аграрное законодательство. Хотя вплоть до конца XIX в. переселение крестьян из Европейской России шло как стихийный, нерегулируемый правительством процесс, именно законы 1862, 1868, 1869 гг. предоставили юридическое право оседлости «люсторонним лицам» на казачьих землях.

В своей политике царизм в первую очередь руководствовался защитой интересов своей опоры на Северном Кавказе — казачества. Это тем более показательно, что за весь пореформенный период царизм не принял ни одного (после 1868 г.) закона, облегчающего положение русско-украинского пришлого крестьянства, игнорировал их земельную необеспеченность. В то же время царизм раздавал сотни и тысячи десятин земли генералам, офицерам и классным чиновникам Кубанского казачьего войска (по закону 23 апреля 1870 г.)³⁷, «высочайше жаловал» сотнями и тысячами десятин представителей верховного военно-командования, администрации, горской знати.

В отношении горского населения Кубанской области царизм поощрял переселение горцев в Турцию. Оставшихся же горцев царские власти переселили с гор на плоскость, за исключением карачаевцев. На плоскости горцы были наделены землей в размере от 9 до 14 дес. на правах общинно-надельного землепользования, с отводом особых участков для почетных туземцев в частнос владение. Это было узаконено положением Кавказского комитета о наделении землей горцев 7 ноября 1867 и 11 июля 1868 г. по этому вопросу было принято окончательное решение³⁸. Большая часть лучших земель на месте поселения горцев была передана офицерам и чиновникам, горским феодалам, казачьим станицам. В течение многих десятилетий продолжались землеустроительные работы на горских землях. И только в 1914 году начальник Кубанской области в

³⁶ ПСЗ. — СПб., 1894. — Собр. 3. — Т. 11 (1891 г.) — № 7782.

³⁷ ПСЗ. — СПб., 1874. — Собр. 2. — Т. 45 (1870 г.) — № 48275.

³⁸ Невская В. П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии // Труды/Карач.-Черкес. НИИ. — Черкесск, 1959. — Вып. 3. — С. 144.

своем отчете отметил, что «первоначальное устройство горцев, живущих на плоскости, следует считать законченным»³⁹.

В нагорной полосе, где проживали карачаевцы, земельная реформа проведена не была. Только местным феодалам были пожалованы земли и проведено было размежевание границ между отдельными народами. Карачаевцам прокламацией графа Евдокимова от 19 февраля 1862 г. были пожалованы те земли, которыми они до того пользовались. Лучшие пастищные Эшканонские земли при проведении границы между Кубанской и Терской областями были у них отрезаны, а взамен в 1865 г. были им выделены 40 тыс. дес. земли худшего качества.

Но карачаевскому населению не были установлены их права на землю, так как особенности землевладения и землепользования карачаевцев, по мнению властей, требовали изучения вопроса на месте⁴⁰. Но дальше поверхностных исследований, составления записок, бесконечной переписки в течение многих десятилетий дело не продвинулось. Землеустройство карачаевцев до Октябрьской революции так и не было начато⁴¹.

Искусственно сохранявшаяся правительством неопределенность прав на землю создавала возможности для «регулирующего» вмешательства чиновников в поземельные отношения.

Царизм в своей законодательной практике за весь пореформенный период после 1868 г. так и не предпринял каких-либо шагов к упорядочению земельных отношений в горском ауле.

Политика самодержавия в Кубанской области разрабатывалась в Петербурге в основном двумя государственными учреждениями: Кавказским комитетом (1833—1882 гг.) и Военным министерством. Решающую роль в выработке аграрной политики самодержавия играло Главное управление казачьих войск. Военное Министерство и кавказское начальство (в лице Главноуправляющего гражданской частью на Кавказе, до 1882 г. — Наместника на Кавказе, являющегося одновременно войсковым наказным атаманом Кавказских казачьих войск и командующим войсками Кавказского военного округа⁴²) имели право законодательной инициативы и контроля исполнительной власти. По их предложениям и проектам разрабатывались законопроекты и поступали на утверждение царя через Государственный совет и Комитет министров.

³⁹ Отчет о состоянии Кубанской области за 1914 год // Кубанский сборник. — 1916. — Т. 21. — С. 40.

⁴⁰ Труды комиссии... — С. I.

⁴¹ ГАКК. ф. 574, оп. 1, д. 4154, лл. 7—11, 269—280, 372—396; Труды комиссии. — С. 12—13.

⁴² Свод законов Российской империи. — СПб., 1892. — Т. 2: Учреждение управления Кавказского края. — Ст. 140—141.

Местная кубанская администрация являлась властью исполнительной. Начальник области, он же наказной атаман Кубанского казачьего войска, объединял в своих руках гражданскую, военную и полицейскую власть. Местная администрация проводила в жизнь политику, выработанную в Петербурге, а также входила со своими предложениями в правительство через свое непосредственное начальство в Тифлисе.

В аграрной политике царизма в Кубанской области во второй половине XIX века можно выделить четыре главных направления: 1) организация заселения предгорий Западного Кавказа; 2) разрешение водворения в станицах лиц казачьего сословия; 3) создание частного землевладения; 4) землеустройство казачьего населения.

Для заселения предгорий Западного Кавказа после выселения горцев на прикубанскую равнину по Кубанскому войску было объявлено о переселении казаков за Кубань целыми станицами. Такой принудительный по своему характеру способ переселения вызвал волнение среди казачества. Во избежание возможных вооруженных столкновений атаманом войска графом Евдокимовым переселение было отложено.

24 июня 1861 г. последовал царский реескрипт на имя Евдокимова, которым было объявлено дарование Кубанскому войску закубанских земель и заселение этих земель охотниками-переселенцами и лишь только в случае их недостатка — по жребию по общественным станичным приговорам⁴³. На основании этого реескрипта и было разработано положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта, рассмотренное в том же году в Военном совете и Кавказском комитете и утвержденное царем 10 мая 1862 г. К переселению на закубанские земли привлекались не только казаки Кубанского, но и Азовского и Донского казачьих войск, государственные крестьяне и нижние чины Кавказской армии, «охотники» из других войск и лица всех свободных и податных состояний. Первым поселенцам, переселившимся по собственному желанию, предоставлялись в частную вечною и потомственную собственность участки земли в 5—10 дес. (семействам урядников, казаков и лицам прочих сословий) и от 25 до 70 дес. (семействам офицеров) помимо пользования общинной землей 20—30 и 200 дес.⁴⁴. Но право распоряжения этими землями царизм установил ограниченное — без права отчуждения лицам, не принадлежащим к воинскому сословию.

⁴³ Столетие Военного Министерства. — СПб., 1911. — Т. II. — Ч. 4. — С. 198—199.

⁴⁴ ПСЗ — СПб., 1865. — Собр. 2. — Т. 37 (1862 г.) — № 38256.

Положение 1862 г. вносило в казачье землеустройство новые начала, впервые было допущено в казачьих войсках развитие частной собственности и возвращение лиц неказачьего сословия. Дозуск переселенцев из иногородних был первым поводом к началу широкого переселения крестьян на Кубань.

Предпринятые меры были связаны с общими стремлениями правительства в 60-х годах к гражданскому развитию казачьих войск. Комитет для пересмотра казачьих законоположений, вырабатывавший в то время основные начала для реформы казачества, отрицательно относился к общинной системе землевладения, к всеобщей воинской обязанности казаков и замкнутости казачьего быта⁴⁵.

Эти взгляды нашли свое выражение и в дальнейшей деятельности законодательных учреждений. С целью развития в Кубанском войске торговли и промышленности признано было необходимо отменить прежние ограничения права селиться в казачьих войсках и станицах для лиц казачьего сословия. Лицам всех сословий разрешалось селиться в станицах с уплатой посаженной платы законом 29 апреля 1868 года⁴⁶. С этого времени начался огромный прилив иногородних в станицы области, в результате чего численность невойскового населения увеличилась с 27775 чел. в 1868 г. (6% от всего населения) до 236807 чел. в 1882 г. (30%)⁴⁷. Но главная цель закона — привлечение в станицы торговопромышленников достигнута не была. Главный контингент пришлого населения составили лица сельского состояния, отставные солдаты, разночинцы, мелкие ремесленники. Прилив иногороднего населения обеспокоил местную администрацию. Наряду с проведением ряда ограничительных мер в 80-х годах была начата подготовка законопроекта об ограничении прав иногороднего населения оседло- проживающего в казачьих станицах⁴⁸. Но более чем 20-летнее обсуждение этого законопроекта в центральных и местных инстанциях к принятию закона не привело.

80-е годы XIX в. определяют начало второго этапа в развитии аграрной политики на Кубани. В этот период вплоть до начала XX в. царизм не только не принимал крупных законодательных актов, но и ограничивал действия ряда ранее принятых в 60—70-е годы законов.

Главное же направление в аграрной политике было связано

⁴⁵ Столетие Военного Министерства. — Т. II — Ч. 4. — С. 203.

⁴⁶ ПСЗ — СПб., 1871. — Собр. 2. — Т. 43 (1868 г.). — № 45785; ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 7, 1868, д. 22, лл. 11—13.

⁴⁷ Столетие Военного Министерства. — Т. II. — Ч. 4. — С. 90.

⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 396, оп. 1, д. 1281.

с землеустройством казачьих земель. Законом 21 апреля 1869 г. были установлены правила о поземельном устройстве казачьих станиц⁴⁹. Законодательство закрепило феодальное надельно-общинное землевладение казачества. Оно не получило право собственности на землю, пользование земельными участками было поставлено в прямую зависимость от войсковой администрации и государства. Казачье землевладение оставалось формой «средневекового пользования землей за службу»⁵⁰.

Царизмом были предприняты меры по созданию в крае частного землевладения. Лучшие земли правительством были разданы генералитету бывшей Кавказской армии, царским сановникам, крупным дворянам-чиновникам и горской феодальной знати. Мелкопоместное частное землевладение образовалось на основании закона 10 мая 1862 г. в Закубанье, где потомственными участками наделялись охотники-переселенцы.

Положением 23 апреля 1870 г. земельные участки, состоявшие в срочном пользовании генералов, офицеров и классных чиновников войска, были обращены в потомственную собственность⁵¹. Правительственные власти при этом отмечали, что последствиями наделения казачьих чиновников землею в потомственное владение будут: 1) правильное развитие края в экономическом отношении и быстрое улучшение земледельческой промышленности и 2) прочное и окончательное устройство дворянства в кавказских казачьих войсках⁵². Но при громадном наплыте иногородних большинство этих земель были проданы их владельцами крестьянам и мещанам. В результате на Кубани росла бессословная собственность на землю⁵³.

Особенности землевладения и землепользования, порядки условия эксплуатации земель в Кубанской области определялись царизмом, имели конкретное выражение в действиях администрации. Ею регулировался порядок землепользования в казачьих станицах, порядок эксплуатации станичных и войсковых земель⁵⁴. Царизм установил строгий контроль за арендой надельных и казенных земель, назначил сроки, условия их хозяйственного использования.

⁴⁹ ПСЗ. — СПб., 1873. — Собр. 2. — Т. 44 (1869 г.) — № 46996.

⁵⁰ Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг. // Поли. собр. соч.; Т. 16. — С. 315.

⁵¹ ПСЗ. — СПб., 1874. — Собр. 3. — Т. 45 (1870 г.) — № 48275.

⁵² ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 7, 1870 г., д. 39, л. 8 об.

⁵³ Об эволюции частной собственности на землю см.: Ратушняк В. Н. Аграрные отношения на Северном Кавказе. — Краснодар, 1982. — С. 32—51.

⁵⁴ ГАКК, ф. 355, оп. 1, д. 239, л. 1—1об.; ф. 318, оп. 2, д. 1568, лл. 21—22, 42, 50.

Таким образом, вхождение Северо-Западного Кавказа в состав России и необходимость заселения и освоения земель Кубанской области в начале 60-х годов XIX в. активизировали законодательную деятельность царского правительства. В 60—70-е гг. им был принят целый ряд законодательных актов, регламентировавших развитие аграрных отношений в крае. Царизм, следя возникшим потребностям, внес новые черты в аграрное развитие края. Им было разрешено поселение на территории казачьего войска лиц неказачьего сословия и создана частная земельная собственность. В результате шел процесс одновременного развития феодальных и капиталистических элементов. Но царизм всячески отстаивал и укреплял казачье надельное землевладение, ограничивал (с 80-х годов) действие законов, способствовавших капиталистическому развитию.

В аграрной политике царизма на Кубани можно выделить два этапа: 1) в 60—70-е годы царизмом был принят ряд крупных законодательных актов, регламентировавших аграрные отношения в крае, внесших новые черты в его развитие; 2) в 80—90-е годы — активная законодательная деятельность сменилась подготовкой незначительных законов, были внесены ограничительные меры в реализацию некоторых ранее принятых законов (о праве поселения на казачьих землях лиц невойскового сословия, об аренде казачьих земель).

Основное внимание в своей аграрной политике царизм и его администрация в Кубанской области уделяли укреплению постий казачества. Ими игнорировалась необходимость решения земельного вопроса у русско-украинского иногороднего крестьянства и горского, в первую очередь — карачаевского, населения области.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Ю. Чирг — Из истории русско-адыгейских торговых связей на Черноморском побережье Кавказа в первой четверти XIX в.	3
Н. И. Бондарев — Основные тенденции развития кубанского казачества в XIX веке (этносоциальный аспект)	15
Л. Т. Керашев — Побеги адыгов в Россию (1828—1864 гг.)	35
А. Ю. Чирг — Об участии декабристов в борьбе против контрабанды и работоторговли на Северо-Западном Кавказе	59
А. Х. Бижев — Борьба России с иностранными прописками на Северо-Западном Кавказе в начале 30-х годов XIX века	77
П. П. Матюшенко — Из истории аграрной политики царизма и его администрации в Кубанской области во второй половине XIX века	97

Вопросы общественно-политических отношений
на Северо-Западном Кавказе в XIX в.

Редактор кандидат исторических наук В. Н. Ратушняк.

Сдано в набор 31.10.86. Подписано в печать 17.10.86. № 11806. Формат бумаги 60x84, бумага этикеточная. Высокая печать. Заказ 0256. Тираж 500. Цена 1 руб. Адыгейский ордена «Знак Почета» НИИ экономики, языка, литературы и истории, ул. Краснооктябрьская, 13. Адыгоблполиграфобъединение управления взяточством, полиграфии и книжной торговли Краснодарского крайисполкома, г. Майкоп, ул. Пионерская, 268.